

ПОБЕГ. «Почему немецкий муж 2».

1. Уходя, уходи!

Родители уехали сразу после свадьбы. Они уже поймали все цветные шарики надежд за хвост – о дочери можно больше не переживать. Через какое-то время придет рассуждающая открытка от папы: «Лучшее – враг хорошего – напишет он, – я только сейчас понял смысл этой поговорки. Желаю и тебе понять – чем скорее, тем лучше». Я поняла только, что меня опять предали из лучших побуждений. Стало обидно за еще одну разорванную нить с очень, как казалось, близким по восприятию человеком. Иногда слова пронзают так сильно, что запоминаются на всю жизнь. «Лучшее – враг хорошего». Жизнь как сплошной компромисс? Зачем тогда вообще все?

Семейная жизнь отличалась от несемейной только тем, что у нас появились кольца. Аксель носил свое на безымянном пальце, а я свое в шкатулке на трюмо. Кольцо попало в шкатулку первой вещью, убранной с дороги на место.

– Почему ты сняла кольцо? – он спрашивает, предчувствуя ответ, но хочет получить свою долю страданий.

– Потому что оно – символ принадлежности. А я не чувствую эту принадлежность. Очень просто.

Аксель запустил в волосы пятерню. Ему надо держаться за корни, чтобы осилить смысл слов. Он все еще пытается спастись древними истинами.

– Это символ любви и брака. Мы же надели эти кольца в знак нашей любви. Мы теперь принадлежим друг другу.

Я хожу по комнате и раскладываю по местам вещи.

– Нет, Аксель, это ты надел кольцо. А я была вынуждена это сделать.

Аксель пытается повернуть меня к себе. Меня передергивает, и это движение пугает его руки.

– Не мешай мне, ладно? Видишь, я пытаюсь скорее навести порядок и лечь спать.

– Что, что ты сейчас сказала? Я не понял. Как вынуждена? Ты же сказала, что любишь меня, и мы поэтому поженились.

Я отворачиваюсь от разинутого шкафа с аккуратной стопкой вещей в руках.

– Я тебя обманула.

Аксель, как пловец с просочившейся в ухо рекой, трясет головой и дергает себя за мочку. Видимо, река не вышла, как и эхо моих слов. Теперь уже не вытрянешь. Слова пойдут дальше, отравят кровь, застрянут где-то в лимфе темным пятном с размытыми краями. «Странный случай, – скажут врачи, глядя на рентгеновский снимок. – Ваше пятно не смертельно, но с ним невозможно жить».

– Ты что сейчас говоришь? Можешь перестать раскладывать эти вещи? – Аксель зачем-то вырывает у меня из рук и кидает на пол дорожную сумку. Он все еще пытается не поверить в услышанное, избежать пятна на рентгеновском снимке. Вещи, безучастные к любой агрессии, вылетают и виснут на лямках тряпичным салютом.

– Объясни мне, что происходит. Все было хорошо, и вдруг ты такое говоришь?

– Когда было все хорошо? У кого? Может, у нас была брачная ночь? Может быть, хотя бы раз, кроме того балагана на свадьбе, я позволила себя целовать? Ты и правда ничего не понял или ты дурак? – замечаю за собой приобретенную особенность в общении с Акселем. Радость, презрение и гнев выражаются одинаково бесцветным голосом.

Наверное, краски остались там же, где и сами эмоции – в прошлом.

Аксель садится на диван и закрывает лицо руками. Его эмоций нам хватит на двоих.

– Я не верю тебе. Зачем ты это говоришь? Это неправда! – по напряженным плечам широкой волной растекается решительность, и Аксель выдыхает. – А если правда, то что ты здесь делаешь? Уходи!

Бесцветный голос соглашается:

– Хорошо, – я начинаю собирать вещи в обратной последовательности, но теперь в дорожную сумку. – Аксель, родители уехали, шантажировать меня больше нечем. Я уйду, и ты не найдешь меня. И мне абсолютно все равно, что ты будешь делать дальше. Точнее, мне даже все равно, что я буду делать дальше.

Скорее всего, уйти надо было именно тогда, оставив Акселю крохи самоуважения. Я его обманула, а он меня выгнал из дома и судьбы. Правильная была бы история, поучительная.

Но Аксель выхватывает сумку из рук. Он снова упускает момент стать мужчиной.

– Прощу тебя, прости, я не подумал, как грубо это звучит и что тебе некуда идти. Я не должен был так говорить. А ты не должна... эти ужасные слова. Ты, наверное, просто устала? Ты точно устала – столько напряженных дней, гости, эта дорога... Это все очень утомительно. Давай сейчас ничего не будем выяснять? Я хочу, чтобы мы оставили эти разговоры. Я знаю, что все будет хорошо.

– Как хочешь, – отвечаю я. – Мы можем сделать так или по-другому. Мы можем притворяться и дальше. Ничего от этого не изменится. Ты должен понять – я никогда тебя не прощу! – ухожу в ванную, оставив молодого мужа разглядывать кончики своих носков.

Напоив тело свежестью, завернувшись в пуховое одеяло на огромном супружеском ложе, уже засыпая, говорю:

– Еще раз скажешь мне «уходи» – это будет последний раз, – и, не дожидаясь ответа, погружаюсь в долгожданный безмятежный сон.

Ни завтра, ни послезавтра продолжения разговора не последовало. Аксель принял очередной удар. Если бы он и дальше просто молчал, он был бы Большой молодец и когда-нибудь завоевал бы прочную позицию в моем поблекшем смысле жизни. Что стоило просто жить и притворяться другом? Когда-нибудь, возможно, дружба стала бы тем шатким мостиком в привязанность и любовь. А может быть, он пытался, но не сумел.

«Жалость унижает» – сказал, кажется, Горький, и почему уже не важно. Видимо, сказал то, что испытал сам. Жалость к мужчине, потерявшему достоинство, не унижает – она доводит до иступления.

В нашем доме поселились пачки, тонны бумажных носовых платков. Аксель плачет каждый день. Каждый день он спрашивает, не начала ли я его любить, что ему надо сделать, чтобы я простила и полюбила? А я не знаю, как объяснить, что я смогла бы со временем не простить, но забыть его поступки, которые были подлыми, но поступками, но я не знаю, как простить его за эту сырость. Можно ли полюбить носовой платок? Аксель, бедный Аксель, так ничего и не понял. Я предлагаю ему дружбу взамен носовых платков. Он держится два дня и снова плачет. Выбор в пользу платков очевиден, разве нет? И так «лучшее – враг хорошего»? Хорошее – это муж и его стенания?

Я опять записалась на курсы немецкого. В жизни должно быть что-то, кроме плаксы-мужа.

В первый день на перемене толкаюсь плечами с красивой девушкой у зеркала – обе красим губы в красный цвет. Обе хотим владеть полным изображением.

– Меня зовут Аудроне, можно Аудре, – говорит девушка, промокнув салфеткой спелые губы. – Я потная, как свинья. Как сегодня жарко!

Я киваю, выгоняя из воображения потную свинью. Улыбаюсь.

– А почему свинья?

– Потому что свиинья не потеет! – говорит Аудра непреклонно и немного нараспев с тягучим прибалтийским акцентом.

2 Аудроне

Мы вышли друг к другу из темных лесов, джунглей, когда уже не рассчитывали на связь с союзниками. Потеть, вздыхать, переживать, сострадать – чуждые человеческие слабости. У меня пропали краски в голосе, а у Аудроне отсутствует энзим, ответственный за сопричастность. Мы две половины одной непотеющей свиньи. Свобода и полное отсутствие моральных и нравственных границ. Хотя о чем это я? Мораль и нравственность – понятия эфемерные и у каждого свои, индивидуальные, как походка. А походка у Аудроне такая, что не оставляет сомнений даже глубоко притаившимся в засаде условностей немцам. Аудроне вертит своей нравственностью в такт шагам.

У Аудроне есть мужчина – Андреас. Они вместе живут, и она называет его «мой мууж», хотя они вряд ли когда-то распишутся. Ей проще. Она и он справились с ситуацией по-своему. У него есть надежный диван и пиво. Он просто ждет ее. Она любит его за это. Аудроне говорит: «У нас очеееень болльшая любовь». Я вижу глаза, ожидающие приговора. Но кто сказал, что любовь не может быть такой?

Аксель увидел Аудру и тоже пропал. Понял, что потерял меня не так и не там, где боялся. Он не может запретить мне дружбу. Он и не пытается. По вечерам он бы слушал про нее «с гостящей в теле душой», летающей по ночам, но он не знает ни русского, ни Макаревича. Хотя смысл одинаковый на всех языках для тех, кто ждет у окна. Мужчины, неумеющие летать, вы все знаете, что она однажды не вернется. Теперь практически каждый вечер я не спешу домой. Зачем? Перешагивать через завалы из платков и скорби? Иногда я не прихожу.

– Я ночую у Аудроне. Приду завтра после учебы.

Я не жду ответа и не спрашиваю разрешения. Он знает, знаю я, что у него есть шанс – нужно просто сказать мне «уходи». Он должен только на это решиться.

Мы не разборчивы в планах на вечер. Аудроне что-то такое подмешивает в свой взгляд, что нас повсюду окружают обожанием и зовут, тянут в разные стороны дальше. Мы идем туда, где веселее. Берлин не спит, и когда закрывается один, сразу открывается десяток других клубов. Надо знать адреса, потайные звонки и замаскированные двери. Вечеринки фетишистов, трансвеститов, лаунжи для кокаинистов и дискотеки на экстази. Мы не понимаем, зачем наркотики? Молодость и восхищение чужих глаз возвышает и дарит эйфорию почище кокаина. Иногда выходим из ночи и шуримся, привыкая к свету. Люди уже давно разделились со своими утренними бутербродами и бегут с «coffee to go» навстречу новому дню. Мы вливаемся в массу большого города, теряемся в толпе ночными тенями. Останавливаемся на неспешный кофе за витриной маленькой закуской. Нам некуда спешить. Нам не к кому спешить.

Теперь на Аудроне держится мой зыбкий мир. Раньше это была Алина, и я почти благодарна ей за урок. Я больше не доверяю безоглядно. Алина была расчетлива и красива, но она – рептилия, которая умела приспособливаться, изображать сочувствие и радость, не меняя температуры тела, не давая ничего взамен. Аудроне же не притворяется и честна в своем одиночестве – глазами здесь, а душой где-то там. Она дарит свет, огонь и не отдает при этом ничего от себя. Она это умеет. Не уверена, что она бы заметила, пропади я вдруг из ее жизни. Так же, как и ее «мууж». Так же, как и

все вокруг. Окружающие существуют как фон, как свита, создающая безразличного к ней короля. У нее я быстро учусь не запоминать имен и не вникать. Зачем? Будет новый вечер и новые глаза, готовые делиться кусочками души в обмен на обманчивые улыбки.

Мы у Аудры дома. Андреас на работе. Мы заняли его диван, его плацдарм стабильности. На столе в вазе два пропадающих апельсина. Их нужно съесть, чтобы спасти от окончательного разложения. Я беру один и начинаю осторожно чистить.

– Аудра, зачем тебе это все? – спрашиваю, не отрываясь от чистки кожуры и рискуя потерять доверие.

– А тебе зачем? – отвечает она вопросом на вопрос. У нее черные глаза ведьмы, в них не живут сомнения. Аудра делает операцию на своем апельсине, вырезает гнильцу, разрезает на части и высасывает сок. Белые острые зубы вонзаются в переспелую мякоть.

– Бросай его.

– А что потом? У меня ни языка, ни работы, ни квартиры. Предлагаешь уехать после всего? – я все-таки накапала апельсином на стол.

– Можешь жить у нас. Работу найдешь – снимешь свою квартиру, – Аудра рисует солнце из капель на столе и стирает его одним резким движением. – Андреас не будет против, а я даже буду рада. Иногда мне кажется, что мы сестры.

Аудра разглядывает мое недоумение и продолжает:

– Не надо ничего усложнять. Все намного проще, чем ты думаешь. Не надо ничего бояться. Разве ты боишься жить? Ее акцент как у певицы Лаймы, и говорит она так, как будто это известные слова из песни.

– Ко мне приезжает брат. Я не могу сейчас уйти. Да и зачем? Ты сама не знаешь, сколько ты еще пробудешь с Андреасом.

Аудра, с ее манерой проваливаться в себя и оставлять для внешнего мира только глазачасовые, потягивается черной кошкой, возвращается ко мне.

– У нас бооольшая любовь, но ты права, я не хочу здесь надолго задерживаться. Этот город становится слишком тесным. Тебе так не кажется? Мне хочется в тепло. Давай уедем куда-нибудь на юг?

– А что мы там будем делать? – я представила, как мы с Аудроной идем по узким улочкам незнакомого города. Жара сводит с ума, и мы перебегаем от одной спасительной тени к другой.

– А что мы здесь делаем? Мы там будем жить и наслаждаться теплом. Здесь слишком долго длится зима. Я всю жизнь живу в зиме. Я должна жить там, где солнце, где огонь, где люди и природа не спят по полгода в своих берлогах.

Как будто в подтверждение своих слов Аудра поводит спиной, и белая шаль с длинными кистями сползает с плеч, оголяя выпирающие ключицы и белую, мраморную кожу груди на фоне черного, еле запахнутого, атласного халата. Она начинает танцевать – сначала медленно, а потом все быстрее. Это какой-то шаманский танец. Длинные черные волосы не продолжают ее движения, а словно живут своей жизнью – взлетают, замирают и опадают густой черной волной. Я вдруг отчетливо понимаю, что она – цыганка! Она конокрадка, кочующая по степям и рассказывающая мужчинам сказки у ночного костра. А может быть, это мужчины сами отдают ей своих коней и свой хлеб? Она не живет долго в одном месте. Она уже собирает свой шатер и складывает в кибитку. Скоро она тронется в путь. Она – одинокая цыганка, но я могу поехать с ней и стать ее табором. Она приглашает меня разделить ее туманный путь. Табор уходит в небо... Она совершенно чокнутая. А я?

Я вскакиваю на диван, прыгаю в такт ее движениям, хватаю со стола опустевшую деревянную вазу и стучу по ней изо всех сил: «Трататаа-тратата-трататата».

3 Брат

Автобусный вокзал. Раннее летнее утро. Утро настолько раннее, что капризное берлинское солнце еще не определилось, стоит ли заморачиваться с теплом. Мы с Акселем не нашли, где купить горячий кофе, тщетно пытаемся согреться, прижавшись друг к другу. Вместо тепла рождается одна неловкость. Мы молчим и ждем. Воздух пропитан влагой и гулкой пустотой. Каждое движение отзывается шаркающим эхом. Мы ждем автобус. Транспорт для самых отчаянных. Когда решительно нет денег на самолет, не хватает на поезд, но есть килограммы бесшабашного здоровья. Мой брат слишком молод и потому глуп и горд, чтобы брать деньги у незнакомого мужчины, пусть и мужа родной сестры. А еще у брата то самое, отчаянное здоровье, чтобы осилить баул с водкой в качестве противоядия: сутки пути в неудобной позе, перекусы на стоянках и отхожие места на протяжении всей полуторатысячной географии «Москва-Берлин».

Любители дорожного экстрима в лице брата рассказывают потом, что о стране можно судить именно по этим, обязательным к посещению, местам. В принципе, никакие другие остановки автобус и не делает. Сарай в поле с оторванной ветром дверцей где-то под Вязьмой постепенно сменяются забегаловками с грязным кафелем в Беларуси и переходят в почти дворцовый вариант с бумагой и отоплением в Польше. Все ждут Польшу. Народ в автобусе прихорашивается. Брат сначала не понял, с чего все так радуются, но не могут же, и в самом деле, приличные туалеты так сильно бодрить людей. Во-первых, оказалось, что могут, а во-вторых, в Польше еще и кормят сытно и вкусно. Много жареного мяса и сочного жира. По словам брата, Польша слишком долго не начиналась и как-то уж совсем быстро закончилась. В первом же цивилизованном туалете девушки из автобуса навели маршфет и проснулись для улыбок по сторонам. Автобус запах духами и туалетной водой, почти вытеснив котлетно-перегарную ноту, сохранив ее лишь в сердце аромата. Как обычно, чувства привязанности и восприятие женской красоты растут в прямо противоположном векторе пустеющей котомки со спиртным. В конце пути весь автобусный социум казался брату надежно своим – старые друзья и немного родственники, брошенные женщины, новые увлечения, планы на будущее. Роман брата с автобусом был неожиданно прерван прибытием в Берлин.

Встречали брата, но роли перепутались, и это не мы ждали его на своей территории, а это он прибыл к нам со своей страной – компактной, но очень реальной. Мужчины хлопали друг друга по плечам, жали руки, просили заходить в Томск и Тюмень по любому вопросу. На шее у брата висели какие-то девы, по виду и взглядам – русалки, а одна бабушка упорно заталкивала сначала брату, а потом мне пакетик с пирожками – «чтобы дома по-домашнему чай попили». Даже сомнительная реклама «С самого дома везу, а для хороших людей не жалко» не пугает, а трогает. Я говорю: «Большое спасибо», – и забираю пирожки в свою наплечную сумку. Откуда это острое желание пригласить брата со всей его автобусной семьей в гости, «чтобы пирожки и чай по-домашнему»? Не помню, чтобы раньше меня занимали такие вот варианты, а тут, смотри, почти плачу от умиления, глядя на них на всех, – они родные?! Брат снял с себя сумки, но никак не мог расстаться с одной из русалок, но потом нехотя проводил ее за автобус и вернулся уже один. Подошел к Акселю и протянул руку. – Ну, привет! Можно я буду звать тебя БРАТАН? А ты меня? Повторяй и запоминай: «Б-Р-А-Т-А-Н».

Аксель запомнил новое слово и произносит его, смакуя буквы, улыбаясь и подмигивая мне. Братан уже растерял свои вещи по квартире, оставил счастливые лужи в ванной, отпечатки босых ног на паркете, нашел гитару и запел Цоя: «Видели ночь, гуляли всю ночь до утра...». Он очень хорошо поет и характерно выставляет челюсть. Я не могу налюбоваться. Я боюсь дышать, боюсь пошевелиться, чтобы не спугнуть нахлынувшее ощущение уюта в сваленной горкой, выпотрошенной из чемодана свалке вещей в самом центре комнаты. Аксель берет вторую гитару и быстро подхватывает мотив. Вот мы втроем орем что есть силы «Видели ночь...». Аксель так смешно коверкает слова и в тоже время так точно изображает понимание смысла. Я подхожу к брату, обнимаю его сзади за плечи, закрываю глаза, а в следующий момент уже переметнулась к Акселю. Обнимаю их обоих – по очереди, вместе, под песню, под несмелую улыбку Акселя, который не верит и продолжает кричать какие-то гортанные звуки, бешено колотя по струнам. В тот день мы все счастливы. Брат – потому что приехал, оценил бар Акселя, перепробовал марочные виски, коньяк и «настоящее немецкое пиво», и еще у него «ого какие планы» на Берлин. Аксель сжимает мою руку. Я, засыпая, положила голову ему на плечо.

– Правда, у меня замечательные брат?

– Нет, это у меня самый лучший БРАТАН, – сказал Аксель, мечтательно разглядывая потолок.

Брат как тибетский монах – вне политики и человеческих распрей. Я говорю ему:

– Знаешь, благодаря тебе, мне кажется, у нас что-то наладилось в отношениях с Акселем.

– А что там может быть не так? С Акселем-то? – удивляется брат. – Он вообще зачетный и намного проще, чем я думал. Не парься, все будет хорошо, я знаю.

Он уже натянул на себя толстовку и с нетерпением переминается в прихожей. Он не хочет разговоров «за жизнь и отношения». Его ждет Берлин. Меня ждет Берлин глазами братишки. Я не стану мучить его своими сомнениями.

– Хочешь сначала погуляем по центру, потом, после работы, к нам присоединится Аксель? Мы оторвемся – обещаю!

«Это что, реально цветной лак для волос?» К вечеру у брата синие волосы, уложенные в ирокез, туманный взгляд и обаятельная улыбка все повидавшего человека. Он уже и не прочь обсудить мои сердечные дела и даже кивает в такт, иногда повторяет: «Акселя, блин, жалко, – но потом обнимает меня, – ты моя самая лучшая, делай, как тебе нравится, ты же знаешь, как я тебя люблю?» Брат пытается заснуть на сложенной в локте руке, не выпуская пивной бокал. Я продолжаю рассказывать, и меня не особо волнует, что слушатель дремлет. Главное, что это мой, мой родной брат. Он все понимает и никогда не осудит. «Знаешь, как я люблю тебя?» – говорю ему в тысячный раз, а он обнимает меня и грубо прижимает головой к своему плечу: «Не переживай, сестренка, прорвемся...»

Аксель встречает нас в костюме, после работы.

– Братан, круто выглядишь, – одобряет брат, проснувшись, и обнимает Акселя. – А мы, вот, ждали тебя и ждали, ну когда же, думали, Братан придет с работы? А ты пришел... Он растягивает слова и, как все пьяные, уверенные в своей неотразимости, люди, совершенно не переживает, что собеседник не говорит на его языке.

– Давай пойдем туда, где «папарарам, папарарам»... Помнишь – «Видели ночь, гуляли всю ночь до утра»?

Он пританцовывает на улице, изображает гитару в руках и покачивается.

– Мы сейчас еще выпьем с тобой пивка для рывка и «папарарам, папарарам...»

Я перевожу, запинаясь, Акселю:

– Он рад тебя видеть и хочет дальше гулять.

Аксель снимает пиджак, бросает его в машину и подхватывает брата за пояс.

– Значит, будем гулять, – говорит мне.

Идем в ночь, шатаясь и горланя песни на всех языках. Два моих кавалера. Один – кажется, ненавистный муж с голубыми лучистыми глазами и ямочками на щеках, а второй, второй родом из детства, любимый как ребенок, самый обожаемый из всех хулиганов на свете.

Брата не пускают на дискотеку. Не проходит фейсконтроль. Он спрашивает меня, держась за мои плечи, чтобы не упасть:

– Это потому что у меня синие волосы, что ли?

Я говорю:

– Нет, потому что они не понимают, что ты приехал из России и у тебя перебор впечатлений.

– Это да, – говорит грустно брат и пытается оттолкнуть меня. У него уже как раз тот самый взгляд, когда бесполезно что-то объяснять. Единственная возможность – общаться короткими командами.

– Я сейчас, – прислоняю брата к стене. – Стой здесь и ничего не говори.

Прошу Аксея:

– Можешь сказать этим, на входе, что у меня приехал брат. Братан приехал! – я подталкиваю Аксея к суровому черному человеку на входе. Мы вместе лопочем на немецком и английском про «очень впечатлительного мальчика». «Впечатлительный мальчик» ростом два метра не может сфокусировать взгляд и приветливо машет рукой в пространство. Нас не пустили ни на одну из дискотек, пока Аксель случайно не встретил знакомого студента-секьюрити на входе.

Мой брат быстро пришел в себя в темной, играющей бликами и оглушающими децибелами тесноте. Он сразу начал какой-то забористый танец в центре танцпола, подпевая себе громко: «Тынц-тынц-тынц». Кричит мне в ухо:

– А где нормальные девчонки? – озирается по сторонам, разводит руками. – Ну покажи мне хотя бы одну? Что это за дискотека? Куда вы меня привели?

Брат наклоняется к Акселю и кричит ему на своем ужасном английском:

– Very bed Axel! Everything very bed!¹

Домой мы возвращались вчетвером. Я так и не успела понять, когда и как брат с ней познакомился. Какая-то маленькая носатая девушка все время быстро отводит глаза. Я устала смотреть на нее из-за этого мельтешения во взгляде. Ее это, похоже, устроило. Остаток вечера прошел в тумане и лениво витающем в дымке вопросе: «Она у нас ночевать, что ли, будет?»

Утром Аксель ушел на работу. И это после «виват, алкоголь, виват!» всю ночь напролет? Надо не забыть спросить, как он это делает. Или это только мы с братом начинаем включаться в жизнь ближе к обеду? Носатая девушка пила чай на кухне и испуганно убежала при моем появлении.

– Стой, – крикнула я. Она замерла и посмотрела в угол. – Конфеты и варенье есть, а еще пирожки к чаю. Хочешь? Домашние!

¹ Очень плохо, Аксель. Очень все плохо!

4 Ахия

Мы пили чай с пирожками. Ее звали Ахия.

– Ахия, ты кто?

Она из Израиля. Туристка. Приехала одна, считает себя отчаянно смелой, рассказывает про армию и показывает мускулы на руках и даже почему-то ногах. Я киваю и про себя не могу понять, как могут одновременно существовать эти мышцы, похожие на туго перетянутые канаты, и эти неуверенные, ускользающие от меня глаза. Она боится меня? Я говорю ей:

– А почему, Ахия, ты пошла с нами? Ты же не знаешь ни города, ни нас.

Она пожимает плечами и говорит, рассматривая короткие, обкусанные ногти:

– Он красивый и смелый. Он мне понравился. Ты против? Он сказал, что ты его сестра. Если хочешь, я уйду.

Конечно же, я хочу, чтобы ты ушла. Я еще не насытилась братом. Мы еще сами не пообщались, а ты будешь постоянно отвлекать его. Ты мне совсем и ни чуточки здесь не нужна. Я единственный обладатель брата на все время его пребывания. Что тут сложного? Это же так понятно! У меня на него патент, право собственности, выданное при рождении. Он мой! Он мне нужен именно сейчас. Я почти успокоилась и по-другому взглянула на мужа. Я уже счастлива в этом новом мирке благодаря ему. Ну зачем тебе было нужно именно сейчас появиться?

– Я хочу, чтобы ты осталась. Мы пойдем гулять все вместе. Тебе наверняка тоже интересно посмотреть Берлин.

Она благодарно кивает и убегает в комнату к брату. Видимо, чтобы сообщить благую весть о покладистой старшей сестре. Через три минуты она выходит, хлопает дверь в спальню, и, пока я жду, когда она появится на кухне, дверь хлопает во второй раз – входная. Она ушла?! Я смотрю, как она быстро бежит в сторону автобусной остановки. Вот оно как... А с братом все не так однозначно. Насколько хорошо я его знаю? Я захожу к нему в комнату, даже не думая стучать. Зачем? Кроме нас, здесь никого нет. Мы привыкли с детства – одна комната на двоих, общие тайны, общие мечты, общие нагоняи от родителей.

– Почему она убежала?

Брат потягивается на постели и сладко зевает.

– В смысле?

– В смысле я предложила ей провести день с нами, она обрадовалась, я думала, что и ты будешь рад, а потом она вдруг убегает и даже не прощается.

– Слушай, не грузи меня с самого утра, а? Скажи лучше, у нас есть что-то попить? Рассольчик там, или кефирчик? Что-то мы вчера дали. Как, кстати, Аксель? Он вообще молоток у тебя, не отставал! А что мне кто-то говорил, что немцы пить не умеют? Вот, пожалуйста, очень даже умеют!

– Аксель на работе, – я присаживаюсь на край кровати, – уже давно на работе. А мне жаль Ахию. Ты чем-то ее обидел?

Брат где-то нашел и съел целый лимон, или откуда это выражение лица?

– Ну что за бред с утра пораньше? Это ее Ахия, что ли, зовут? Первый раз слышу такое имя... Я, знаешь ли, как раз очень даже по-джентельменски предложил ей помочь разобраться по карте, как ей лучше доехать до отеля. Что я, по-твоему, еще должен был

делать? Жениться? Все, отстань, а? Я хочу пить и, кажется, даже есть. Как мы вчера «папапапrrрам, папаарам». Круто, вообще-то, погуляли.

Он уже встал и, пританцовывая, одевается. Подходит и обнимает меня:

– Ну, пойдем, сестренка. Что у тебя за манера постоянно копаться в отношениях: Аксель, Франк, еще Ахия эта...

Брат изображает страдальческое лицо и говорит писклявым голосом:

– Я обиделась, а он тоже, а потом мы вместе обижались и страдали... И как тебе не надоест? Что тебе не живется? Жить надо проще – вон, смотри, солнышко светит, за окном не Мухосранск, а Берлин, есть где жить, есть деньги. Что тебе надо еще? Проще надо и веселее, пойдем, «папараррам, рарам...»

Иду следом на кухню, где еще стоит чашка с недопитым чаем Ахии. Брат одним глотком допивает ее чай и тянется всем телом, руками задевая и раскачивая люстру.

– Ну, куда мы сегодня?

Я стираю бедную Ахию из мыслей. В конце концов, я не могу спасти всех бедных влюбленных дурочек, пускай даже из Израиля, с такими наверняка красивыми глазами и крепким натренированным телом. Появляется шальная мысль – надо познакомить брата с Аудроне. В назидание. Посмотреть кто кого. Смогут ли ее чары изменить этого бездушного мальчишку? Потом пугаюсь. А вдруг смогут? Разве я хочу, чтобы этот мальчик, мой брат, страдал? От Аудроне еще никто не спасался – все гибли со счастливой улыбкой на лице. Нет, этот эксперимент я не буду проводить.

– Ты спишь, что ли? – брат толкает меня в бок. – Телефон разрывается, а ты сидишь и смотришь в свою чашку. Опять Аксели и Франки в голове?

Я вскакиваю и успеваю схватить трубку на последнем захлебывающемся звуке.

Надо же! Она никогда раньше мне не звонила.

– Как у тебя дела? – говорит певучий голос с акцентом. – Брат приехал?

– Привет, Аудра! Рада тебя слышать, – говорю растерянным голосом.

Я уже вижу, как она склоняется над бледной беззащитной шеей моего братика и сладострастно улыбается вампирским кровавым прищуром.

– Да, мой брат приехал, точнее, он приехал, но ненадолго. У меня сейчас совсем мало времени, извини. Я позвоню тебе как-нибудь. Скоро.

После звонка Аудры я залезла с ногами на диван, вдруг почувствовав озноб, и завернулась в плед.

– Кто звонил? У тебя вид, как будто тебе с того света позвонили. Давай рассказывай, кто это?

– Да никто! Одна из моих подруг. Просто не ожидала ее звонка, да и чувствую себя после вчерашнего не очень-то. Давай пошли попьем еще чай или кофе. Надо как-то выходить из этого ступора. Кстати, сегодня после работы Аксель предлагал пойти в гости к его сестре. Ты же еще не знаком с Селеной!

– Я видел ее на ваших свадебных фотках. А она, по фото судя, ничего, симпатичная. Голубоглазая блондинка! – брат подмигивает, и я опять путаюсь и пугаюсь. С Селеной я могу не переживать за брата. А за Селену? Скорее всего, будет просто уютный семейный ужин. Или нет? Вместо Аудры в мозгу появился плотоядно улыбающийся брат, и теперь это он склонялся над шеей Селены. Что за утро? Кругом вампиры и беззащитные шеи. Вот что значит «забота о младшем брате». Я совсем перестала думать о своих проблемах, и Аксель кажется таким родным и понятным. Теперь у меня

нет времени не любить мужа – надо все время кого-то спасать: невинных юных дев от аморального братца или этого самого братца от Дракулы-Аудроне?
– Ты знаешь, Селена, конечно, симпатичная, но она очень серьезная и целеустремленная. К тому же она умная и начитанная. Не в твоём вкусе, – я показала брату язык и убежала в ванную.

5. Селена

Мы подъехали к ресторану к семи часам. Братик злится, что по дороге не дала ему съесть сосиску и выпить пива. Я злая и нудная старшая сестра, все время ворчу, и вообще, я ему не мама, чтобы указывать... Спасибо, дожили.

В ресторане приятный полумрак и довольно прохладно. Аксель и Селена уже на месте. Две прильнувшие друг к другу белые макушки, они смеются и переговариваются, пока не замечают нас. Аксель вскакивает из-за стола и бежит ко мне, целует шуточно и галантно в руку, отодвигает стул.

– Селена, позволь мне представить тебе – мой Братан, – говорит все в той же манере дворцового камердинера.

Мой брат перенимает манеру Акселя, подходит к Селене, представляется и целует ей руку.

– Очень приятно, – говорит, глядя в глаза, и добавляет, – ты выглядишь даже лучше, чем на фотографиях.

Селена сразу же заливается краской. Она белокожая блондинка – как же это не практично: любое смущение моментально отражается на лице розовыми пятнами. Тем не менее она не убирает руку и говорит:

Мне тоже можно звать тебя Братан?

– Нет, тебе нельзя, – говорит брат с сожалением в голосе и обнимает Акселя. – Мы с ним братаны, понимаешь? А с тобой? С тобой мы еще не разобрались...

Все смеются над этой довольно грубой шуткой. Даже Селена. Я думаю: «Ну, все, понеслась!»

Весь ужин смех и воспоминания. У нас с Акселем не может быть таких радостных воспоминаний, но их много – так много, что мы перебиваем друг друга и рассказываем бесконечные истории из совместной жизни. А у нас, оказывается, есть совместная и довольно веселая жизнь. Может быть, зря я переживала? Может быть, мы все-таки лучше и мудрее, чем думали сами о себе? Мой голос обрел краски и снова смеется. А его «пятно», с которым нельзя жить, но и от которого не умирают. Что с ним? Мы выглядим такими беспечными и веселыми. Разве может приезд одного только человека так сильно изменить всю ситуацию? Это я или не я была всего лишь два дня назад, на вокзале, в компании чужого и чуждого мне человека – моего мужа? За что я обижалась на него? Ах да, он чуть не отменил свадьбу. Но ведь это уже давно прошло? Или нет? Или я буду жить с этими мыслями до конца жизни? Разве может этот обаятельный, ясноглазый, светловолосый мужчина – тоже чуть-чуть Есенин, но только не бабник, совсем не хулиган, но немного поэт и мечтатель – олицетворять для меня зло? Я смотрю на него и думаю, что, верно, сошла с ума, если так думала.

Мы не хотим расставаться и после ужина. Селена предлагает продолжить вечер у нее.

– Я так и думала, что зайдем еще ко мне на бокал вина. Я же здесь живу, совсем рядом, – говорит она уже совершенно по-свойски.

У Селены на подоконнике распустились чайные розы в миниатюрных горшках, бледно зеленые занавески, бежевые и белые в мелкий зеленый цветочек подушки на диване, четко подобранная по цвету посуда и очень много свечей. Выверенный уют одинокой и очень аккуратной девушки. Мы сидим и еще сидим, пьем легкое холодное, конечно белое, вино. В какой-то момент брат перехватывает меня в узком коридорчике из кухни в зал.

– Я тебе вот что хотел сказать. Вы с Акселем, если что, идите без меня. Я, скорее всего, здесь останусь.

Он смотрит на меня с высоты своего двухметрового роста и улыбается сразу хитро, нагло и виновато. Я понимаю, как от него теряют голову. Мой маленький братик... Зачем все нужно осложнять? Почему нельзя просто провести хороший вечер, вернуться вместе домой? Я действительно начинаю говорить и размышлять как мама?

– Уверен, что надо обязательно все испортить? Можешь найти себе какую-нибудь Ахию? Оставь Селену в покое, пожалуйста, – все это я успеваю выдохнуть ему в лицо, пока в коридорчике не появилась Селена.

– У вас все хорошо? – спрашивает она.

– Да, но нам уже, наверное, пора. Аксель вчера почти не спал, да и мы не выспались. Мы пойдем уже, ладно?

Селена пожимает плечами и говорит:

– Хорошо, как скажешь. У нас много дней впереди, обязательно встретимся и не раз посидим еще все вместе.

Брат воткнул в меня пронзительный взгляд.

– А я еще совсем не устал. Вы идите, если хотите, а мы с Селеной еще посидим-поболтаем, ты не против, Селена?

Он легко приобнимает ее за плечи и притягивает к себе. Селена замирает и, может быть, не дышит. Свет от свечей в зале еле доносится и очень тусклый, я не могу разглядеть цвет ее лица. Бордовый? Зеленый под цвет занавесок? А может быть, она уже привыкла к манере общения моего брата? Вдруг Селена совершенно спокойно отвечает:

– Тебе лучше тоже пойти со всеми, – и, развернувшись, легко скинув руки, уходит обратно в гостиную, где на диване, в окружении многочисленных подушек, сладко посапывает ее брат.

– Аксель, – говорит ему нежно и гладит его по волосам, – ты устал? Мне вызвать такси или ты хочешь остаться?

В эту секунду я отчетливо понимаю, насколько он ей дорог. Почему моя любовь к брату казалась мне единственной и неповторимой? Как будто только у нас было совместное детство и общая память тех светлых лет. Почему я никогда даже не допускала мысли, что точно такие же чувства испытывает Селена к своему брату? Ее брат – Аксель, по совместительству мой нелюбимый муж. Как же она относится ко мне на самом деле? Она догадывается о том, сколько боли я ему причинила. Как бы я относилась к такой спутнице жизни моего брата? Выходит, что мы готовы терпеть выбор близких нам людей ради них? Ради уважения к их выбору? Ради того, чтобы просто не ставить близкого человека перед тяжелой задачей: или она, или я? Уравнение с двумя известными, одной постоянной и одной переменной – кто кого на этой кривой? А были в истории случаи, когда брат предпочел любимой женщине преданность сестры? Как это должно быть сложно вести себя достойно как Селена – улыбаться человеку, которого, возможно, презираешь в душе. Надеюсь, что мне повезет больше и не придется лицемерить с выбором брата. Пока его недолгие подруги вызывали у меня только сочувствие.

Мой брат, тем временем, улегся рядом с Акселем, подмял под себя подушки.

– Мы с Акселем, тогда остаемся, – и притворяется спящим, потом открывает один глаз и смешно подглядывает.

Селена смеется:

– У меня не такой большой диван, вам будет не удобно.

Брат сразу отвечает, как будто сквозь сон:

– Да, я тоже думаю, что в спальне было бы намного удобнее. Готов переехать и оставить диван Акселю.

Вся ситуация превращается в смешной балаган, и я так рада, что Селена нормально реагирует на шутки. Мой брат наконец встает с дивана, будит и раскачивает Акселя:

– Братан, ну ты что, братан? А я тебя хвалю, всем немцам в пример ставлю, а ты в такую рань спать собрался. Как насчет сегодня «папарарам, папароам – видели ночь, гуляли всю ночь до утра...»?

Аксель смеется, и они в обнимку идут в прихожую, подпевая друг другу нестройным мычанием.

– Твой брат очень напоминает мне того музыканта, Игоря, – говорит на выдохе Селена, когда парни уже попрощались и шумно спускаются вниз по лестнице. – Ты помнишь, что обещала мне как-нибудь сходить вместе в тот ресторан, где он играет?

– Помню, конечно, помню, Селена. Мы ходим обязательно. Если хочешь, можем пойти прямо завтра, вместе с моим братом. Пойдем?

– Да, может быть, – говорит Селена. – Аксель тоже пойдет?

Этот вопрос застал меня врасплох.

– Не знаю. Пока не знаю. Я спрошу у него. Давай завтра созвонимся? Спокойной ночи, спасибо и до завтра, – я поспешно чмокаю ее в щеку и быстро сбегаю по лестнице в шоке от своих же слов.

Всю дорогу в такси братаны поют песни и тревожат таксиста громкостью. Я думаю о завтра. Идиотка, я пообещала идти завтра к Игорю. Зачем? Я уже готова к этой встрече? А Аксель? Как отреагирует бедный Аксель?

6. Игорь

– Нет, ну ты видела какая у нее попа? – брат провожает взглядом темнокожую женщину. Я в который раз говорю ему:

– Мы сейчас идем к Игорю. Это мой бывший любовник, я тебе рассказывала. Из-за него, точнее из-за меня, Аксель чуть было не отменил свадьбу.

Брат опять переспрашивает:

– А зачем же мы туда идем? Ну объясни, не понимаю.

А я, думаешь, понимаю? Я преступник, стремящийся вернуться на место преступления.

И еще я пообещала Селене, что поближе познакомлю ее с Игорем. Наверное, мне стоило отказаться. Или мне самой хочется его увидеть? А зачем? Между нами уже тогда все было ясно – законченно, без каких-то вероятностей на поправку. По версии Игоря, я – избалованная сучка. Я такая и есть. Я не готова ломать успешно начинающуюся, задуманную с детства судьбу. Ради чего? Сколько продлится наша «любовь»? Как обидно, что все всё понимают – кажется, это называется не сучность, а цинизм. Хотя... От настоящей любви рождаются счастливые дети. У художников, поэтов, композиторов от любви рождаются произведения. От несчастной любви рождаются шедевры. А для чего в мире существует цинизм? Для защиты? Для защиты от шедевров и счастливых детей. Я попыталась объяснить брату то, в чем не разбираюсь сама. Конечно, он сказал то, что и ожидалось: «Ты реально гонишь...»

– Аксель, ты рассказывал Селене про Игоря? Про причину, из-за которой чуть не отменилась свадьба?

Аксель моргает, и сейчас, при следующем взмахе ресниц, мой вопрос обретет законченную форму и содержание.

– Нет. Она ничего не знает. Зачем ей знать? Она бы стала к тебе хуже относиться. Я не хочу.

– А ты знаешь, что она знакома с Игорем? Мы с ней вместе с ним познакомились.

Теперь она попросила меня сходить с ней еще раз в тот ресторан, где он играет. Что ты думаешь?

– Почему бы и нет? Я даже, может быть, присоединюсь к вам после работы. У меня же нет больше повода для беспокойства? Аксель смотрит на меня с вопросом, и я тороплюсь его успокоить:

– Нет, у тебя нет повода. Теперь мы женаты. Та история уже в прошлом.

– Вот именно, – говорит Аксель. – Ты моя! – он обнимает меня за талию. Я не убираю его руку.

В ресторане, за тяжелыми бархатными портьерами, не существует жаркого солнечного дня. Здесь царит спокойная, такая же бархатная атмосфера роскоши, полутеней, отражений пляшущих свечей в золотых канделябрах. Мы идем на звук фортепьяно. Я даже не уверена, что играет именно он. Играет что-то нейтральное, соответствующее месту и послеполуденному сонному времени. Народу еще совсем мало. Мы можем выбрать любой понравившийся столик.

– Вы уверены, что мы правильно пришли? – спрашивает брат. – Что-то здесь как-то слишком нарядно. Может, куда-то пойдём, где попроще? Мне тут не по себе. Сейчас еще миллион вилок-ножей принесут, и буду сидеть размышлять, как быть, чтобы не опозориться перед Селеной.

– Не переживай, не принесут. По сути, это обычная пиццерия, только более изысканно оформленная. Не робей, это только с непривычки некомфортно. Скоро пройдет.

– В обычных пиццериях нет белых скатертей и по три разных бокала. Пойдем отсюда, а? Зачем вам этот Игорь? – и добавляет фразу из «Карлсона», – ну зачем тебе щенок? А как же я? Ведь я же лучше?

– Ты лучше, и мы тобой еще обязательно займемся. Давай посидим здесь недолго и пойдём туда, куда захочешь ты? Дай угадаю! Опять в Ирландский паб?

Брат, довольный, кивает. Мы, кажется, договорились.

Вдруг музыка неожиданно обрывается. По залу растекаются, заполняя бархатное пространство, замедляя суету официантов, и воруют мое дыхание «Шербургские зонтики». Нас заметили. Это он. Игорь здоровается со мной.

На Селене зеленое платье. Довольно смелое. Открыты шея и беззащитные косточки ключиц. В изумрудных глазах-хамелеонах паника. Мне всегда казалось, что у нее глаза голубые, как у Акселя. Она поправляет ворот платья. Брат уже сел за стол и снова встает, чтобы помочь Селене.

– Что с вами? Вы почему замерли на месте? Садитесь уже.

Мы садимся и просто ждем. Подходит официант, растерянно пробежав по страницам, мы заказываем то же блюдо, что и всегда:

– Пиццу «Четыре времени года», пожалуйста.

– А мне мясо, – говорит брат хмуро. – И еще пиво хорошее попроси, чтобы принес.

– Нам бутылку Primitivo и темное пиво.

За столом царит молчание. Каждый думает о своем. Брат явно скучает. Селена смотрит на меня почти не моргая, и мне ее жаль. Такой испуг в глазах. Наверное, она уже

сильно пожалела, что пришла. Ни я, ни она не смотрим в сторону фортепьяно, не подаем виду, что поняли, что он здесь.

Игорь подошел сам. Он спросил, можно ли присесть к нам за стол. Брат протянул ему руку.

– Ну наконец еще один мужчина в обществе.

Я сказала:

– Здравствуй, Игорь. Ты помнишь, мы уже как-то приходили сюда с Селеной.

Игорь внимательно посмотрел на Селену.

– Да, помню.

Говорит ей по-немецки:

– Приятно видеть тебя снова. Как дела? Тебе здесь нравится? Мне кажется, ты довольно часто сюда приходишь.

Селена ничего не говорит в ответ. Вместо нее отвечают проступившие на лбу капельки пота и багровые щеки. Игорь в белой застегнутой до горла рубашке. Он где-то успел сильно загореть, и прямые волосы, спадающие на лоб непослушной челкой, кажутся соломенными. Серые глаза смотрят холодно, несмотря на радушную улыбку. Игорь обращается ко мне:

– Мы можем выйти поговорить?

Озираюсь на брата и киваю Селене.

– Я сейчас.

Игорь быстро идет в сторону выхода. Я подумала, что он хочет выйти из ресторана, но он неожиданно сворачивает в коридор, где располагается гардероб и туалет. Он больно хватает меня за локоть и заталкивает в маленькое подсобное помещение, может быть, склад ненужных вещей. Сбоку навалены мотки с бархатными пыльными портьерами, поломанные картинные рамы, какой-то холодильник, чьи-то фраки на плечиках.

– Я соскучился. Я знал, что ты придешь.

Он дышит прерывисто, у него страшные глаза. Я хочу что-то сказать, но он закрывает мне рот одной рукой, а другой задирает футболку, грубо заламывает руку, разворачивает меня спиной. Я не понимаю, кто из нас так тяжело и надрывно дышит, потом слышу свой карябающий горло стон. Что мы делаем?

– Подожди, – начинаю я.

– Замолчи, – шепчет он мне в ухо. – Молчи.

Я сижу на портьерах.

– Я не знала, зачем иду сюда.

– Теперь знаешь? – Игорь смотрит с улыбкой. Или это издевка. Мне не видно в полумраке.

– Что это за тип с тобой? Опять нашла мальчика для светлой любви?

– Это мой брат. Нам надо вернуться. Я здесь только потому, что меня попросила Селена. Кажется, ты ей нравишься.

– Она мне тоже нравится, – Игорь встает и подает мне руку, легко поднимая вверх. – Пошли, у меня затянулся перерыв.

Игорь ушел, и вскоре зазвучала приглушенная музыка. Я долго смотрела на свое отражение в золотом зеркале помпезного туалета.

– Вот такая вот веселая семейная жизнь. Жили были дед да баба...

Через какое-то время я уже сидела за общим столом – благочестивая Марта. Брат сказал:

– Ты что так долго?

Я удивленно переспросила:

– Долго? Тебе показалось. Просто ты голодный, а когда мужчина ждет свое мясо ему кажется, что время остановилось.

– Можно узнать, о чем вы говорили? – удивила меня всегда очень тактичная Селена.

– Он сказал, что рад тебя видеть. Ты же слышала сама. Ты ему давно приглянулась. Селена опять порозовела, а заспанный официант наконец принес огромную пиццу и еще дымящийся стейк.

– Хочу выпить за компанию моих прекрасных дам, – сказал брат, опустошая уже второй запотевший бокал.

За спиной играло фортепьяно. Спокойная, нейтральная мелодия для позднего обеда.

7. Селена и Игорь

Когда тарелки опустели, а в бутылке еще оставалось вино – немного, на один бокал, в ресторан быстрым шагом вошел Аксель. Он прошел к нам за стол, поцеловал нас с Селеной в щеку, пожал руку брату.

– Ну, как дела? Давно сидите? Я такой голодный. Вы не против, если я тоже поем? Никто не против. А даже если и против, то как скажешь и чем объяснишь? Я попробовала сказать, что, может быть, здесь придется слишком долго ждать заказа – ресторан стремительно заполнялся нарядной и шумной публикой. Многие столы украсила табличка «Резервация».

– Нет, в это время везде надо будет долго ждать. Разве вам здесь не нравится?

И сразу без перехода:

– А Игорь здесь? Это он играет? – видимо, Аксель сразу решил покончить со всеми наболевшими вопросами. – Я хочу поздороваться с ним. Он все время играет или иногда делает перерыв?

Брат начал говорить, что перерывы бывают и даже... но я пнула его под столом ногой. Знакомый с детства сигнал – «сейчас же замолчи!». Сигнал спасал от гнева родителей, насмешек друзей и спас опять. Брат осекся на полуслове и повторил недоуменно ожидающему Акселю:

– Бывают перерывы, но нечасто, – брат пристально посмотрел на меня. Ясно, что придется объяснять и пинок, и причину болезненной темы перерывов у музыканта.

– Я тогда сделаю заказ и подойду к нему.

– Не надо, – сказала я. – Думаю, что он тебя уже заметил и сам подойдет поздороваться.

Но, когда перестала играть мелодия и Игорь потянулся к стакану с водой, Аксель быстро встал из-за стола и подошел к роялю.

Я смотрю со стороны. Мне не слышно, о чем они говорят. Слишком стало шумно.

Зачем так громко кричат официанты на кухне? Откуда столько звуков? Эти брэнчания приборов и гул голосов. Я пытаюсь угадать по лицам их диалог. Вот Аксель протягивает руку. Игорь встает и пожимает руку в ответ. Быстрый взгляд в мою сторону. Он меня ненавидит. Потом снова смотрит на Акселя и пожимает плечами. Короткий взмах головой, и волосы опять рассыпаются по лбу. Он убирает их в сторону точно таким же резким движением, как недавно, в душевой полутьме.

Аксель возвращается за стол.

– Я пригласил Игоря присоединиться к нам за ужином. Он должен поиграть еще час, – Аксель смотрит на часы, – да, через час он освободится.

Брат спрашивает меня:

– Так мы не скоро еще пойдем в Ирландский паб? Хотя мне пиво уже и здесь начинает нравиться. Скоро будет состояние «папарарам», и мне, в принципе, уже будет все равно. Ты так с самого начала задумала, скажи?

Я извиняюсь за наш русский диалог:

– Я обещала брату, что пойдём в Irish Pub. Похоже, что сегодня уже не получится.

– Почему? – удивляется Аксель. – Сейчас дождемся Игоря и пойдём все вместе.

Я непроизвольно сминая салфетку, а Селена говорит:

– Отличная идея, Аксель!

Ну почему, почему все в жизни так странно? Откуда берутся такие Аксели с их дурацким благородством? Или это не благородство, а желание показать бывшему сопернику, кому в итоге достался кубок победителя? Он обнимает меня весь вечер, смотрит преданно в глаза, опять как собака, ожидающая похвалы: «Ах, какой ты Аксель! Не каждый бы так смог! Браво, Аксель! Виват, и да здравствует наивность, глупость и самоуверенность!» Но мне жаль его. Я опять запуталась. Сочувствие понижает градус нарастающего раздражения. Он не виноват, что встретил меня. Игорь ударил по клавишам и как-то сразу, неожиданно громко, захлопнул крышку фортепьяно. Вот он подходит к нам и еще раз со всеми здоровается. Садится рядом с Селеной.

– Нет, я не голодный, – отвечает на вопрос Акселя. – Да, у меня свободный вечер. В Irish Pub? Отлично. Поехали!

В машине Игорь сидит на моем месте, рядом с Акселем. Они всю дорогу о чем-то говорят. Я услышала слова «концерт» и «Санкт-Петербург» и не стала дальше прислушиваться. Я в плену между Селеной и братом на заднем сиденье. Брат стучит себя по коленке ладошкой и отбивает какой-то ему одному понятный такт. Селена делает большие глаза, пытаюсь выразить что-то важное. Я глубокомысленно киваю и думаю: «А будь что будет. Какая мне разница? Я уже давно живу в атмосфере абсурда. Я соскучилась по Аудроне. Как бы сейчас от всех избавиться и поехать к ней? Просто увидеть ее спокойное лицо и отсутствующий для всех потрясений на свете взгляд? «Ну и что у тебя случилось? – спросит она. – Подумаешь, какая проблема. К тому же, моя радость, проблема не у тебя, проблема у этих мужчин. Зачем ты переживаешь из-за таких пустяков?»»

Я начинаю улыбаться и громко прошу Акселя прибавить звук у радио.

– Я хочу немного отдохнуть от музыки, – говорит Игорь не оборачиваясь.

– А я совсем не устала, – кричу я. – Аксель, прибавь!

Я тоже люблю это место. Здесь всегда ночь, полно народу, весело, шумно, и все говорят на английском. Живая музыка, и мы пробираемся к сцене. Брат уже куда-то пропал. Я даже немного этому рада. Значит, я пока избавилась от ненужных расспросов. Я не привыкла ему врать, а как сказать правду, еще не знаю. Я буду отдыхать! Эге-гей! Я обнимаю Акселя и целую его в губы.

– Аксель, как хорошо, что ты есть! Ты самый лучший, ты знаешь об этом?

Аксель так счастлив, что еще немного – и меня стошнит от этого умильного выражения лица.

Игорь пьет черное непрозрачное пиво и смотрит на нас с усталым благодушием. Стоит Акселю отвернуться – Игорь шепчет мне губами, наверное, свое любимое «сука», а может быть, он признается мне в любви? Может быть, он снова говорит: «Я соскучился». А какая мне разница? Я и Аудроне. Я научилась дарить обещающие взгляды и не давать ничего взамен. Куда так быстро пропали эти навыки? Чем Игорь отличается от всех тех, других? Он такой же мужчина – где-то потерянный, где-то слишком уверенный в себе, может быть, полная бездарность, питающаяся восторгами дилетанток, как я, а может быть – гений, раздирающий себя сомнениями. Какая мне разница? Я принимаю противоядие, намешанное Аудроне, и сразу становится легче. Мне не должно быть важно, что у них на душе. Я не буду терять себя, пытаюсь понять их. Что значит «так неправильно?» Может быть, правильно – это, когда хорошо

другим? Я у себя одна, а жизнь, моя новая жизнь, еще только начинается. Если захочу – я буду с ним спать. Если надоест – я прогоню его и того, кто считает себя моим мужем. Пошли все к черту! Аудроне, подожди, я уже пакую вещи – я уйду с тобой в темную цыганскую ночь.

Замечаю краем глаза, что Игорь подошел к одиноко стоящей у сцены Селене. Она несмело пританцовывает в такт музыке. Он не обнимает ее, он наклоняется к ней сзади и шепчет на ухо. Она уже не шарахается от его близости, а поворачивается к нему с улыбкой. У нее блестят глаза. Она доверяет ему и уже пропала. Снежный оползень срывается с горы. Почему я так боялась за Селену и моего брата? Мой брат – Ангел. Я сама за руку, за опрятно уложенные светлые локоны, за наивные, как у Акселя, глаза и представления о жизни – я сама привела ее к Игорю. Держись теперь, Селена, он не оставит тебе времени на раздумья и побег. Я вижу по его движениям, по его холодному яростному взгляду, который ловлю каждый раз, когда он поворачивается ко мне, – животное готово к прыжку, а ты, бедная Селена, его следующая жертва. Я разбудила в нем зверя – тебе придется стать его добычей. Может быть, мне надо срочно вмешаться и спасти тебя от него? А ты послушаешь меня? Ты поверишь? И главное – ты этого захочешь? Каждый проходит свой путь. На твоём пути и на пути у твоего брата появились, как в строчке из контракта – непредвиденные обстоятельства – оползень, форс-мажор. Никто не ожидал, никто не может ничего изменить. Обстоятельства невиданной для вашей благополучной жизни силы. Этот оползень только начал набирать обороты. Ты как, Селена? Ты выживешь? Тогда ты станешь сильнее. Хватит прятаться за подушками в мелко зеленый цветочек и просыпаться с туманным чувством, что что-то проходит мимо. Теперь не проходит! Лови! Это твой форс-мажор, твой оползень! ...И теперь это твой непризнанный гений...

Я вспоминаю слова, когда-то услышанные от Ивана: «Береги его – таких больше нет».

Аксель берет меня за руку и говорит:

– Я так сегодня счастлив. Я, наверное, должен подружиться и с Франком.

Я смотрю на него и говорю по-русски:

– Аксель, какой же ты дурак!

И кричу, перекрикивая группу на сцене:

– Поехали, Аксель, я буду сегодня с тобой.

«Ты же хотел этого? Ты так долго этого добивался. Ну, не теряй время, пока я не передумала.»

Игорь слышит, а может быть и нет, может быть, просто именно в этот момент он наклоняется совсем близко к ее шее и целует ее в выступающие косточки позвоночника. Так нежно. Так по-предательски нежно.

Конец бесплатного отрывка

8. Дважды два

Брат уехал – закончились его две недели. Мне показалось, что он сбежал. Он не понял или не захотел вникать в наши вязкие, замешанные на предательстве и обидах отношения с Акселем.

В мире брата все дважды два, и совершенно ясно, что ответ – четыре. У него ответ «четыре» всегда, а меня удивляет такая душевная бестолковость. «Четыре» в жизни не

бывает! Всегда у кого-то «три», и этот кто-то будет счастлив, придумает себе сказку или план про то, как когда-нибудь это станет чем-то бóльшим. А у кого-то будет не «четыре», а «пять», и не хватит всей арифметики, да что там арифметики – жизни не хватит, чтобы понять, как и зачем эти «дважды два»? Почему надо умножать, а не делить и раздавать прохожим? Не должно быть «четыре», не обязательно, но согласна – проще.

Брат уехал, обещал вернуться. Приглашал Акселя в гости.

– Мы с тобой еще устроим, помнишь «видели ночь, гуляли всю ночь...»?

Сказал мне потом, немного подумав:

– А вообще-то, лучше не приезжайте. Разберитесь сначала. Мне кажется, что вы ненадолго вместе. Ты-то сама, когда назад?

Я сказала, что никогда. Потом добавила, что не знаю пока точно, но, может быть, и здесь не останусь. Вдруг все-таки решусь и уйду с табором Аудроне в бесконечное лето. Пока не знаю. У меня нет плана, у меня «дважды два» равно «минус десять». Как-то надо выравнять уравнение. Чем-то или кем-то.

С Селеной брату попроситься не получилось. Она не брала трубку. Аксель звонил. Потом я звонила. Брат попросил Акселя передать Селене от него, раз он не может этого сделать лично, что она самая красивая девушка во всем Берлине. Аксель подмигнул:

– Мне можно позавидовать! У меня самые красивые девушки в Берлине!

Он обязательно передаст Селене. Ей будет очень приятно.

Проводив брата, мы заехали к Селене домой. Неспециально, просто неожиданно оказались рядом с ее домом. В окнах темно, за дверью тишина. Селена не может не брать трубку и не умеет пропадать надолго. Я стояла под ее дверью и хотела скулить. Просто стать на время еще одной грустной собакой, потому что собаки своим воем умеют транслировать пустоту и безнадежность. Собаки видят полную луну и в их душах зреет тоска. Они воют и выплескивают свое отчаяние в мир. Я лишена и этой радости. А как еще передать, что со мной происходит? Но не из-за Игоря же? Не из-за того же, что сейчас он, может быть, ведет Селену наверх, на Чертову гору, чтобы встретить с ней рассвет под рваными шарами заброшенной обсерватории? Они оба свободны и не думают о том, что придется возвращаться в реальность. Для них реальность – это здесь, сейчас и ПОТОМ! Не может же быть, что я представляю Селену и Игоря вместе, и мне хочется выть? Нет. Точно нет. Я хочу им обоим счастья. Я не завидую им и не хочу ничего изменить. Или все наоборот – завидую и хочу быть на ее месте? Просто «дважды два» – «минус десять». Я говорю Акселю:

– Поехали, найдется наша Селена, ну куда она денется? Наверное, где-то с подругами

Селена приехала сама. Без предупреждения. Аксель удивился и обрадовался. Я тоже. Потом увидела ее глаза. Нет, чудес не бывает. И собака, смотрящая на луну, совсем не я, а та, что стоит передо мной. Селена с кругами под глазами. Я думаю, что она, должно быть, давно не спала. Как только уехала с Игорем, она больше не спала? Да, конечно, вряд ли они много спали. Наверное, он теперь опять уехал в свой Питер, а она приехала к нам, не справившись с навалившимся одиночеством. Сижу напротив за кухонным столом и рассматриваю синие круги под серо-зелеными глазами на фоне слишком белой кожи, жалею ее, завидую ей.

– Аксель, ты не оставишь нас? – спрашивает Селена в пустоту, как будто Акселя уже и так нет в комнате, но она должна сказать эту фразу.

– Конечно, говорите, – отвечает Аксель, как все на свете братья, которые прежде всего мужчины и которым просто не дано видеть, что пропал изумрудный свет в глазах сестры. Они хотят верить словам. У них «дважды два».

– У меня все хорошо, Аксель, – продолжает Селена, – мы просто пошепчемся, ладно? Тебе будет все равно неинтересно.

И она права. Аксель рад, что сестра нашлась, что она сидит в безопасности, рядом с его женой, на его кухне. Он выходит, весело напевая под нос, и просит позвать, если будем пить чай с чем-то вкусеньким.

– Что со мной не так? – спрашивает Селена без всякого вступления.

Кажется, она действительно ждет от меня ответа на этот дурацкий вопрос.

– Ты можешь сказать? Ты всегда говорила, что у вас по-другому: другие мужчины, другие обычаи, даже другие отношения. Во всяком случае, ты точно понимаешь русских мужчин лучше, чем я. Скажи, что со мной не так?

Я удивляюсь той перемене, что с ней произошла. Как быстро исчезла та девочка со своим лепетом про замечательного парня Робина, который месяцами водил ее в кино, играть в бильярд и как-то остался ночевать, чтобы посмотреть фильм «Титаник». Я вспоминаю, что Селена рассказывала про то, как они смотрели «Титаник», оба рыдали. Рано утром Робин ушел, предлагая на следующих выходных посмотреть еще какой-нибудь фильм. Тогда Селена тоже спрашивала меня, точно так же, сидя на кухне:

– Как ты думаешь, я ему нравлюсь? Может быть, в следующий раз он меня поцелует?

Я не знала, что ответить ей тогда. Я чувствовала себя чужой на этом празднике в детском саду. Я понятия не имела, нравится ли она Робину, который смотрит с ней ночью «Титаник» и не пытается ее поцеловать. Видео. Ночью. В пустой квартире! В моем мире так звучало приглашение с красным бантом, надушенным желанием. Кто вспомнит на утро, что собирались смотреть какой-то фильм. Обычно кассета так и оставалась на видеомагнитофоне, вызывая загадочную улыбку и мурашки от слова «Титаник». Я до сих пор мечтательно проваливаюсь в прошлое при словосочетании «Восставшие из ада». Но, может быть, я просто не встречала такого парня, как Робин?

После того вопроса прошло всего лишь полгода. Я растерялась тогда и опять не знаю, что сказать Селене. Что Игорь не Робин? Что Игорь не смотрит «Титаники» и будет плевать на название, сюжета, красивого Ди Каприо. Игоря нельзя впускать домой смотреть видео в любое время суток, даже если дом полон народу. «Что с тобой не так, Селена?» Может быть, я не встречала в своей жизни Робинов, а ты не представляешь, что бывают Игори? А что со мною не так, Селена?

Пока я думаю, курю и разглядываю эту девушку старше меня на целых пять лет. Что произошло? Он ее чем-то обидел? Могла ли я настолько сильно в нем ошибаться?

Бывают люди, которые любят рассказывать. Я отношусь к ним. Мне трудно понять, когда от меня ждут ответа, не объясняя, что произошло. Она спрашивает, что с ней не так, и взмахивает обеими руками, предлагая оглядеть ее с головы до ног.

Я еще раз оцениваю пробегаю глазами – у нее, пожалуй, бледноватая помада и широкая клетчатая рубашка канадского лесоруба, созданная для уничтожения любого представления о кокетстве. А какой ответ ждет она? Вряд ли про рубашку и помаду.

– Расскажи, что случилось, Селена.

– Он, – начинает Селена, – я не понимаю его. Я ему совсем не нравлюсь? Тогда почему он был такой нежный тогда, в баре. Ты же видела? Скажи, ты видела, как мы целовались? – Селена нервно собирает распущенные волосы в высокий тугий хвост.

Блики света от лампы падают ей на шею.

Еще бы я не помнила тот поцелуй! Осторожно киваю в ответ.

– Но я не понимаю, почему он так со мной? – она опять хватается за волосы и наматывает прядь на палец.

– Как «так»? Ты можешь нормально объяснить? – мне надоедает затянувшийся бессмысленный диалог со сплошными неизвестными.

Селена молча смотрит в чашку, потом на потолок.

– Нет, я не хочу тебе рассказывать. Это слишком, как тебе сказать, *Reinlich*, – говорит она по-немецки.

Я знаю это слово. Я его сразу запомнила и даже полюбила. Оно звучит перетянутой гитарной струной: «Пайн-лих, пайнлих! Пайнлих!» Оно не тяжеловесное, прибывающее, обличающие и не дающее шанса «СТЫДНО!». Нет, это почти кокетливое, почти певучее «пайнлих!». Надо бы научиться стыдиться по-немецки.

– Селена, при чем тут «пайнлих»? Если ты пришла ко мне, то хотела о чем-то поговорить? Я тебя внимательно слушаю. Что сделал Игорь?

Из нитей неловкости и пряжи стыда щедро украшенная вздохами и красными пятнами постепенно приоткрылась тяжелая портьера чужой тайны. Тайны, как всегда, много значат для действующих лиц и занимательны для случайно посвященных. Меня вся эта история волнует больше, чем следовало бы.

– Вы так рано ушли, я даже не поняла, что вы подходили прощаться. Было так громко. «Было не просто громко, было оглушительно! От стука сердца, от его дыхания, прикосновений. Конечно, ты не слышала, как мы прощались. Ты УЖЕ была не с нами».

– Потом мы тоже как-то неожиданно решили уехать. Мы поехали ко мне.

Селена опять перебегает взглядом с потолка на чашку и обратно.

– Ладно, скажу тебе честно. Я сразу решила, что мы проведем эту ночь вместе. То есть совсем вместе, ты понимаешь?

«Я понимаю. Я все понимаю намного лучше, чем ты можешь себе представить».

Вслух говорю:

– Странно, что ты на такое решилась. Помнится, с Робинем вы долго встречались, и так ни до чего и не дошло...

– Робин совсем другой. Как тебе объяснить? Он как будто ребенок.

Закатываю глаза и изображаю удивление. Неожиданный вывод от Селены. Она точно стала старше за эти несколько дней, что мы не виделись.

– С ним хорошо вместе, но он такой, знаешь, «друг». Мы так много времени провели вместе, ты права, и ничего между нами так и не случилось. В какой-то момент нам обоим стало ясно, что ничего и не будет. Мы остались хорошими друзьями. Он уже, кстати, с другой встречается. Но мне не хочется сейчас про Робина, – Селена отмахивается ладошкой от воспоминаний о Робине, как от настырного комара. – Всю дорогу до дома в такси Игорь был такой... ну как тебе сказать?

Она наконец подобрала нужное слово:

– Нежный. Он был очень нежный.

Если бы мне когда-нибудь пришлось описывать Игоря, то прилагательное «нежный» не попало бы даже в первую сотню эпитетов. Игорь?! Нежный?!

Я переспрашиваю:

– Ты сказала нежный? Странно, он таким не выглядит.

– Да, не похож. И эта его музыка, она же терзает, ты заметила? Он играет для публики лирические партии из популярным мелодрам, а сам сочиняет этот страшный треш. Я тоже удивилась, что он может быть таким... другим. Я даже подумала, что, может быть, ему не хватает любви, и именно поэтому он как бы отвергает любовь, а на самом деле к ней тянется, и эта его музыка – зов о помощи? Я читала в книгах по психологии – так бывает, и довольно часто. Думаю, что это как раз про него.

Я поймала себя на том, что опять кусаю щеки с внутренней стороны. Привычка с детства. Кто-то грыз ногти, а кто-то щеки. «Что она сейчас говорит? Может ли это быть

правдой?» Селена, которая казалась мне такой простушкой, оказывается пронизательней, чем я. Она заглядывает в человека намного глубже, а может быть, ей просто не все равно?

Селена разговаривает сама с собой, уже не отвлекаясь на мою реакцию. А напрасно. Из меня как будто выжали былое снисхождение, оставив только удивление и какое-то странное чувство, похожее на восхищение к чужому умению тонко чувствовать.

А она продолжает говорить, что сама от себя не ожидала такой спонтанности и решительности. Она захотела его, нет, не совсем так, она хотела быть с ним, защитить и успокоить. Дать ему почувствовать то, что он искал и не мог найти в своей музыке.

– Ну и как? Получилось?

Ее вдохновенная речь неприятно колет, и хочется услышать что-нибудь банальное, что-то из ее обычного репертуара: «Сильные руки, смелые губы и траля-ля-траля-ля... как было чудесно нам вместе». Заявка на спасение Игоря от самого себя из уст Селены выглядит как-то уж совсем фантастично.

– В этом все и дело, – опять вздыхает Селена, – между нами ничего не было.

Из одухотворенной собственной смелостью она в какой-то миг опять превращается в печального канадского лесоруба без видимых перспектив на яркую интимную жизнь.

– В чем дело? – ошеломленно спрашиваю я.

После такой прелюдии: он необычайно нежен, она мечтает ему отдаться, чтобы исцелить своей любовью, – что здесь может пойти не так? Ничего, кроме появления на пороге одумавшегося Робина с букетом «миллион алых роз», в голову не приходит.

– Он проводил меня до двери и отказался пройти в квартиру.

Селена делает паузу, покрывается красными пятнами:

– Пайнлих! Я предлагала ему зайти на кофе, потом я даже, – Селена закрывает глаза руками, – я попыталась сама поцеловать его в губы.

Мне страшно смотреть на нее. «Стыдно» и «пайнлих» давно перемешались, добавили в свой хоровод отчаяние и уязвленную женскую гордость:

– Я никогда, никогда, так не делала. Это так ужасно. Я пыталась его целовать, а он стоял и не двигался. Потом сказал: «Ты чудесная», – и ушел, не оборачиваясь, вниз по лестнице.

9. Ковригин

Когда я поняла, что с Акселем у нас ничего не получится? В первый раз – когда провела ночь с Франком. Во второй раз – когда узнала, что Аксель тайком читает и прячет мои письма, звонит Франку с угрозами. В третий – когда Аксель отменил свадьбу и скрыл это до приезда моих родителей. Видимо, не всегда Бог любит Троицу, потому что потом был четвертый раз – когда пришлось врать, играть и... да что об этом... Потом, когда целовала Акселя на свадьбе, и потом, когда каждый день видела его, просыпаясь и засыпая, спрашивала себя: «Зачем это все?» Очередное подтверждение неизлечимого диагноза нашему браку я получила, когда приехал Женька.

Ковригин, как всегда, появился неожиданно – «я проездом». Он беспечный, вечно пьяный. С ним невозможно говорить о тяжелых семейных отношениях – он не поймет, проклянет и обматерит. «Я же не мучаю тебя рассказами про твою “любимую” химию», – говорит он, растягивая рот в собачий оскал и рыча для достоверности. Ему, доктору химических наук, скучно про банальности любви. «Элиция Ка, – почему-то называет меня он, забыв или не оценив мое настоящее имя, – хватит задумываться о никому не интересных вещах. В жизни столько всего, а ты все время копаешься в

скучных материях». Он превращается в декламирующего на сцене актера с вольными движениями поднятой вверх руки: «Отношения простыми не бывают. Просто у кого-то хватает ума на этом не заикливаться. Ах, Элиция Ка, пошли, гульнем лучше, да так, чтобы не было стыдно за бесцельно прожитые годы...» Женька умеет сделать праздник на пепелище и найти смысл в самом бессмысленном – пить и гулять, пока хватает сил. Он свободный радикал из его же науки – свободен от всех правил морали и опасен для всего организма. Он, кажется, вообще не задумывается о жизненных перипетиях и не ведает страха даже в том, что там, за чертой. Мельком сказал, что недавно умер бывший друг, с которым Женька прожил почти два года.

– Не похоже, чтобы ты сильно расстраивался.

– Думаю, что ему там хорошо. Зачем жить в болезни и страданиях? Я вот в своем роде даже жду смерти – там будет еще интереснее. Смерть – это новая форма жизни, просто мы еще не знаем какая. Все, что нам неизвестно, пугает. Вот тебя пугает даже эта жизнь, хотя что там может быть сложного? Просто выбирай и иди куда тебе нужно. Пока живешь, надо получить все удовольствия, все, что тебе хочется здесь, чтобы ТАМ не жалеть. Что может быть проще, чем жить, всегда пробовать новое, идти вперед не оглядываясь...

С Женькой легко. Кажется, что он во всем прав. Я умудряюсь оглядываться назад уже здесь – оглядываюсь и жалею о неправильном выборе, поступке, повлекшим за собой еще более напрасное действие и так далее, в постоянном напряжении от необходимости делать кому-то больно или кого-то жалеть: себя, Акселя, Сюзанну, Игоря, Хайнца и даже Алину. Всех жалко от невозможности что-то исправить и изменить вектор предначертанной кем-то судьбы, включая не нашедшего приют Женьку. Но ему об этом знать необязательно. Скорее всего, обидится и пропадет на дольше, чем обычно.

Пошли кутить с Женькой и позвали Аудру. Аудроне сказала вскоре, что за Женькой пошла бы на край света, но он гей. Это не даст ей возможности пропитаться его соками, чтобы родилось понимание и жизненно необходимая привязанность женщины к мужчине.

– Ему никто не нужен, а он нужен всем, – говорит Аудроне, опуская взгляд в бокал с черным, в слабом освещении бара, вином.

Женька хохочет о чем-то с барменом и, может быть, уже стал забывать о нашем присутствии.

– Он бросит и забудет сразу же, как появится кто-то или что-то интереснее. У него нет времени на утирание чужих слез и выслушивание ненужных жалоб на вселенскую несправедливость.

Аудра делает глоток и запрокидывает назад голову с расплывающимися по плечам живыми змеями густых волос. «Она говорит про себя», – понимаю я. «Она нашла в Женьке свое отражение и любит его, и бесится, что ее чары здесь абсолютно бессильны». Я с ней не спорю. Я не хочу рассказывать ей о нас с Женькой. Мы так давно вместе, что уже забыли, с чего и зачем начался наш союз. Про то, как Женька поет, когда сильно напьется, и в глазах его все-таки есть страх и жалость к самому себе. Жалость, спрятанная далеко и пытающаяся достучаться до меня через стеклянную пелену пьяных глаз. Он держит мою руку в своей, ложится щекой на ладонь и тихо поет: «Вот и встретились два одиночества, развели у дороги костер...» Почему-то верится, что никому от так больше не поет, и, уезжая все время неожиданно, не говоря куда, не сообщая, когда вернется, возвращается только ко мне.

Утром Ковригин разбудил оглушающей музыкой и сообщил, что я должна ехать с ним в Москву.

Он пляшет по комнате в одних трусах-шортах, падает на колени во время припева, подпевая хриплым басом, и протягивает ко мне руку с бокалом чего-то густого и красного:

– Lass mich, lass mich, lass mich Dein Lakaien sein¹, – орет вместе с Женькой новая популярная немецкая рок-группа.

И сразу же, без перехода, кричит, перекивая динамики:

– Тебе надо встряхнуться. Посмотри на свое вечно озабоченное лицо!

Глядя, как я прячусь с головой под подушку, Женька уменьшает громкость. Он уже все решил и бросает мне сумку:

– На, собирай! Скажешь своему Акселю, что тебе надо отдохнуть от него. Ну или, – Женька замирает на несколько секунд, смотрит мимо меня и выдает другую версию, – тебе надо поехать со мной на конференцию! Да, точно! Со мной в Москву для поддержки на конференции. Ну, скажи, что я там выступаю, волнуюсь. Он же знает, какой я раздолбай. Неси всякую там, ему одному понятную, чушь про ответственность... Я знаю, он отпустит и еще денег даст.

Женька радостно гогочет и намешивает очередной утренний коктейль «Вечно ничего у вас нет нормального в холодильнике. Пришлось делать противную теплую “Кровавую Мэри” из томатного сока, и еле отыскал в шкафу бутылку водки в красивой упаковке. Вы зачем ее там держите? Дарить кому-то собирались? Не в курсе, что водка должна быть ледяной?!»

Женька ржет, он бесит свой бесцеремонностью, и да, бутылка привезена спецзаказом из России для особого случая... Но мне не хочется ссориться из-за какой-то бутылки. Женька вот только что так прекрасно сказал – мы едем в Москву!

– Дайка сюда свою «Мэри», – протягиваю руку и делаю глоток, – как думаешь, успеем сегодня же уехать?

10. Стук колес

Купить билеты «Берлин-Москва» получилось только на утро следующего дня.

Аксель отпустил меня без проблем. Я знала, что отпустит. Женька ликовал, в эйфории от предстоящей поездки зачем-то обещал показать университет и главного химика всей России – «наш человек и рубаха парень». Пускай главный химик России, согласна на университет и ночевки в Женькиной общаге – «там беспорядок, но очень атмосферно». У меня есть Женька, четыре свободных дня и целый мир безумных приключений.

Я пляшу, смеюсь и собираю чемодан:

– Женька, ну какой же ты молодец, Женька! Тебе почаще надо приезжать! А может, просто останешься у нас? Какая тебе разница, где жить? Хорошие ученые везде нужны!

– Не надо передергивать, – говорит Женька серьезно. – Ты же знаешь, что я терпеть не могу Берлин. Я приезжаю только из-за тебя. Лучше сама переезжай в какую-нибудь приличную страну, где хотя бы бывает солнце. Вообще не понимаю, как ты тут живешь? Может быть, ты поэтому такая? – Женька крутит пальцем у виска и изображает мое кислое выражение лица.

Женька и Аксель решили устроить отвальную. Женьке все равно за что пить, а у Акселя, как он сам сказал, «веский повод».

В полночь я почувствовала усталость и решила выспаться перед дорогой и многообещающими каникулами.

Я уже спала и вдруг проснулась, как от толчка. На часах пять утра, Акселя в постели нет. Я встала и пошла посмотреть, что происходит. Не может же быть, что они до сих пор сидят.

¹ Позволь мне, позволь мне стать твоим слугой.

Женька похрапывал на диване, а Аксель копошился в полумраке коридора. Я подошла ближе и увидела, что он аккуратно, стараясь не шуметь, закрывает мой дорожный чемодан. В этот момент он обернулся и увидел меня. Наши взгляды сцепились в немой сцене «Не ждали». Аксель отпрянул от чемодана и стал сбивчиво оправдываться: «Я шел в туалет и увидел, что замок на чемодане не закрыт до конца, я только хотел поправить...»

Я не слушала дальше. Пазл уже сложился:

– Что ты искал в моих вещах? – я не спрашиваю, я кричу.

Проснулся Женька и попросил меня заткнуться, или он завтра не встанет вовремя.

Я продолжаю орать, срываясь на визг:

– Что тебе опять понадобилось разнохивать? Опять ищешь письма, улики? Кому на этот раз будешь звонить?

Аксель ничего не отвечает и вытирает лицо рукавом пижамы.

– Я просто хотел...

– Я знаю, что ты хотел. Ты хотел найти, нашарить, обыскать. Получилось? Нашел?

Я задыхаюсь от отчаяния, беру забытый Женькой бокал из-под «Мэри» и швыряю в Акселя, но попадаю в стену над его головой. Осколки разлетаются, брызги впииваются в белую стену кровавым узором. Аксель кричит: «Прекрати!» – Женька вскакивает с дивана и скручивает мне за спиной руки. Я продолжаю вырываться, пытаюсь пнуть Женьку и одновременно дотянуться носком до Акселя.

Аксель закрылся в ванной. Наверное, рыдал над раковиной, иначе зачем так долго и громко лилась вода из-под крана. У немцев никогда не льется вода просто так.

Женька смотрит пристально, без своей любимой усмешки.

– Ты что вообще с катушек съехала? Что это сейчас было?

– Ты не понимаешь! Он шпионил за мной до свадьбы, может быть, даже из-за него разрушилась моя любовь, а потом, потом...

Я начинаю рыдать и в который раз рассказываю Женьке историю своей свадьбы, своего позора и унижения.

– А теперь он опять! Ты понимаешь? Он опять!!! Он ничего не понял. Мало того, что я живу с ним и думаю, что это – западня, что надо расстаться, но он так старается для меня, мне жалко его, а он, он... Он опять!

Я уже не реву, а просто зло всхлипываю и рассматриваю свои голые ступни.

– Как хорошо, что мы завтра уезжаем! Я не могу его больше видеть.

– Хватит уже! Ты должна перестать жить в своих старых обидах. Да и прости ты парня, ну переживает, ну захотел что-то проверить... У тебя же там нет никакого компромата. Что так нервничать? Пускай себе обыскивает, могу ему еще и мою сумку дать вместе с рюкзаком. Это такие мелочи. Вот что ты психуешь?

Вот что я психую? Это нервы, это, конечно, бесконечное напряжение и нервы.

Ненормальная реакция на житейскую, хотя и подлую, по сути, ситуацию – мои вещи обыскивает муж... Орать и бить тарелки ниже человеческого достоинства, и леди так не делают. Мне смешно от своих же мыслей. Я говорю Женьке:

– Скажи еще, что леди так себя не ведут.

Женька отвечает:

– Леди, Элиция Ка, так не ведут себя точно! Скорее, выходки пьяной потаскушки.

Совсем с ума сошла? Главное, было бы из-за чего!

Он до сих пор крепко держит меня в своих руках, но спрашивает уже в своей обычной манере:

– Все? Успокоилась? Урон хозяйству больше наносить не будешь? Мужа не колотить обещаешь?

Из ванной вышел Аксель и сказал на ходу, направляясь в спальню:

– Ты все не так поняла.
Я улыбнулась ему в ответ:
– Главное, чтобы ты все так понял.

Больше в эту ночь никто не спал. Мы с Женькой пили – я чай, он вино. Так и просидели до отъезда на кухне. Позже к нам присоединился не выспавшийся, с кругами под глазами, Аксель.

– Я отвезу вас на вокзал.

Я сказала, что это не обязательно и мы доберемся сами.

Но он все равно поехал, помог донести сумки, зашел в купе и неуклюже протянул ко мне руки, не решаясь обнять. Поймав мой взгляд, тихо сказал:

– Я люблю тебя, а ты этого никак не можешь понять. Надеюсь, что ты хорошо проведешь время на Родине. Я буду ждать тебя и постоянно думать, – он быстро прижал меня к себе и вышел из вагона.

Потом Аксель растеряно стоял на перроне, и, только когда прозвучал гудок и поезд тронулся, он встрепенулся и неуверенно помахал рукой. Женька энергично замахал в ответ, но Аксель его как будто не видел. Шел рядом с вагоном и пытался разглядеть меня за широкой Женькиной спиной. Он не мог меня видеть. Я улыбалась. С каждым метром, по мере удаления состава и набора скорости, я чувствовала себя все более и более счастливой. Свобода! Никаких Акселей на ближайшие четыре дня! Какое же это прекрасное чувство – совершенная свобода.

– Женька, пошли в вагон-ресторан. Приглашаю! Будем отмечать нашу свободу и придумывать план на ближайшие дни.

– Ты замечаешь, что начинаешь рассуждать, как немка? Какой еще план на ближайшие дни?

Он расставляет руки, как большая птица и на каждом взмахе руками выкрикивает по слову:

– Наш – план – на – будущее – никакого – плана – на – будущее!

– Я обожаю тебя, Женька, – смеюсь я и обнимаю его за плечи.

Он обнимает меня в ответ и начинает кружить в танце «Жизнь и Огонь» в узком коридоре вагона.

Проводница с сильным сомнением в голосе спросила в пространство:

– Чаю будете?

Я забежала в купе, чтобы достать из чемодана теплую кофту. Расстегнула замок и порылась в вещах. Руки нащупали мягкий ком, чью-то пушистую шкурку. «Что это? – испугалась я. – Не мой чемодан? Нет, вроде бы, мой». На ладони лежит пушистый брелок – непонятный зверь с надписью на животе «Viel Glück»¹. К брелоку крепилась записка: «Меня не будет рядом, но, может быть, ты будешь вспоминать обо мне, когда взглянешь на эту игрушку. Желаю удачи и хорошей поездки».

Я медленно повернулась к Женьке и протянула на вытянутой руке зверька. Женька ничего не сказал, просто медленно покачал головой и сел рядом на полку. Мы молча рассматривали зверька, пока Женьке не надоело.

– Ты идешь в ресторан?

– Нет, – и добавила еле слышно, – Женька, я сволочь.

– Живи теперь с этим! Можешь поплакать, опять всех пожалеть, а я пошел.

Он махнул рукой, как отец, потерявший надежду на перевоспитание сына, и оставил меня в компании с пушистым укором совести. Я слушала стук колес и думала, что это самый успокаивающий на свете звук. «Тутух-тутух! Тутух-тутух!»

¹ Удачи.

11. Московская экскурсия.

Столь многообещающая поездка в Москву и безумные приключения свелись к пьянке в «атмосферной» общаге сразу после прибытия. Присутствовал и обещанный «главный химик страны» – обрюзгший грустный мужичка поношенного возраста с беглыми слезящимися глазами. Я подумала, что некоторым людям ни в коем случае не стоит снимать очки – теряется, порой единственный, аксессуар интеллигентного человека. Женька уверял, что перед нами – ум эпохи, а я чувствовала потную ладошку на своей спине и не могла связать Женькину гордость со своей брезгливостью. Под разными предложениями я пересаживалась с одного опасно скрипучего стула на другой, пока гений современности, видимо, решив, что достаточно хорошо отрекомендован, не попытался утянуть меня на серый ком несвежего белья рядом стоящей кровати.

Женька как раз умчался за новой порцией «вдохновения» в ларек напротив, пообещав скоро вернуться. Женька и обещания – два, существующие в параллельных мирах, явления, но Женька умудрился прийти вовремя – я как раз собиралась разбить о голову гения пустую бутылку. Мировая химическая наука не потеряла свое светило, а Женька, похоже, лишился товарища и поддержки на кафедре. Уходя, талантливый ученый и несостоявшийся насильник достал из замызганного портфеля, тщательно протер и надел старые очки в толстой оправе с огромными линзами, став сразу беспомощным и жалким. Мне стало неловко, я уже простила и пожалела умного человека за внезапную пьяную похоть. Наверное, будет с утра переживать... Впрочем, скорее всего не будет. На прощание великий химик сказал, что думал, что проведет вечер с интеллигентными людьми. Ему жаль потраченного времени, и, оказывается, он сильно ошибался на счет Женьки.

Когда дверь закрылась, Женька процедил сквозь зубы, что гений, тот еще мудака, а я, стоит за мной не проследить, горазда распускать руки и того и гляди укукошу какого-нибудь незадачливого мужичка. Потом, выпив пару бокалов под бессмысленный треп, Женька впал в депрессию и ушел в ночь, не сказав ни слова и не позвав с собой. Я осталась разглядывать натюрморт из недоодеденных консервов, вонючих бычков на фарфоровом блюдечке с васильками и открытой банкой соленых помидоров – «совершенство вкуса и формы» – остатки продовольственной посылки Женькиной мамы вечно голодному сыну в чужую и негостеприимную Москву.

Странная ночь в общежитии: в одежде, на расстеленном на подушке полотенце из чемодана вскакиваешь на каждый скрип, не доверяя расшатанному шпингалету на двух ржавых гвоздях.

Устоявшийся запах холостяцкой запущенности, ржавчина в раковине, желтая несмывающаяся лужа в унитазе, стертые до дыр непарные тапки и большой желтый блин люстры под потолком. Впрочем, люстра успокаивала – напоминала детство. Я не стала ее выключать и смотрела на пыльный свет, отбрасываемый на разорванную проводкой побелку потолка.

«Если свобода – это жизнь в свинарнике, а ты выше того, чтобы убирать за собой посуду, а получать удовольствие от жизни – значит пить, пока не рассеется убожество и пока не пропадут в тумане разума тени безысходности? Если ученый с мировым именем не может купить себе нормальную одежду и пьет не коньяк ХО, а самую дешевую водку? Это свобода? Быть может, Женька и его ученый друг просто когда-то упустили момент и не научились это принять. Слишком много пили за свободных,

раскрепощенных и неординарных себя? Потом незаметно смирились с тем, что будущее мало чем отличается от настоящего. Они не хотят или уже не умеют бороться? Почему Женька не уедет на Запад? Неужели мой яркий, искромётный друг закончит свои дни в такой вот общаге с лозунгами о высших материях, презрении к скучному обывательскому менталитету и не сделает ничего, чтобы просто нормально ЖИТЬ?» Я вдруг поняла Женькину сентенцию про интерес к жизни после смерти. ТАМ действительно намного интереснее, чем ЗДЕСЬ.

Уже под утро я провалилась в тяжелый густой сон, так и не решив, что делать дальше. Оставшиеся три дня я точно не хотела проводить в свободе и приключениях по Женькиной программе.

Катаясь на карусели в парке Горького, Женька сказал, что его все достало. Он долго думал и решил, что переберется, пожалуй, на туманный Альбион.

– Если так посудить, то ничего меня здесь не держит. Кандидатскую я уже написал, никакие важные проекты пока не веду. Пошло оно все... Меня приглашают в Лондон. Буду им там пробирки мыть, – и начал петь фальцетом, – пробирочки мои, пробирочки...

– Почему сразу пробирки? – перебила я исполнение.

– Ну, а на кой ляд я им еще нужен? Там все, кто из России, – продолжал свою арию Женька, – пробирочки-пробиинирочки моют. Я об этом слышал и уже не раз. Ну да ладно, пробирки, так пробирки. Зарекомендую себя в лучшем виде, стану у них сначала главным по пробиркам, а потом, глядишь, еще чего доверят. Элиция Ка, а как вы относитесь к идее пойти в кафе? Вы сегодня как, буянить не настроены? Или мужчин сразу попросить покинуть помещение?

Женька несмотря на ярко выраженный эгоизм, породивший пофигизм ко всем жителям планеты, подошел к вопросу моего пребывания в Москве с фантазией. За несколько дней устроил мне «погружение в страноведение на примере одного города». Домой, в Берлин, захотелось до крамольных мыслей об отвращении ко всем будущим приключениям, до желания обнять Акселя и просить у него прощения за такую вот себя.

Я никогда не любила Москву. Еще с детства, с первых поездок в столицу, мне казалось, что город наполнен людьми, как банка гречневой крупой. Люди с чемоданами и авоськами. Авоськи – их сумки, состоящие из дыр, как и их человеческое достоинство, растерянное в очередях к чиновникам. Их заискивающие улыбки к давно отрететированной грубости служителей сервиса отпечатались глубокими морщинами. Люди из гречневой каши не заслуживают уважения у вахтеров, водителей транспорта, продавцов и милиционеров. Огромный и беспощадный город затягивает и поглощает крупинки в душное жерло метро, переваривает в тесноте грохочущих вагонов, выплевывает с массой таких же – заряженных чуждой энергетикой, толкущихся в броуновском движении отрицательно заряженных частиц.

Теперь Москва сильно изменилась. «Посмотри, какой она стала! Что твой Берлин в сравнении?» Но люди из гречневой крупы так никуда и не пропали, как не пропала и цепь конвейера, поглощающая стремления к лучшей жизни, перерабатывая живой человеческий материал в отбросы столичного общества.

Москва с помпезным центром, роскошными и пропорционально своей стоимости нагло-беспардонными людьми и машинами. Спальные районы, пропахшие бедностью, отходами, загаженными дворами и подъездами, с одуревшими от круговорота безнадежных будней и пропитыми до стертой неузнаваемости лицами.

Москва, вновь открывающаяся мне благодаря Женькиным стараниям, мне не нравилась ни нарядная, выпячивающая свое богатство, ни тем более скрытая от чужих глаз, перенесенная за колючую проволоку московского дорожного кольца – нежелательная и вычеркнутая с показушного праздника. Да что Московские задворки, вся Россия оказалась по ту сторону центрального благополучия.

При любом ракурсе от Москвы несло тщеславием, грубостью, большими возможностями и несбывшимися надеждами, легкими деньгами и потраченной в суете жизнью.

Город тяготил. Почему-то вдруг отчаянно захотелось уехать в Питер, иррационально любимый с детства и, наверное, уже на всю жизнь. Казалось, в нем другие люди и другая система ценностей. Почему бы не пропахнуть дождями, найти в Мариинке Игоря и составить план на жизнь без всякого плана на жизнь...

Но еще через два дня я возвращалась в Берлин с четким пониманием, что уже не способна на Поступки даже ради эйфории секса под загадочные улыбки грифонов. Женька сказал, выслушав про мои питерские мечты, внимательно разглядывая бокал вина на свет:

– Элиция Ка, ты меня, право, не перестаешь удивлять! Я предложил тебе отпуск от Акселя, а не падение в пропасть идиотизма. Тебе не хватило увиденного здесь? Ты все еще хочешь колотить стаканы и кричать о своей несчастной доле, ухитрившись схватить за яйца немецкого аристократа с замками и профессорами в семье? Как обычно, не найдя изъянов в вине, Женька вылил в себя содержимое одним длинным беззвучным глотком.

– Элиция Ка, ты знаешь, как я тебя люблю? – и посмотрел уже совсем пьяным взглядом, – не трахай никому мозги, Элиция Ка, возвращайся и живи со своим Акселем, он у тебя хоть и зануда, зато тихий-мирный, любит вон тебя... Эх, Элиция Ка... Вот и встретились два одиночества, развели у дороги костер, а костру разгораться не хочется... – как всегда, запел Женька, и стало ясно, что на сегодня это все.

12. Попутчицы

«Теперь все будет правильно», – договаривалась я с собой по пути из Москвы.

Простились с Ковригиным, как обычно, «без лишних сантиментов». Он обещал скоро заехать, притворился, что целует в щеку, и попросил, обдавая теплым, почему-то вишневым, дыханием: «Элиция Ка, давай там, без мерехлюндий!» – и, не смущаясь криков проводницы – «Провожающие, покиньте помещение!» – раскатисто запел серенаду, – «Венец творенья, дивная Диана, Вы сладкий сон, Вы сладкий сон!» Дверь вагона громко захлопнулась, грубо выпровоженный корпулентной проводницей Женька остался на платформе – какой-то особенно одинокий в своей дурачливой веселости, покачиваясь с носков на пятки, спрятав руки в необъятной куртке из потертой, когда-то замшевой, кожи.

Я устала от московских каникул. Устала, но сделала выводы. Дело осталось за малым – как эти выводы воплотить жизнь? Когда знаешь, как правильно, но следовать этому правильному сильно не хочется, в душе наступает некий диссонанс, вызывающий непреодолимую сонливость. С сонливостью бороться намного легче, чем следовать задуманному плану – надо всего-то лечь спать и выкроить себе несколько прекрасных часов ничегонеделанья-ничегонедуманья.

Поздно вечером на одном из полустанков посадили попутчиц. Сквозь сон я слышала, как туда-сюда ездит с грохотом дверь купе, смех, шорох бумаги и запах курицы, звон

стаканов, и возбужденный шепот: «А вот я ему и говорю, что надо везти утюги, а назад порошки и трикотаж...» Разговор перешел в нечеткий гул под аккомпанемент стука колес и тоскливой мелодии, наверное, очередного хита Булановой.

Голоса становились то громче, то тише – разноцветные тени вели беседу:

– Вы в Финляндию?

– Нет, я в Мерехлюндию.

– Но постойте, там же нет даже стирального порошка хорошего качества.

– Порошка действительно нет, никакого. Зато есть огромные «Миры разбитых надежд и забытых фантазий», есть «Море раскаяния» и «Горы покорения неудавшейся однажды жизни».

– Я все-таки в Финляндию...

– Я вас очень хорошо понимаю. Оставайтесь лучше там.

Кто-то с большими зелеными крылами взлетел и громко взвыл, его догнал громкий свисток.

Резкое торможение, я почти свалилась с полки и не сразу поняла, что происходит. Когда я успела так крепко заснуть? Внизу, на не заправленных кроватях, сидели встревоженные, растрепанные женщины уверенного возраста и мировосприятия. Расстегивая и снова застегивая молнию на спортивной кофте Adidas, одна из женщин нервно размышляла: «Не знаю, чего гудит, может, задавили кого. Вроде опять пошли, Слава Богу. А то говорят, что вот так, бывает, остановится и стоит потом много часов в поле... А меня там встречать должны». Женщина расстроилась из-за такой неприглядной перспективы сидеть в поле много часов, когда ее там встречать будут. Может испугалась, что им там надоест встречать, а может, просто не хотела лишних треволнений.

Обе женщины посмотрели в окно на быстро набирающий темп ночной пейзаж, с облегчением вздохнули и только потом переключили все внимание на меня. Перебивая друг друга любопытными взглядами, осведомились: «А ты откуда едешь? До Польши или дальше?»

Я сказала, что еду домой, в Мерехлюндию. Женщины уважительно закивали: «Значит в Германию? Деревня такая, что ли? А давно живешь? Учишься или работаешь?»

Я выбрала последний вопрос и сказала, что живу в браке с немцем и подумав добавила, что учусь работать над собой. Женщины опять переглянулись, и та, что успокаивалась, разрабатывая молнию на Adidas, сказала с сочувствием, ни к кому не обращаясь: «Вот у меня была соседка, тоже за немца замуж выскочила – радовалась, всему двору хвастала, уезжала, так все вещи свои раздаривала, мол, не нужны они мне больше, зачем мне в Германии, у меня там, говорит, все будет новое да блестящее... А вон оно как вышло – вернулась через год. Тихая такая ходит. Говорят, что муж ее – совсем старый был, но жадный и сволочной до ужаса. Вместо прислуги она у него была, а потом, как заболела, он ее и вовсе из дома прогнал».

– Боже упаси, – обратилась женщина к верхней полке и перекрестилась.

– Ты, главное, не расстраивайся, – обратилась ко мне другая, в облегающей белой кофте с крупными розами на груди, – ты, главное, терпи, ты же еще молодая, все впереди, глядишь, и подыщешь себе потихоньку кого-нибудь.

Я подумала, что, может быть, в виде женщины, украшенной розами, со мной разговаривает само провидение. Ну может же быть так, что она должна была сказать мне эти слова, а я их услышать? Может, это и есть ответ на все вопросы? Сидеть и ждать случая, пока молодая и пока не отыщется «подходящий».

Я погрузилась в дебри размышлений о моральной стороне вопроса, с точки зрения указующего перста судьбы, а женщина продолжала:

– А как такого найдешь, то не теряйся. Все мужики одинаковые, – подытожила она, выпрямляя спину и подмигивая слегка расплывшимся от туши и волнений глазом. – Это только кажется, что неприступный и такой весь из себя, а присмотришься – всем любви и ласки хочется... А нам трудно ли, умеючи-то? – женщина недвусмысленно покачала розами и, толкнув соседку в бок, зашлась в кряхтящем хихиканье.

– В Германии тоже, не только старые да больные есть, кто на наших женятся, – подхватила вторая, расстегнув до конца молнию и оставив, наконец, в покое кофту, тут же переключившись на железный подстаканник с эмблемой РЖД. Стакан весело дребезжал в подстаканнике и, видимо, раздражал. Женщина попробовала переставить его, но стакан запрыгал еще сильнее.

– Нет, ну бывают и у них там хорошие люди. Мои вон в прошлом году ездили в Германию, говорят, что замечательная страна, порядок и полный достаток. Качественное все.

Она наконец придумала, как прекратить дребезжание и засунула между подстаканником и стеклом вдвое сложенную салфетку, с явным удовольствием посмотрела на плод своих стараний.

– Может, и повезет тебе, – благосклонно допустила она мое счастье.

Я пожала плечами в ответ.

Бытует мнение, что с незнакомыми людьми, а тем более в дороге, хочется делиться своими проблемами. Бытовая психология для любителей кухонных пересудов. Из только что поведенной мне стратегии к успеху выходило, что мне уже не к чему больше стремиться. Ибо все что для счастья нужно, а именно молодой муж, с деньгами, да чтобы не пил и не бил, уже имеется.

Интересно, какой процент понимания следует ожидать от попутчиков в случае моего душеизлияния?

Я попыталась. Любопытно узнать мнение народной мудрости по моей ситуации. К тому же после рассказа о бедной соседке захотелось расшатать стереотипы про старых и скупых немцев, выбирающих себе в жены сиделок и уборщиц. Истории успешных браков встречаются не реже, а намного чаще таких вот, откровенно безобразных.

Я рассказывала, взмахивая руками, повторяла голоса и мимику. Женщины смотрели на меня внимательно и не задавали вопросы. Потом начали зевать. А еще немного погодя меня просто перебили: «Скоро уже утро, а мы так и не ложились, а с самого ранья граница. Может, поспим чуток?»

Мое красноречие оказалось впустую. Мне просто не поверили, а если и поверили, то вся моя история свелась для них к одной хвастливой браваде – красной тряпке для людей, ожидающих подробностей невзгод и унижений в чужой отдельно взятой жизни. Заложив своими откровениями прочный фундамент из физически ощутимой неприязни, я тоже легла спать, отвернувшись спиной к достопочтенному обществу. Зачем-то добавила уже сверху:

– И еще, Мерехлюндия – это не деревня, это я так, шутя, назвала Берлин за его серое меланхоличное небо.

Умею я расположить к себе людей, ничего не скажешь... Женщины переговаривались громким шепотом, чтобы я не услышала их со второго яруса, а может быть, специально, чтобы слышала:

– Если такой Аксель бы существовал на самом деле, то она бы пылинки с него сдувала.

– Эх, а я бы не то что пылинки – на руках бы носила, пирожки с утра до вечера готовила и ножки в теплом тазике ему мыла. Ишь, цаца какая – муж ей нехорош. Что она там говорила? Письма еённые он читал? – обе засмеялись.

– Да зачем она ему сдалась? Наша соседка в сто раз краше была, и вон, только горшки выносить взяли и то, рожей видать не вышла... А эта? Замки и дворцы у них, видите ли, а она нос воротит. Еще как врет-то! Думала, что нам можно лапшу на уши навешать.

– Так может она вообще проститутка и на заработки едет. Смотри, спит и спит все время – отсыпается перед работой, – снова захихикали они.

– Мерехлюндии еще, говорит, какие-то, оно и видно сразу, что из оттуда. Кто таких в Берлины пустит?

Во время утренней таможни и потом, оставшиеся пару часов до Варшавы, попутчицы со мной не разговаривали, только недобро косились и обменивались между собой многозначительными взглядами. Больше всего я жалела, что они не доедут до Берлина и не встретятся лицом к лицу с «несуществующим в природе» Акселем. Акселем, моим бедным, несчастным Акселем, с которого надо сдувать пылинки, и, видимо, пора уже и впрямь научиться печь пирожки.

13. Побег

Бегу по туманному ночному полю от беззвучно нагоняющего автомобиля. Он уже совсем рядом, но я боюсь оглянуться, лишь из последних сил пытаюсь оставаться на освещенной фарами полосе. Ноги утопают в тяжелой от росы траве, я спотыкаюсь, быстро вскакиваю и бегу-бегу дальше, перескакивая через ямки и холмы. Сил не остается, а страшная огромная тень все ближе. Я не думаю, что будет потом, потом для меня не существует. Голову разрывает стучащий в висках пульс, легкие разрываются от обжигающей боли, я больше не могу – падаю на четвереньки, начинаю медленно поворачиваться и слепну от яркого света.

На этом месте я всегда просыпалась, но еще долго не могла выбраться из накрывшей волны ужаса.

Я точно знаю, когда и почему появился этот сон.

Мы ждали переправу. В детстве особенно трудно ждать, а время тянется так медленно, что можно отсчитывать падающие крупинки в песочных часах, особенно когда там, на другом берегу, целый мир бесконечного лета, дача и друзья – бесхитростное детское счастье. Родители встретили соседей по даче, для них ожидание парома – часть необязательной, скорее полезной программы – «заодно узнали последние новости», а я, устав от скучных разговоров, ушла в сторонку и, перегнувшись через перила старого понтона, смотрела на полноводную холодную реку.

Блики на воде, быстрое течение, чужой разговор затекает в уши, а я запоминаю, представляю до беспощадных деталей и сублимирую в ночной кошмар. Говорили двое. Один мужчина в темном брезенте рассказывал другому, сплевывая в воду желтую слюну: «Заяц – дура, главное, чтобы попался в свет фар... Мы с Семенычем на его уазике ходили... Сам под колеса выпрыгивает...» Он хрипло смеется, делает затяжку и, как будто почуяв, как я замерла, застигнутая страшной догадкой, продолжает: «И бежит, и скачет зигзагом, а свернуть в сторону от света умишка-то не хватает... Вот и думаешь – сразу по нему пальнуть, чтоб не мучился, значит, или подождать, когда сам сдохнет от усталости, или от страха сердце не выдержит. А что шкуру-то портить?

Тоже, знаешь, хорошую можно шапку справить, или вот моя Зинка приноровилась из этих шкур...» Я не слушала дальше, папа позвал, подходил паром.

Возвращалась в Берлин я с той самой легкостью человека, который наконец знает, что делать и как жить дальше. Я чувствовала себя почти счастливой и благодарила Ковригина за отличную идею «шоковой терапии» – поездки на Родину.

Вообще-то, принять судьбоносное решение – это прямо мое! Потому что принять решение и реализовать его в жизнь – два совершенно разных по вкусу пирожка. Горжусь собой, ввиду принятия этого самого решения, смакую картинку предстоящей прекрасной жизни; начиная с последней сигареты, с понедельника, доев последний кусок торта, чокаясь последним фужером, прощаюсь с неуютным прошлым, ко мне уже не имеющим отношение, потому что вот-вот принятое решение пробьет скорлупу былых неудач и вылупится прекрасная царевна-лебедь, не знающая ничего про сомнения и горький вкус поражения.

Если пересчитать все мои принятые за жизнь решения и те, что удалось реализовать, повесить в виде медалек на стене, излюбленный японцами стиль совершенного минимализма в интерьере несколько не пострадает – и даже не то, чтобы «меньше, да лучше», нет, скорее, останется «ничего лишнего», или абсолютно ровная белая стена. В жизни есть решения, но есть настроения и есть желания. Есть победители, укротители львов и собственной лени, но больше все-таки таких, любящих свои суждения о поступках, ревностных ценителей своих фантазий.

Интересно, а насколько Аксель верен решениям? Обещает ли он себе что-нибудь с понедельника? Может быть, он, сжимая в руке наточенный грифель, выискивает именно мое имя в коротком списке претендентов на вечное забвение, принимает решение – разлюбить, забыть, проклясть...

И вот он уже спешит на перрон с икебаной из виноватых улыбок, астр, роз, лютиков и вечнозеленой берграсс. Первый взгляд на мужа – и мое решение «жили они долго и счастливо» становится очередной медалькой, со слабым звоном отлетающей от стены. Не долго длилась новая жизнь. Как раз успела сойти с поезда.

Это была Пасха. Моя вторая Пасха в Германии.

На еще смущенных после зимнего однообразия деревьях появилась липкая дымка первой листвы. Природа рождается из зимы со звонким, птичьим обещанием радости. Устав от серого берлинского неба, жители выползли на солнечный зов с детским предвкушением праздника и превратили просыпающийся мир в нашествие пасхальных реквизитов. Что ни подоконник, то приводящая в умиление сцена из жизни зайцев. Офисные столы, столики кафе, кусты у дома преображаются за один день – повсюду разноцветные, жизнеутверждающие, как сама весна, яйца!

Меня удивила эта всеобщая эйфория от предстоящего праздника. О Пасхе в России остались смутные воспоминания, да и те – неоднозначные. Кажется, яйца варили в шелухе от лука, или это была свекольная кожура? Невнятные разговоры о куличах, кто-то ходил слушать колокола в церковь. Помню пугающие неожиданностью поцелуи в щеки со словами «Христос Воскрес». Впрочем, в нашей мусульманской республике про исконно исламские праздники было известно и того меньше.

В детстве интересоваться религией дочери партийного работника было стыдно и нельзя. Во время перестройки святую веру в одночасье обрели все. Ходили с песнями вокруг церкви те, кто и раньше верил, но скрывал, а также новоявленные «рабы божьи»: хозяева жизни девяностых – бандиты и беспредельщики. Пьяный поп крестил всех подряд, отпускал грехи и ездил по городу на новом «мерседесе».

Аксель предупредил заранее, что на праздник поедем к родителям. Таков обычай, так полагается у всех порядочных семей. У немцев в почете стабильность, семейственность, ежегодные декорации окружающей среды. Я в курсе. Все это я уже

проходила на Рождество¹. А прошлая Пасха прошла незамеченной в суматохе из-за чуть не сорвавшейся свадьбы. Помню только, что на деревьях в палисаднике как-то утром запестрило большими пластиковыми конфетти. Я тогда только успела подумать: «Яйца на деревья кто-то повесил, вот чудачки, делать нечего...» Соответственно, мне было «чего делать» – спасти брак, честь родителей и свое однажды придуманное будущее в стране, где к праздничному интерьеру относятся серьезнее, чем к своей внешности.

Мы в Городке. Светлый праздник, добропорядочные, не ведающие финансовых бессонниц люди. Опять подарки друг другу и всем вокруг, дети рыщут по кустам в поисках яиц, конфет, подарков, где их разложили в избытке все те же щедрые зайцы. Каждое утро начинается с битвы яйцами за завтраком, плавно перетекает в давно распланированные встречи в заранее, за месяцы до, зарезервированных ресторанах с родственниками и друзьями. Все как на Рождество, только другие декорации и теплее. Я не чужая на «празднике жизни»: много ем, смеюсь и не хочу никого расстраивать. Мой слабо кипящий бульон из разваренных и выжатых надежд на осмысленно счастливый брак с нелюбимым мужем приправлен соусом старых обид и оставлен доходить на маленьком огне, прикрытый запотевшей крышкой добытой украдкой страсти. Если ничего не менять, то бульон может вариться долго, лишь изредка выпуская свистящий о неминуемом пар.

Про мое истинное настроение никто не знает. Я больше ни с кем не делюсь. Благодаря Аудроне я поднаторела в покерфейсе и плохо помню свое настоящее выражение лица. Я научилась быть разной в зависимости от обстоятельств. Аудроне профессионал и умеет мимикрировать намного лучше, если ей так надо, но зато я быстро научилась. Аксель совсем не умеет скрывать чувства, поэтому не важно, какие у него карты. В итоге проиграют все, но есть опасность, что, привыкнув носить маску, можно пропустить момент конца игры.

Аудроне уехала на праздники домой, объяснив это тем, что у них в семье тоже традиции. На самом деле, думаю, она просто не хотела встречаться с родней Андреаса – елеинным голосом благодарить за подарки, улыбаться сотне дядюшек и тетюшек. Может быть, в этом она честнее и лучше меня, только ее Андреасу от этого не намного легче.

У больных при смерти, перед самым концом, наступает резкое улучшение состояния. Кто мне об этом сказал? В связи с чем? Не знаю, но думаю, что это и про чувства. Про длительный процесс прощания, когда уже ясно, что ничего поделать нельзя, но надо довести до конца, до логического и бесповоротного, совершенного, как смерть. Когда точка невозврата – видимая цель, слишком мелко опускаться до выяснения отношений. Там, где тлел мизерный, но все-таки огонек надежды, именно там, на пепелище распускается во всем своем ледяном великолепии цветок по имени Равнодушие.

Аксель как раз начинал «вставать, кушать с аппетитом, готовиться к выписке после полуторагодовой неопределенности и отчаяния». Мы больше не ссоримся и вместе смеемся над шутками. Говорят, что когда людям одинаково смешно – у них есть будущее. Я бы согласилась, но это неправда. Смех, ирония, юмор – приятные попутчики даже на самом сумрачном пути.

Пасха закончилась. Обнимаемся на прощанье с родителями, погружаем в машину многочисленные подарки, свертки с угощениями и уезжаем из Городка. Позади

¹ Прочитать забавную историю про первое Рождество и как я мужа стригла наголо можно по этой ссылке <https://elyastories.com/iz-zhizni-s-nemetskim-muzhem-istoriya-odno/>

остаются стены старой крепости, веками оберегающей жителей от чужеземных набегов. В Городке было легко играть в счастье. Мы удаляемся от защитных сил Городка, возвращаемся в Берлин – город коллизий, переплетения судеб, как и все мегаполисы, жестокий к романтикам и наивным мужчинам из Городка, где с детства все кажется простым и повсюду оберегающая родительская любовь.

В пути, по инерции, пока хватает заряженных праздником батареек Городка, мы смеемся. Мы все еще улыбаемся, когда заходим в квартиру. Аксель напевает и жонглирует разномастными сумками и пакетами, перетаскивая их из машины, обнимает меня, проходя мимо. Он не ждет подвоха и не боится больше моей реакции – он выздоравливающий больной, уверенный в неизлечимом счастье.

Уже поздно, за окном так быстро наступает ночь. Я иду в ванную, по дороге снимаю серьги, обручальное кольцо и свадебный подарок – тяжелый браслет из драгоценных камней. Развернувшись на полпути, направляюсь в спальню – там на трюмо стоит ларец для хранения блестящих безделушек.

– Ты почему опять снимаешь кольцо? – спрашивает Аксель все еще игривым тоном. – Боишься потерять его под душем?

– Нет. Ты же знаешь, что кольцо всегда лежит здесь. Я просто кладу его на место. У Акселя тает улыбка, и вместе с ней включаются пока еще еле видимые сигналы тревоги в глазах.

– Зачем же ты достала его?

– Я не хотела расстраивать родителей, и чтобы избежать ненужных расспросов. К тому же ты сам просил надеть браслет. Тебя же не удивляет, что я и его снимаю. Ты прекрасно сам все понимаешь, – я попыталась примирительно улыбнуться.

– Нет, не понимаю! – наверное, в этот момент ему кажется, что есть маленькая надежда, что, если говорить грозным и уверенным тоном, стремительно возвращающийся недуг испугается и отступит. – Я не понимаю, почему ты не носишь кольцо и надеваешь его только для того, чтобы успокоить моих родителей. А ради меня и нашего с тобой брака ты носить его не собираешься?

Я молча качаю головой и почему-то не хочу смотреть ему в глаза.

– Ты не можешь так со мной! – кричит Аксель.

Потом все происходит быстро, но в голове время остановилось в виде отдельных размытых кадров. Вот Аксель выбегает из спальни и одним движением сбрасывает все вещи со стола, и подбирает с пола телефонную трубку. Вот он, сбиваясь, набирает дрожащими пальцами номер и кричит в трубку так громко, что мне хочется зажать уши, но я стою и смотрю, не в силах оторваться, а он снова и снова выкрикивает невидимому собеседнику, переходя в рыдания, одну и ту же фразу: «Она опять сняла кольцо! Она опять сняла кольцо! Мама, ОНА СНЯЛА КОЛЬЦО!»

Потом были какие-то слова, сказанные мной некрасиво и с брезгливостью – так говорят тогда, когда знают, что говорят в последний раз, не думая, зато от души и не выбирая выражений. Его ответ: «Не нравится – можешь уходить! Что ты здесь тогда делаешь?» Мое удивление и неожиданное чувство, похожее на долгожданный триумф: «Я тебе уже говорила, что, если ты еще раз скажешь “Уходи!”, я уйду. Ты, наконец, сказал. Все честно!» Я хватаю свою наплечную сумку, уже на ходу застегиваю туфли и выбегаю из квартиры в ненадолго расступившуюся от света подъезда черно-синюю ночь.

За все надо платить. За жизнь – смертью, за вкус победы – потом, за молодость и красоту – старостью, за здоровье – отказом от глупостей, за сбывшиеся мечты – всегда платят серыми ассигнациями будней, а попытка быть собой покупается за право других тебя ненавидеть. Я знаю, что не смогу купить все, у меня не хватит. Меня не хватит! Плачу за сбывшиеся мечты и сразу же, без сдачи, за ненужную химеру – быть собой. На здоровье победы и красоту – берите, все что осталось... Какая-то мелочевка.

Я бегу по ночной дороге. Я уже достаточно убежала от дома, но все еще не могу остановиться и продолжаю бежать, несмотря на стук в висках и пересохшее горло. Мне страшно: я, скорее, чувствую, чем могу слышать, как на нашей улице хлопает входная дверь и заводится мотор машины. Машина быстро и бесшумно набирает скорость. Темная дорога освещается лучом дальнего света фар. Я сворачиваю на другую улицу и успеваю не попасть в освещенный участок. Я не хочу назад. Я не вернусь туда больше! Впереди будка старого телефонного автомата. Я распахиваю дверь и сажусь на пол, спрятав голову между коленями: «Меня не видно! Меня не видно! Я в домике!»

14. Чебурашка

Машина проехала мимо. А я продолжала сидеть на полу телефонной будки с бешеным грохотом пульса в висках, с огненными струйками стекающего по спине пота и прислушивалась к поселившемуся в душе чувству, похожему на предсмертную, изобилующую красочными подробностями, эйфорию сбежавшего от монахов Мцыри. И я буду рассказывать потомкам: «Ты хочешь знать, что делал я на воле? Жил...» Ни страха о будущем, ни раскаяний в произошедшем. Мне беспечно, легкомысленно, и еще я отчаянно горда своим побегом! Я сделала это! Меня не поймали! Я ловкая, быстрая и ни чуточки не похожа на вечно готового к разрыву сердца зайца. Я кричала про себя: «Ура!!!» – и постепенно, по мере восстановления дыхания, приходила в себя. Я, как человек после обморока, начала ошарашенно оглядываться по сторонам, потом испугалась, что наверняка сильно испачкала светлые бриджи и как я теперь в таком виде. Неуклюже поднявшись, стараясь теперь не испачкаться еще больше, я пыталась узнать этот мир заново. Знакомые места, не так далеко от дома, но как меняет ночь очертания проигнорированных при свете дня предметов. Неужели ту скамейку всегда окружали такие заросли? А вход в соседний двор охраняют ворота с каменной кладкой и каким-то гербом на торце. За воротами обычный двор, но в нем почти совсем нет света, только красной маленькой точкой на третьем этаже кто-то выгуливает свою бессонницу в дымке сигаретной безмятежности. Когда на улице послышались голоса, я механически взяла трубку и сделала вид, что разговариваю по телефону. Люди прошли мимо. Смеющаяся компания припозднившихся завсегдатаев кнайпе¹ за углом. От их удаляющихся спин и стихающего шума голосов стало неуютно до озноба. Люди прошли мимо, не торопясь, уверенно, с каждым шагом приближаясь к своему дому, к своей постели. Что-то неуловимо важное, родное в своей понятности, слишком быстро растаяло, съеденное вчерашним днем.

А еще через какое-то время стало действительно холодно. Шелковая футболка прилипла к пояснице влажным компрессом из остывшего пота, беспризорные, в коротких штанах, икры покрылись шершавыми гольфами гусиной кожи. Из всех вещей – маленькая сумка через плечо с моей неразлучной записной книжкой. В книжке обрывки грустных стихов и мыслей, паспортная монохромная фотография девушки, смотрящей в объектив колючим взглядом из-под черных, застигнутых врасплох, пружин волос, номера телефонов и на последней странице дни рождения людей, с которыми меня больше ничего не связывает. Все! Все! Ни денег, ни документов. Нет, не все! На дне сумочки связка ключей от дома – смешная попытка доброй судьбы к тем, кто умеет возвращаться.

¹ Немецкий бар.

Свобода – это весеннее поле, кудрявые облака и дорога, уходящая вдаль за манящий приятными сюрпризами горизонт. Как-то так. Может быть, еще попутный или встречный, но по-любому шальной и ласковый ветер? Когда сидишь в удобном кресле, в надежной скорлупе мягкого света абажура и все насущные проблемы – съесть на ужин бутерброд или все-таки салат, а все планы на вечер – посмотреть перед сном новый остросюжетный фильм, тогда мысль о свободе кажется вдруг невероятно заманчивой, волнительной, как в недосмотренном, пропитанном счастливыми обещаниями утреннем сне. А еще свобода – это то, о чем приятно мечтать, ковыряя вилкой воздушный торт, такой же приторно сладкий, как и представления об абсолютно ТВОЕЙ жизни, не запачканной обязательствами, обещаниями, хорошими намерениями, чужими ожиданиями.

На первой же проверке свобода оказалась беспринципной девкой с проступающим из-под некогда кремовых кружев кислым запахом страха. Моя свобода оказалась извращенкой, шепчущей чужими голосами за размытой границей света от фонаря, ближайшего к телефонной будке – моей теперешней зоне комфорта. Так долго манящая Свобода теперь издевательски насмехается, заполняя тревожное пространство слишком громким гудком бессмысленного ожидания вызова, и сразу же переходит в надрывный смех, в такт, отзывающийся нервическим подергиванием во всем теле: «Занято! Занято, занято! Твое место в веренице ожидавших и получивших долгожданную свободу теперь занято, занято ТОБОЙ, твоим загнанно озирающимся по сторонам отражением в исцарапанном стекле. Ты получила то, о чем привыкла сыто мечтать – вот и она, твоя свобода. Получай и оплачивай счет за доставку! Наслаждайся! Распишись напоследок: с условиями ознакомлен, назад принимается только в нераспакованном виде, неиспорченной, без следов пользования. Теперь поднимай флаг достигнутой цели; за той самой бездной горизонта – надоевший салат из морепродуктов по вечерам, однообразно легкий весенний вечер на балконе в облаке распустившейся сирени теперь по другую сторону недостижимой линии быстро пролетевшего момента беззаботной жизни».

В конце девяностых, в России мобильные телефоны уже заняли почетное место в иерархии предметов роскоши. Огромные телефоны, не помещающиеся в карман, сначала лежали только в салонах автомобилей или в портфелях богоподобных обладателей чуда техники, помноженной на сказочную стоимость. Чуть позже с большими трубками у уха, с антеннами, направленными напрямик в небеса, стали ходить многие уважаемые люди. Телефон стоил больших денег, а те, у кого таких денег не было, но быть «крутым» очень хотелось, поступали, как мой приятель Миша: покупали пластмассовую подделку – точную копию настоящей модели телефона – и бросали небрежно на переднюю панель автомобиля, объясняя уступчивым от произведенного впечатления девушкам: «Кончилась батарейка, завтра дам поболтать, сколько захочешь». Кстати, Мише хватало личного обаяния, чтобы про «трубу» наутро никто не вспоминал. Кто-то умудрялся говорить в пластмассовую игрушку, прогуливаясь по улицам и ловя на себе завистливые взгляды, что, видимо, тоже как-то поддерживало веру в собственную неотразимость.

Первое время в Германии я долго приходила в себя от шока. Мобильные телефоны не являлись обязательным атрибутом достойнейших из альфа-самцов, напротив, неожиданно оказались в руках у студентов, у сидящих на лавочке бомжей, у бегущих из школы детей. Телефоны были у всех или почти у всех. У нас не было. У Селены, у родителей Аксея были, а у нас нет.

По непонятной для немецкого дипломированного инженера причине, Аксель считал мобильные адским созданием современных технологий, ворующим душу и свободное время: «Ты понимаешь, во что превратится наша жизнь? Мне постоянно придется с кем-то разговаривать, на что-то соглашаться или, наоборот, от чего-то отказываться. Все время будут куда-то звать, просто названивать со скуки, желая поболтать». Простой способ отключить звук или сам телефон, по причине внутренней порядочности, Акселю в голову не приходил. Для него мобильный являлся чем-то сродни таблички на лбу – «доступен в любом месте, в любое время». Аксель иногда мог настоять на своем, а я не пыталась особо переубеждать, понимая, что для меня телефон тоже скорее осложнил бы жизнь и, тут я была согласна с мужем, украл бы мою душу. Мои загулы с Аудроне омрачились бы постоянными звонками, забудь я вовремя отключить телефон, а Аксель бы умолял не отключаться, проверял зарядку перед выходом, преследовал меня, спрашивал, где я, когда буду дома, надо ли за мной заехать, привычно легко переходя от уговоров к слезам. Мои часы отдыха от реальности омрачились бы постоянной необходимостью прятать и пытаться вычеркнуть из сознания его причитания, отвлекаться от ничего не значащих, но именно поэтому прекрасных, диалогов в компании беззаботных людей с жизненными установками мотыльков.

А теперь? Теперь я, как Чебурашка, буду жить в телефонной будке и искать себе друзей, нажимая беспорядочно кнопки. Кстати, у Аудроне телефон мобильный как раз таки есть! Это ли не удача?! Я достала записную книжку и наскребла в карманах какую-то мелочь. Лишь бы она уже вернулась в Берлин! Лишь бы не отключила телефон!

Трубку никто не брал. В глухой тишине ночи звонки в пустоту раздавались как-то особенно угрожающе. Ну, и что теперь делать? Я порылась в записной книжке, посмотрела на часы и все-таки решительно набрала домашний номер ее «любяююбимого почти мужа» Андреаса. Если она вернулась из Риги, то она непременно дома, а если ее нет, то я спрошу Андреаса, не знает ли он, куда она пошла. В крайнем случае попрошусь подождать у них в квартире. Ну не откажет же он мне? Трубку опять не брали. Когда я подумала, что у отчаяния есть свой позывной – длинные гудки в трубке, телефон вдруг неожиданно отозвался сонным голосом Андреаса, он забыл представиться и просто пролепетал в трубку сонное: «Да?!»

– Андреас, это ты? Извини за поздний звонок. Мне срочно нужна Аудроне.

В трубке долгое молчание, и я засомневалась, может быть, не туда попала, или Андреас не успел спросонья меня понять, и поэтому повторила еще раз, уже по-английски.

– Я понял, кто звонит и что тебе нужна Аудра, – наконец раздался теперь уже какой-то уставший голос. – Но я не могу тебе ничем помочь. Я не знаю, где она.

– Она не сказала, в какое кафе пошла или в какой клуб?

Я понимаю, что задаю ужасно глупые и бессмысленные вопросы. Когда Аудроне делилась с Андреасом своими планами? Но мне непременно надо спрашивать дальше, чтобы эта только что возникшая ниточка, связывающая меня хотя бы как-то с миром, где есть или недавно еще была Аудроне, случайно не оборвалась. Конечно же, он ничего не знает и не узнал бы, даже если бы захотел – Аудрона тщательно хранила от Андреаса, а я от Акселя, нашу вольную жизнь. Нашу тайную от них жизнь. Жизнь, где мы чувствовали себя теми, кем захотим, и наслаждались этой короткой имитацией свободы, как желающие признания бедолаги своими телефонными трубками, поддерживающие иллюзию для себя и других о существовании реальности на том

конце пластиковой пустышки. Ни Аксель, ни Андреас не были частью той жизни. Глупо ожидать теперь помощи. Он не знает и не может знать, где она.

Андреас помолчал, а потом сказал все тем же потухшим голосом:

– Я не могу тебе помочь и не знаю, где она, – сказал он в подтверждении моих слов. И вдруг обрушил на меня короткие злые фразы:

– Я ничем тебе не могу помочь, единственное, что я знаю точно, – твои поиски ни к чему не приведут.

– Почему? Что случилось?

Я слышала его прерывистое дыхание в трубке:

– Она ушла от меня, – кажется, он едва сдержал всхлип, или это помехи на линии. Голос ненадолго пропал и появился снова с неестественной громкостью.

– Она ушла насовсем. Она уехала из Берлина. Она не вернется сюда, понятно? Ты слышишь меня? Она не вернется!

– Как? – я больше не смогла сказать ничего, кроме этого тупого «как». – Как ушла от тебя и не вернется? А как же теперь...

Я хотела сказать «Я». А как же теперь я? Но спохватилась. Понятно, что Андреас пока решает вопрос: «А как же теперь он?» Как он без нее. Кого он будет ждать вечерами, не одобряя, но и не смея сказать о том, что его по-настоящему пугает. «Только возвращайся», – читалось в его взгляде каждый раз, когда она уходила в ночь. И вот она от него ушла. Естественный сценарий всех известных сказок про любовь – кто-то ждет, кто-то позволяет себя ждать до тех пор, пока не находит, куда уйти. Может быть, ей просто надоело? Надоел этот город, надоел ждущий на диване Андреас, надоела подруга. В подруге, то есть во мне, соседствует неудовлетворенность и нерешительность. Нужно ли ждать таких подруг или все-таки «табор уходит», не оглядываясь на сомневающих? Меняются места и декорации, а сценарий остается одним и тем же. Женщины-перекати-поле и мужчины, надеющиеся, что у них есть что-то, из-за чего она согласится остаться хотя бы на день дольше, и подруги, возомнившие, что не разделят участь брошенных мужей...

Андреас, кажется, собирался заплакать в трубку. У всех мужчин в горе есть такие нотки в голосе, которые надо успеть услышать, чтобы вовремя прекратить разговор, чтобы сохранить в сознании картинку другого, сильного и симпатичного, Андреаса, однажды любимого Аудроне.

– Слушай, мне, на самом деле, пора. Я позвоню тебе как-нибудь. Да, и скажи, пожалуйста, Аудроне, если она вдруг позвонит, что я сделала это. Она поймет. Андреас отвечает голосом обиженного ребенка, что она не позвонит, а я быстро повторяю в трубку перед тем, как нажать на рычаг: «Все будет хорошо. Андреас, у тебя все будет хорошо...» У кого-то когда-то все будет хорошо... почему бы и не у Андреаса.

Я встречу его через несколько лет в летнем кафе у канала. Он отрастит стильную, тогда еще не известную под названием «хипстерская», бородку, наденет очки и в целом будет прекрасно сочетаться с кофе на столике, газетой в руках, толстым пупсом на коленях и маленькой девочкой с темными волнистыми волосами, дергающей его за конец яркой рубашки. «Он родил себе Аудроне», – пронесется шальная мысль, но сразу растворится в серебряной поверхности воды, уносящей прошлое в ту даль, где оно уже кажется не реальным и поэтому совсем не болезненным. Молодая женщина со смехом забирает карапуза с колен Андреаса. Она совсем не похожа на ту, что когда-то ушла в ночь, забыв попрощаться.

15. Иосиф не хочет спать

Нет никого, кто бы мог толкнуть в бок, погрозить пальцем, смешно передразнить. Родители и друзья отучали с детства, как могли. Отучали-отучали, да не отучили! Вокруг никого, и можно, не стесняясь, перекосить рот и кусать щеки. Гладкая скользкая поверхность быстро превращается в шершавые лоскутки. Нашупать языком ошметки, откусить, еще и еще, пока во рту не появится соленый вкус. Вот и сейчас вместе со вкусом крови начинается отупение: «Ототри! Думай! Действуй!» И так, Аудроне в Берлине больше нет – это первое. Второе – я буду ее искать. Третье – что мне теперь делать? Думай, думай! Вспоминаю аксиому – решение есть всегда, но оно не всегда нравится. Домой? У меня больше нет дома. Куда? Куда пойти в Берлине ночью без денег? Я перелистываю книжку и не могу найти никого, ни одного имени, кому бы я могла позвонить так поздно. Если я сама умудрилась сбежать из дома, не продумав последующие шаги, то и дальше надо действовать самой, не впутывая никого в свои проблемы. Я должна сама! Сама!

Сама я позвонила Иосифу. Тому самому, который искал дешевый рабочий труд в моем лице. В нашу первую и единственную встречу мужчина жаловался на нелегкую жизнь, вздыхал седыми усами и в итоге не смог заплатить даже за свой кофе. Я отказалась тогда и от работы, и от последующих «встреч для общения» – была уверена, что ни при каких обстоятельствах нам не придется увидеться снова. Набирала номер совсем не боясь разбудить.

– Здравствуйте, Иосиф. Это я. Вы просили позвонить, когда будет время.

Иосиф приехал быстро. У него старый «опель», и болтается туда-сюда полинявшая елочка-ароматизатор. И так, мужчина, облагораживающий машину отдушками, везет в ночь девушку, обгладывающую щеки. Такой вид гармонии. Иосиф заметил мой взгляд и спросил: «Понравилась отдушка, да? – щелкнул пальцами по елке и посмотрел на меня с улыбкой заговорщика. – Представляешь, кто-то выкинул почти новую!»

Мы едем по ночному городу. Иосиф ни о чем не спрашивает. Он монотонно несет какую-то бессмыслицу про скорые распродажи и бесконечные стройки. Я так устала ждать, когда же он, наконец, спросит, что решила начать сама.

– Я немного поссорилась с мужем. Хотела переночевать у подруги, а она, оказывается, не в Берлине сейчас...

Иосиф уверенно держит руль и смотрит вперед с орлиным достоинством, что совсем не сложно при таком профиле.

– Да я и так все понял. У меня, знаешь, какой опыт? Не ты первая, не ты последняя. Все когда-то бегут. Ты пока только думаешь, что это временно, а потом все равно сбежишь. С ними же невозможно жить – постоянный контроль и экономия их эта ненормальная. Небось, за каждый цент требовал отчет?

Он поворачивает ко мне свою включенную седую шевелюру и с огорчением качает головой, как будто именно я проявила себя не с лучшей стороны в вопросах стяжательства и ему теперь за меня стыдно.

– Вот как нам здесь выжить, если не помогать друг другу? Кстати, мы уже почти приехали. У меня есть свободная комната. Можешь оставаться пока.

– Спасибо, Иосиф. А вы обещаете быть джентльменом, если я воспользуюсь вашим гостеприимством?

Иосиф улыбается по-отечески.

– Ну неужели ты меня боишься? Я же и мухи не обижу, разве по мне не видно?

Я подумала, что нет, не видно, но в слух сказала: «Вы мне сразу показались очень порядочным человеком. Иначе я не стала бы вам звонить».

Первая мысль после клацанья выключателя: «Мне показалось!» Вторая мысль: «Вот какой ты, калабалык». Слово, давно болтающееся в голове без соответствующей картинки. Не «беспорядок» и даже не «хаос» – калабалык! Так имеет право выглядеть квартира, в которой случайными предметами домашнего обихода играют в «Тетрис» – складывают туда, где появилась свободная дырочка. Сходство с «Тетрисом» подчеркивалось тем, что, видимо, и здесь игрок давно уже ждет прихода спасительной длинной палочки, которая сразу заткнет образовавшиеся овраги и поможет согнуть огромному пласту наваленной утвари. Если длинная палочка скоро не появится, калабалык дорастет до потолка, и все – «Game Over».

Хотя, скорее всего, игра закончится еще раньше от едкого запаха нафталина с купоросом, тщетно пытающихся заглушить облако сладковатой гнили и запущенности. Джунгли из торчащих скелетов абажуров, лианы запутанных проводов, затертые спинки замшевых стульев, подпирающие потолок рулоны ковров, горы пыльных сервизов, шахматные доски любых размеров, несметное количество статуэток, зеркала с паутиной разбитых углов. С покосившейся этажерки весенней серой сосулькой свисает некогда нарядная тюль. На самом верху, под потолком, музыкальный отдел – аккордеон с разорванной улыбкой и позолоченная труба от граммофона. Если прислушаться, можно уловить легкое поскрипывание тупой иглы по заезженной пластинке – «Реквием вчерашнего дня для беззубого аккордеона с трубой от граммофона». Подумала про реквием и сразу испугалась – в такой свалке не трудно похоронить пару-тройку надежд. А можно согнуть самой – от порога в глубь калабалыка вели три тонкие дорожки. Не хватало только камня: «Пойдешь направо – потеряешь спутника, пойдешь налево – себя потеряешь, иди прямо – может, выйдешь к балкону и успеешь позвать на помощь». Кого зовут на помощь в калабалык? Санэпидемстанцию? Я растеряно повернулась к Иосифу, с вопросом, уже готовым сорваться с языка: «Как по-немецки санэпидемстанция?»

– У вас ремонт? – спросила я, не сумев спрятать потрясение в голосе.

– Почему ремонт? – в свою очередь удивился Иосиф. – Я собираю вещи старины, слышала когда-нибудь про антикварные ценности? Некоторые вещи продаю, но многие оставляю себе, потому что в жизни все имеет свое предназначение, хранит свою историю, – Иосиф любовно расправил складку на пожелтевшей салфетке, украшавшей пузатый телевизор с черной дырой на месте тумблера.

– Ты не любишь старину?! – спросил он утверждающе, глядя куда-то мимо меня и направляясь в один из проходов.

Я в замешательстве пожала плечами. Как сказать человеку, живущему на свалке, что ты не просто любишь или не любишь старину, ты просто никогда не представляла себе старину так. Старину показывают в музеях, на страницах книг, в документальных хрониках, ее следы сохранились в фасадах домов на улицах неубитого войной Берлина. Я могу представить себе дам в каретах и кавалеров с цилиндрами... Да что уж там, антропоморфизм и мне не чужд: часто ругаю медленно закипающий чайник, или, осторожно надевая фамильный браслет, хочу успокоить его, шепчу ему, что наша встреча всего лишь случайность и скоро он окажется у другой, более достойной, владелицы.

Да, я тоже люблю вещи, привязываюсь к ним, но: «Это же рухлядь с помойки!» – хотелось возразить мне. Может быть, хамство хозяину в его доме – ожидаемое поведение девушки-самоеда?

– Можешь не отвечать. Я и так знаю! – не дождался Иосиф ответа и перешел в наступление. – Ваше поколение ничего не умеет ценить, – он сделал жест рукой,

приглашая идти за ним по траншее налево. – Все у вас быстро. Купил – выбросил. Вы – поколение консьюмеристов! – Иосиф заговорил громче и воспрянул усами. – Хорошие, новые вещи выбрасываете на помойку. Посмотри вокруг, сколько прекрасных вещей мне удалось спасти. Да, если бы не я, это все уже давно сгорело бы на мусорке. Все, посмотри, все это – богатство, – Иосиф замахал руками, как дирижер, исполняющий накал страстей, – все это пропало бы!

Да, нельзя безнаказанно будить людей среди ночи.

– Иосиф, так вы настоящий антиквар! Ваша коллекция меня восхищает! – чтобы сделать приятно старьевщику, я цокнула языком, покивала головой, с уважением приподняв брови. По всем меркам этикета – дань приличиям отдана. Можно уже спать идти?

Вдруг из-под искусственных тюльпанов, театрально венчавших разномастную грудку тряпья, я увидела платье. Платье, пытаюсь сохранить достоинство, лежало с расправленными плечами, распахнув рукава в пустых объятиях. Я погладила шероховатую ткань. У моей бабушки было похожее платье. Она с почтением называла его «панбархат», надевала по торжественным случаям и превращалась в королеву. Панбархат и королевская бабушка, а дедушка сидит за роялем, перелистывает ноты, вот и этот сервиз с розочками и золотым ободком, шумная компания за столом, аплодисменты, «Наполеон» вот на том стеклянном подносе с ручками-шариками. Когда это было? И в какой момент мое детство поселилось у Иосифа пыльным экспонатом? Может быть, все вообще не так, как кажется, и Иосиф жалеет нас – тех, у кого нет сохранившихся предметов-проводников в тот мир? Я задумалась о том, кто кого должен теперь жалеть, и совершенно забыла, что мы с Иосифом ведем неспешную беседу.

Иосиф между тем что-то рассказывал про бизнес, подсчитывал вслух какие-то барыши и по всем признакам вошел в фазу привычной ночной активности. Зачем он мне все это рассказывает и без усталости демонстрирует эти артефакты? Может, он надеется, что я помогу ему сбывать все это добро? Точно! Мы познакомились именно из-за того, что ему была нужна помощница. Помощница со знанием английского! При чем тут английский? В Берлин приезжают англоговорящие ценители рухляди?

Я не стала задавать вопросы. Поняла, что все не имеет смысла. Ясно и так: от Иосифа надо убираться как можно скорее. Убираться... Кстати, интересно, как он здесь убирается?

Завтра же утром я решу, куда сбежать. Сначала нужно спать. Единственное правило для всех сложных ситуаций – выспаться! Я знаю, план дальнейших действий придет во сне. В голове столько информации для переработки: Аксель, Аудроне с Андреасом, Иосиф и его калабалык – хоровод из людей и предметов. Менделеева мне в помощь! Если я прямо сейчас не лягу, то сойду с ума и, сидя на этой куче развалин в дождавшемся меня бабушкином панбархате, буду кричать невидимым покупателям: «Вазочка с фруктами прошлого века. Подходи! Налетай! Горящий товар только вчера из Лууууууураа».

Спать! Срочно спать! Что-то он говорил про свободную комнату? Надеюсь, не про эту шла речь? Я представила себя уютно свернувшейся на диванчике с книгой без переплета вместо подушки, как я, пытаюсь накрыться, тяну тюль за заскорузлый волан и обрушиваю все уровни «Тетриса». Напоследок со шкафа с противным лязгом срывается труба от граммофона и коронует мой курган. «Удручающая смерть российской гражданки, сбежавшей от почтенного мужа в калабалык», – увидела я

строки в местной газете и Аксея, со слезами на глазах, покручивающего ручку блестящего, почти нового, граммофона.

Не знаю, что вдруг произошло, может быть, Иосифу перестало нравиться выражение моего лица. Он замер на полуслове и уставился на меня суетливыми зрачками.

– Ты, наверное, хочешь спать?

Я ответила, что очень устала от всех волнений.

После «убранства» зала комнатенка показалась спартанской. Как в одной квартире могут сосуществовать два параллельных мира – вопрос занимательный, но мне сейчас не по зубам. Я сажусь на край кровати и еще раз обвожу взглядом комнату. Вот и прибыли! «Один необдуманый ход шахматиста – королева улетает с доски и в путь трогается безликая пешка e2-e4. Пожелаем ей удачи!» – слышу внутри себя голос радиоведущего.

Иосиф появился в проеме двери бесшумно, с бесцветным полотенцем и одноразовой зубной щеткой, по виду «почти новой».

– Знаешь, здесь у зубных врачей в туалете всегда стоят на полочке одноразовые щетки и паста. А если нет, то надо сказать, и сразу принесут, – Иосиф суетливо крутится вокруг, расстилает кровать. – Я каждый раз, когда хожу к зубному, беру несколько с собой. За те деньги, что получают эти стоматологи, для них не проблема эти щетки всем раздавать. К тому же почему их называют одноразовыми? Прекрасные новые щетки могут несколько месяцев отлично служить.

Я сказала, что он молодец, и большое ему спасибо.

Заснуть несмотря на усталость не получалось. Радио в голове транслировало шахматную партию с постоянной сдачей позиций, где патовая ситуация представлялась как лучший исход. Полная безнадежность для незащищенной со всех сторон пешки. На двери в мою комнатку нет ни замка, ни хотя бы навесного крючка. Можно ли расслабиться в доме незнакомого мужчины при незапертой двери?

К тому же Иосиф не спал. Его шаги слышались то в одном конце квартиры, то вдруг очень неожиданно у самой двери. Один раз дверь тихо приоткрылась. Я притворилась, что сплю. Так и пролежала на кровати с закрытыми глазами, боясь пошевелиться и привлечь внимание круживших по квартире духов прошлого в облики Иосифа.

Впрочем, утро наступило быстро. Ни одной идеи, как быть дальше, так и не появилось. Устав договариваться о кооперации с мстительным в условиях недосыпа мозгом, решила встать.

На кухне, маленькой и своеобразно уютной, потому что помещение, в котором пахнет кофе, не может быть неуютным по определению, уже копошился Иосиф в рубашке цвета прохладного утра. Сам причесанный и какой-то неприятно бодрый. «А цвет лица серый. Наверное, мало бывает на воздухе, и этот купорос...», – подумала я и спросила, можно ли приоткрыть окно.

Иосиф – сама любезность, предложил мне сесть за стол, где уже стояли чашки и пыхла кофеварка. Он с улыбкой распахнул окно, вылез наполовину в начинающийся день и повел носом, как голодный гость, ступивший на порог дома, где как раз испекли пирог.

– Ночь и раннее утро – лучшее время в жизни человека и всей природы.

– Почему? – спросила я, чтобы что-то спросить, но Иосиф не нуждался в вежливых вопросах собеседника.

– Ты, я смотрю, тоже мало спишь. Это хорошо, это даже правильно. Ты никогда не думала, что сон крадет у нас жизнь?

Я задумалась. «Интересно, какую такую жизнь крадет сон у Иосифа?»

– Смотря чем заниматься, наверное...

– Я вот совсем не спал сегодня. Это у меня часто, – добавил он и вытер руки сначала о джинсы, а потом о висящее на стуле полотенце, потянулся наливать кофе.

– Долго не высыпаться – вредно, – пробурчала я под нос, подавив зевок. Уши впитывали совершенно не интересную и не нужную в этот час, и вообще не касающуюся моей жизни информацию, голова хотела пустоты от Иосифа.

– Сегодня ночью опять не удастся поспать, – подмигнул он, – надеюсь, ты составишь мне компанию?

Я застыла на стуле и вынужденно улыбнулась:

– Ах, да? И почему же не получится высыпаться этой ночью? Какую компанию я должна составить?

– Сегодня мы пойдем в одно очень занимательное место, – Иосиф положил руку на мое запястье, – думаю, что ты ни разу там не была. Слышала когда-нибудь про свингер-клубы?

16. Страна грез

Время тянется бесконечно, потому что в царстве старых вещей никто никуда не торопится. Скорее наоборот. Я смотрю на часы, и выбор времени у меня огромный: любое понравившееся – на ходиках, курантах, домиках уснувших кукушек. На многих время остановилось, а на всех остальных разное. На больших напольных часах минутная стрелка сошла с ума, как белый медведь в зоопарке, – одни и те же круги, но с разной скоростью. Я жду, когда на всех часах будет восемь. Я поеду в то место, что было моим домом, чтобы забрать вещи. Не все. Какие-то. На первое время. Во что-то переодеться. Мои щетка и косметика, конечно, документы. Я переезжаю в калабалык!

В восемь Аксель встает и идет в ванную, спотыкаясь спросонья без очков, в своей фланелевой пижаме, синей, с желтыми ромбиками. По пути заходит на кухню и включает там мягкий свет, отбрасывающий желтую тень на березу за окном, а она тянет в ответ сотни тонких рук к теплу и свету. Я вижу, что Аксель не замечает березу, он топчется у кофеварки и просыпает какие-то пылинки кофе мимо фильтра, и потирает одну босую ногу о другую, говорит беззлобно «шайзе»¹ и сам в ответ хохочет. Он всегда веселый. Даже по утрам. Сегодня, впрочем, по-другому. Он не ложился, чтобы не допустить мысли об обыденности одинокой ночи. Сидел до утра на кухне, может быть, составлял непрременный план на жизнь в изменившихся обстоятельствах, но, скорее всего, плакал, не стесняясь дерева за окном.

Зачем я об этом думаю? Разве мне есть дело до тех, от кого я так мечтала избавиться? Может, скучаю по дереву. Оно осиротело. Больше оно не «белая береза под моим окном», а просто «русское дерево», как говорят немцы. Дерево занесло сюда случайным ветром, а вот уйти у него нет никакой возможности. Каково это – пустить корни, чтобы навсегда?

Я сказала Иосифу, что иду по делам и меня не надо провожать, и встречать тоже не надо.

¹ От нем. *Scheiße* – дерьмо.

Легко жить на свете, когда нет ничего кроме того, что на тебе. Не обременительно и Легко! Первые шаги в биографии бомжей и растворившихся в ночи женщин начинаются с легкости. Все от легкости, все от радости ощущения бесконечной личной и материальной независимости в связи с отсутствием и того и другого.

Я подхожу к дому и не понимаю, что со мной? Я чувствую себя воровкой, пробирающейся украдкой к чужому достатку. Отшатываюсь от здоровающихся соседей, долго не могу попасть ключом в дверной замок. Дом чужой. Я не была в нем сто лет или одну ночь? Откуда эта враждебность стен?

Акселя дома нет. Может быть мне не следует сюда приходить, когда дома нет хозяина? На столе кухни, так и есть, чашка с черным ободком выпитого кофе, бокал недопитого вина, кружка с остывшим чаем. На стене откуда-то появившийся постер «River Dance». Я мечтала сходить. В сердце танцующей шеренги вонзилась кнопка, под ней два билета с датой моего рождения. Смешно и так похоже на Акселя: ирландские плясуны вернули домой жену и придуманное счастье. Как бы в жизни так было все просто?

Оглядываясь, вглядываясь и стараясь запомнить фрагменты, прошла по квартире. Огромная кровать из вожделенного малахитового гарнитура вызвала еще большее недоумение, чем все остальное. Неужели это моя постель? Я не смогла представить, что можно лечь или даже сесть на край. Я посторонний человек в этой квартире! Моя жизнь здесь, только что, стала завершённой историей. Иосиф приготовил очередной сундук для «почти нового» моего прошлого.

В городе больше нет места, где я могу лечь, расслабиться и увидеть сны. Мой покой где-то в неизвестном будущем. Да и спать уже больше не хочется. Нормальное состояние легкого бреда. Мне даже нравится. Кажется, что все понарошку, как в сумбурном сне. Напрасно люди пьют столько алкоголя. Самый простой способ дойти до легкой эйфории – не спать сутки, а за двое – может быть полный улет от реальности. Сколько же в этой квартире полезных предметов. Почему я раньше не замечала? Сумка получилась огромная, но маленькая, чтобы вместить какое-то подобие комфорта на ближайшее время. Буду осваивать новый оксюморон – «Комфорт в калабалыке». Как жаль, что нельзя взять с собой ничего из средств коммуникации – компьютер на столе, телефон стационарный. Естественные для бесперебойной повседневности вещи – настоящие предметы роскоши. Надо позвонить куда-то напоследок и что-то кому-то рассказать. Кому? Что рассказать? Ненадолго прижав к уху длинный гудок, положила трубку на место. Компьютер вышел из дремы синим экраном. В электронной почте одно непрочитанное письмо с незнакомыми инициалами отправителя:

«Я в Греции. Приезжай, Димитрас сказал, что не против. Звонить мне можешь на номер... Думаю о тебе, скучаю. Аудра.»

Я снова схватила трубку, не успев дочитать. Не зря мой день начался с правильного времени на золотых курантах с бешеной стрелкой, отсчитывающей часы в минутах! Я сразу знала, что им нужно доверять.

Она взяла трубку и сказала свое любимое растянутое: «Аллоу», – и начала смеяться своим глубоким грудным смехом. Она даже не спросила, кто звонит, просто смеялась, а я плакала, или мы обе смеялись? Потом она спросила: – Ты уже ушла от своего Акселя? Расскажи мне, где ты теперь? С кем? Я рассказала коротко, как не умею.

– Плохо. Мне плохо, что тебя здесь нет. Я не знаю, что дальше.
– Дальше ты прилетаешь в Афины! Я встречаю тебя в аэропорту. Только прилетай в Афины. Ты же сможешь прилететь?
– А кто такой Димитрас?
Аудроне замолчала на очень короткий момент, и мне снова стало страшно. Я скорее почувствовала, чем услышала ее сомнение
– Ты, главное, приезжай! Мы же с тобой давно хотели на юг. Мы здесь такое устроим! Какая разница, кто такой Димитрас? Он нам поможет!
– Я скоро прилечу, Аудра. Я позвоню тебе, когда у меня будут на руках билеты. Завтра позвоню, нет, сегодня, слышишь!
В сумку с вещами первой необходимости полетели золотые сандалии и купальник. Я уезжаю в Грецию!
В оставленной записке я написала только, что за остальными вещами приду когда-нибудь. Оставила на столе ключи. Попрощалась с березой.

В свингер-клубы, по словам Иосифа, люди ходят за любовью без вранья и естественным человеческим общением, более того, там все бесплатно – любые напитки в баре и еда со шведского стола. Ах, да! Все бесплатно для женщин. Для мужчин все как раз очень дорого. Иосиф чуть не расплакался от такой предвзятости к сильному полу. Но для мужчин в сопровождении дам есть главный козырь, которым Иосиф пренебрегать не собирался: полцены за вход! Пятьдесят процентов от обычной платы за обитель порока, напитков и яств. Ну кто же от такого откажется? Как же я могу его не выручить? Он же мне ничего плохого не сделал? Ну ведь не сделал же? Что мне сложно ему помочь?

– Что требуется от меня кроме присутствия на входе? Я могу провести вас и уйти?
– Нет. Тогда меня тоже попросят уйти. Те, кто пришел парой, должны и уходить вместе. Иначе так бы все и проходили...

Иосиф уже все давно решил. Интересно, он думал о нашем совместном походе на дармовую порнушку с All Inclusive, пока ехал со мной в машине? Или когда ходил ночью по квартире, размышляя, не слишком ли он добр ко мне? Именно врожденная порядочность подтолкнула его к такой идее: вдруг его ночной гостье будет неудобно пользоваться его гостеприимством просто так. А здесь прямая возможность отблагодарить и заодно БЕСПЛАТНО поесть и попить!
Что-то такое он говорил мне утром за чашкой кофе. Я стряхнула его руку, паучью, в сизых волосках, и цепкую в плохо скрываемом желании прикоснуться к кому-то живому, пока живому, но все больше увязающему в его клейкой паутине добродетели.
Уходя утром, я обещала подумать.

Возвращаясь после разговора с Аудроне, решение было принято: я пойду с Иосифом в клуб!

Иосиф ждал в своем гнезде из вчерашних судеб. Мне показалось, что он остался в той позе, в какой я оставила его утром. Он обрадовался моему возвращению, потому что не верил, и я не хотела к нему возвращаться, а он знал об этом.

Он вскочил, когда увидел мою сумку. Он не прятал свое торжество, а я, не скрывая тяжелую поклажу, сразу прошла в свою комнатенку без замка и задвижки.

– Расскажите мне еще раз про этот клуб. Что я должна буду делать? Я не хочу, чтобы ко мне кто-то прикасался.

– Тебя никто и пальцем не тронет, если ты сама не захочешь! В этих клубах есть правила, и за ними четко следят. Ты сама решаешь, что делать. Ты можешь сидеть в баре или выбирать себе понравившегося партнера или партнеров, – Иосиф смотрит в глаза с пионерской честностью, – тебя никто не побеспокоит.

– В чем там ходят? В смысле, во что одеты те, кто просто сидит в баре? Там все голые?

– Нет. Но можно, конечно, сидеть и без одежды. Главное, одежда должна быть подходящая. Ну, какая-то, не много одежды, одним словом.

– У меня есть черная комбинация. И золотые сандалии. Подойдет?

– Идеально!

– Иосиф, а теперь честно. Вы, точнее Ты – же рассчитываешь, что у нас будет секс в этом клубе? Я напьюсь бесплатных напитков, обстановка располагает, тем более мы уже пришли заявленной парой. Ты так хочешь? Ты так себе представлял?

Иосифа не так сложно смутить, как я надеялась. Он берет меня за руки и говорит, расплываясь пятнами в подмышках голубой рубашки:

– Я очень этого хочу, но решать тебе.

Я не убираю руки и смотрю в упор.

– Я уже решила, Иосиф. Во-первых, я пойду с тобой в клуб, чтобы ты знал – я помогу тебе, как ты это объясняешь? Сэкономить? Но я не буду раздеваться и тем более заниматься любовью там, в той обстановке, при тех людях. У нас все с тобой будет. Но не так. Совсем не так и точно не там. Я хочу, чтобы мы поехали с тобой куда-то. Мне, да и тебе, нужна смена обстановки. Я вижу это по твоему изможденному лицу. Ты когда отдыхал в последний раз? Давай подарим себе небольшие каникулы? Вдвоем? Ты уже был, к примеру, в Греции?

– А теперь отпусти мои руки. Я же сказала, что не хочу, чтобы ко мне прикасались, пока мы еще здесь, в Берлине. Здесь все наводит не меня тоску. Что думаешь, Иосиф? Иосиф бросает взгляд на наручные часы и говорит:

– Пойдем. Мы еще успеем!

– Куда успеем?

– Успеем до закрытия бюро путешествия здесь рядом. Там работает мой друг Боря. Боря нам все расскажет.

Дальше все быстро. Боря оказался на месте. Тучный лысый и курящий. От сигаретного дыма и бессонницы мне казалось, что я смотрю кино. В фильме толстый агент говорил слова: «Канары, Майорка, зачем в Грецию?» Иосиф выплывал из дыма и повторял: «Канары, Майорка, зачем в Грецию?» Я отвечала: «А как же мечта? Греция – страна грез. Неужели слишком дорого?» Иосиф опять наклонился к Борису и передавал сказанное с моей стороны тумана: «Ну хочет девочка в Афины. Что там у тебя есть? Нет, не надо завтра. Когда самые дешевые? Хорошо! Беру!» Мы вышли от Бориса с билетами.

– Можно посмотреть?

Иосиф протянул конверт с распечатанными бумажками. Мое имя на билете в Афины! Я не верю в свое счастье, удачу, звезду! Я точно сплю и вижу желаемое, выдаю за действительное. Но нет, во снах тоже бывают разочарования. Дата вылета на билете в другом измерении, не подвластном моим возможностям даже во сне. Через пять дней! Пять дней! Пять дней?! С Иосифом? С Иосифом в калабалыке и свингер-клубах...

– Могу оставить себе эти билеты? – я потянулась к сумочке, чтобы убрать конверт.

– Нет, пускай будут лучше у меня. Ты же знаешь, я умею хранить вещи, – Иосиф подмигнул, а я поняла, что в ближайшие пять дней мне надо элементарно выжить, точнее ему надо как-то выжить. Я девушка без сна, в состоянии аффекта.

17. Свингеры и ментальные финны

Мой день сурка: автомобиль погружается в грязный кисель сумерек, еще не включен мощный рубильник городского освещения, и Берлин плывет за окном серым призраком прошлой и будущей неопределенности. Руки мужчины простукивают в тишине салона по рулю какую-то мелодию, под аккомпанемент чужого отчаяния получается зловеще. Отдушка на лобовом стекле исполняет все тот же танец о беспомощности свободы на резиновом шнурке. Отдушка устала от старости и никчемности своего теперешнего предназначения. Выцветшей елке, как и мне, здесь не место, но выхода нет – мы поддерживаем химеру, угодную Иосифу, она – давно выветрившиеся, синтетические благовония хвойного леса, а я вношу новую, солнечно-оливковую ноту скорых греческих каникул. Мы, видимо, неплохо справляемся, Иосиф хрипло запел под нос: «Хуто-хуторянка, девчоночка смуглянка...»

– Знаешь, у Ротару был концерт в Берлине, и я танцевал в первом ряду, – его лицо принимает особое выражение, – представляешь, она в итоге вытащила меня на сцену. Ничего не поделаешь, я всегда нравился женщинам!

Машина завернула на одну из тихих улиц и нырнула на сухое светлое пятно освободившейся парковки.

Я не успела уловить иронию в голосе. Он всегда нравился женщинам?! А в салоне-то уже тесно от иллюзий! Даже хорошо, что быстро приехали и пора выходить – не пришлось погружаться в идеальный мирок человека, где хвойный лес, влюбленная хуторянка Ротару, Греция и молодая любовница.

В Берлине есть дома разные: резные, воздушные – как в центре Праги или Парижа; разноцветные, уютные, с балкончиками в цветах и узкими окнами – как в Амстердаме; старинные с историей, солидные, серые, монолитные – как в сталинской Москве; и как в любой стране – многоэтажки и социальные дома, утыканными параболами, как грибами после дождя. И есть дома обычные, незапоминающиеся – дома-невидимки. Мимо таких можно ходить изо дня в день и не замечать. Если такой дом однажды снесут, то, проходя мимо, останется только ощущение, смутное беспокойство, впрочем, и то быстро выветрится после беглого похлопывания по карманам куртки.

Несмотря на то, что улица периферийная, но недалеко от центра, сам дом и вход в заведение настолько неприметные, что даже огромные надписи «Свингер Клуб» с обеих сторон от подъезда кажутся не более чем вывеской отделения районного благотворительного общества.

Мой благотворительный акт, не побоюсь этого слова, заключается в том, что я присутствую в качестве скидки за входной билет для того самого одиозного человека, дающего приют старым вещам, сумасбродным женщинам, иллюзиям и обещаниям, которым не дано сбыться.

Вжимаю голову в плечи и стараюсь не поднимать глаз – испытываю стыд, близкий к ощущению неизбежного позора до старости лет. Мимо, по желтой полоске тротуара, проходят люди. Мужчины наверняка думают обо мне слишком доступно. Хочется повернуться и сказать: «Я здесь не поэтому. Я вообще ни при чем. Верьте мне люди, я не такая!» Дополнительное осуждение ловлю в деланно безразличной походке двух

молодых, бесформенных женщин с сумками-тележками на другой стороне улицы, и долетевшие с ветром мысли: «Курицу для супа, кило картофеля и помидоры бы не забыть. Вон стоит шалава со старым мужиком. Как только земля таких носит? Еще не забыть спросить в магазине действуют ли скидки на мандарины пять килограммов вместе с ведром...»

Иосиф, напротив, не спешит скрыться от чужих глаз. Персиковый шарф с бирюзовым отливом – красиво, если без Иосифа, распахнутое пальто, речь и жестикация недовольного, но хозяина жизни. Он тычет в какую-то табличку рядом с дверью, зычно оглашает цены, несколько раз повторяет: «Представляешь, что придумали?» Видимо, он никак не может избавиться от состояния предстоящего финансового послабления и наслаждается моментом. Как-то незаметно со дня нашей первой встречи до настоящего момента Иосиф прошел весь цикл эволюции от «твари дрожащей» до «твари право получившей».

Говорю, что замерзла и хочу скорее зайти внутрь. Пожав плечами и все еще рассуждая о гендерной дискриминации относительно цен на вход, нажимает на звонок. Далеко, как в обитом коврами колодце, слышится хриплый стрекот и очень скоро звук приближающихся шагов по деревянному полу. Кислый лязг металлического замка. «Прямо тюрьма», – промелькнула мысль, но нет ни страха, ни желания сбежать. Здоровое любопытство легко вытеснило слабые с рождения моральные рефлексии. Если бы мне предложили в тот момент уйти, я бы отказалась. Ожидая у дверей, я уже преодолела какой-то порог отчаяния, ощутила себя громоотводом для скрытых разрядов прилюдного порицания и теперь хочу достойной сатисфакции. Может быть, в нашу сторону никто и не смотрел, а для женщин с тележками курица для супа имела значение намного больше, чем сжавшаяся фигура на пороге неизвестного им дома, но, но Алиса уже летит в норку в фривольно развевающихся юбках. Разве не интересно, что там, за дверью, где на порог пускают, лишь рассмотрев пришельцев через подозрительный глазок. Фильмы про мафию, наркоторговцев, запретные казино и гламурные вечеринки во времена Сухого закона. Я сейчас шагну в этот мир. «Всем привет, я тоже принимаю наркотики, могу поделиться розовым облаком галлюцинаций про Грецию, где все будет замечательно, волшебно, жарко, с бурями и легким бризом, откуда-то издали принесенными солеными каплями на плече у подруги».

Из приоткрывшейся двери вырвался и окатил душным теплом запах бани и ароматических масел. Я не тороплюсь, а в полумраке и не успеваю рассмотреть лицо открывшего двери, но отчетливо вижу пупок с кольцом и облегающие латексные шорты. Шорты заслуживают особого внимания и говорят приятно, вполголоса: «Добрый вечер. Вы в первый раз? Меня зовут Фабиан. Следуйте за мной». Гостеприимные шорты разворачиваются, и уверенные ягодицы удаляются в темноту коридора, пропадают за бордовой портьерой. Я успеваю подумать вслед, что Фабиан, должно быть, вымышленное имя и так же, как эти ягодицы, никак не может принадлежать человеку в обычной жизни. Или человек по имени Фабиан не может принадлежать обыденности?

Мы оказываемся в комнате с металлическими шкафчиками по периметру. Обычными металлическими шкафами, как в раздевалке бассейна, – только здесь передеваются в соблазн и наготу. Фабиан протягивает ключи и задерживает их в своей руке, вынуждая меня встретиться с ним взглядом. Специально лохматая прическа из геля, белая кожа и черные круги вокруг глаз или вместо глаз? Выдавливаю улыбку. В конце концов,

дружелюбная панда в сексуальных шортах не должна вызывать паническое стеснение у женщин, бросающих мужей и ночующих у блаженных старьевщиков.

– Здесь нужно раздеться и закрыть ящик на этот ключ. Потом можете отдать ключ мне... если он вам будут мешать, к тому же вам его все равно будет некуда положить, – Панда улыбается: ровными белыми зубами выражает симпатию. Уловив множественное лицо в обращении ко мне, я только теперь понимаю, что короткое увлечение Фабианом полностью отвлекло от существования моего спутника. Я оглядываюсь, удивляясь, что Иосиф до сих пор не вмешался в наш диалог: он стоит на одной ноге, неуклюже пытаюсь выбраться из перекрученной штанины. Я быстро отворачиваюсь, но поздно – яд уже проник в кровь. Коктейль на зависть Макбету – смесь костлявых голубых ног с порослью седых кудельков, впрочем, менее стойкой психике хватило бы и линиях семейных трусов.

– Где выход из раздевалки? – обращаюсь к Фабиану. – Покажите мне, пожалуйста, срочно, где здесь у вас туалет.

Фабиан проводит меня в другой конец раздевалки и включает свет. Здесь довольно просторно, чисто и даже как-то по-домашнему: на полочке у умывальника крема, лак для волос. В большой вазе на краю раковины разноцветные презервативы – возвращают в реальность. Достая из рюкзака золотые сандалии, снимаю джинсы и водолазку, расправляю измятую под одеждой комбинацию и смотрю в зеркало. Здравствуйте и добро пожаловать на территорию разврата, а шахматная партия, так и не завершенная непутевым, давно не видевшим сны шахматистом, становится игрой в поддавки. Армия отборных солдат превратилась в разбойников с шашками в черных латексных шортах, а их королева оказалась дамкой в измятой сорочке, дрожащей от своих мыслей в «домашней» атмосфере клубного туалета.

Я вышла со стопкой одежды в руках. Пустая гардеробная: ни Фабиана, ни Иосифа. Должно быть, устали ждать, а общество друг друга не очень их радовало. Каждого по своей, понятной, причине. Я сложила вещи в пустой отсек – у меня нет ничего, что стоило бы запирать на ключ. Появилась шальная мысль, что, может быть, Иосиф не запер свои вещи и я незаметно заберу свои билеты к Аудроне. Я бросилась дергать металлические дверцы.

Наивно было ожидать такой оплошности от мужчины, который убирает под замок даже ботинки. А что если попросить Фабиана дать мне ключ от шкафчика Иосифа, якобы чтобы сложить туда и мои вещи. Мы же вместе пришли – должен верить. Я не стала додумывать свой план. Бывают мысли, которые лучше не додумывать, – одно лишнее беспокойство и никакой практической пользы. В воровстве я человек начинающий – буду действовать по обстоятельствам. Пункт первый: создать первое обстоятельство – найти Фабиана. Я пошла на звук музыки и голосов.

Черная шелковая сорочка до колен и золотые сандалии – наряд монашки на бразильском карнавале. Мимо прошла зеленая оборка вместо юбки и чулки с люрексами, обтягивающие вялые бедра. Дама бальзаковского возраста вынырнула из темноты и снова исчезла во тьме, как неприличное приведение. Черная женщина на выходе из раздевалки чуть не сшибла с ног огромными дынями в прозрачной сетке. Она приподнимала груди руками, как будто взвешивала, смеялась и говорила по-французски отчетливо и громко, так, что мне показалось, что французский не такой уж сложный язык, если им правильно жестикулировать. Почти все понятно! Выглядит, как будто продает дыни своему собеседнику – лысому почтенному господину в полотенце на бедрах.

Небольшое, подсвеченное затемненными бра помещение с диванами по периметру и баром у дальней стены. От зала отходят несколько коридоров, но инстинкты пока не советуют торопиться с более подробным изучением интерьера, тем более что и здесь есть чему подивиться. В центре небольшой подиум с шестом, и там уже стоят желающие то ли показать, то ли увидеть танец.

Иосиф умудрился подкрасться незаметно и сильно напугал не столько внезапностью, сколько в который раз фактом своего существования. Должно быть, старому пауку здесь вольготно – столько темных углов. Пауков я боюсь больше, чем темноты, но паук и темнота вместе – несовместимый с адекватностью союз. «Ничего, я еще придумаю, как от тебя отделаться. Где же Фабиан?» Парень с идеальной спиной в уже знакомых шортах переставлял бутылки в баре. Я радостно пошла следом за Иосифом, сразу согласившись на бокал вина.

Никогда не думала, что бар может ассоциироваться со светом и безопасностью, но в жизни это уже не первое парадоксальное наблюдение. Впрочем, именно теперь, проходя мимо этих по-своему нарядных людей, я стараюсь не злоупотреблять с наблюдениями, но получается плохо. Здесь так много непривычного, гротескного, что некоторые детали хочется приблизить, чтобы и впредь доверять своим глазам. Хорошо, может быть, не все детали хочется рассматривать, да, пожалуй, точно не все... К тому же Фабиан – не существующий в природе с таким телом, здесь всего один. Я отвернулась, чтобы случайно не увидеть людей в их неожиданных ипостасях со слишком близкого расстояния, к тому же рассматривать кого-то не только неприлично, но еще и может быть принято за неслучайный интерес. Этого мне не надо точно!

На Иосифе, как и на ценителе дынь, полотенце и шлепки. Банный стиль в одежде популярен не у всех членов клуба. Один мужчина совсем без одежды, если не считать обуви, с философским видом потягивает коктейль, по всему видно, что ему скучно, и я подумала, что, раздеваясь, мужчина становится беззащитным вдвойне – и без одежды, и без тайны переживаний. У его собеседника красные стринги на невероятно мохнатой попе. Полнокровная немолодая женщина держится за шест «гоу-гоу» и, судя по попыткам, скоро изобразит сексуальное движение. Она вся какая-то противоречивая – наверное, из-за одежды: грудь в открытом лифе с функцией пушап выглядит воинствующе угловато, но смягчается благодаря удивительным сережкам – длинные разноцветные мигающие гирлянды – я такие не видела даже на Рождество, чулки с ажурными подвязками, туфли хищные, с окрасом под гепарда. Рядом пританцовывает рыжая медсестра в вольной интерпретации костюма. Я догадалась по чепчику с крестом. Она на невероятных каблуках, поэтому не делает резких движений и просто ритмично дергает бедрами, не отрывая ног от пола. То, что женщины не привыкли краситься, заметно по неумелым, как у девочек, открывшим для себя перламутровый мир помад и теней, кричащим, сочно накрашенным щекам и бирюзовым векам. Смелость этих женщин сильно превалирует над их грацией, но разве не так завоевываются мужские восторги и приходят в себя сонные философы?

Пока я пыталась понять, насколько пьяны или несчастны танцующие женщины, к ним подошли два готовых к действию члена клуба. Один из них – тот самый философ с коктейлем. Они как-то по-свойски обмолвились парой слов и все вместе деловито удалились, как коллеги на совещание.

Браво женщинам! Особенно браво немецким женщинам в миру не признающих каблуки, макияж и в целях совершенной победы феминизма предпочитающих

спортивного Wolfskin марке Viktoria's Secret, женщинам, допускающих единственный аксессуар – шейный платок (в другое время года именуемый шарфом).

Я бы хотела проследить за дальнейшей историей любви философов и медсестер, но это уже совсем чужая территория и то место, куда я сегодня не пойду ни ради любопытства, ни ради вдруг вспыхнувшего интереса к латексным шортам. Пока протискивалась следом за Иосифом сквозь женский смех, шепот, запах духов и пота, вся исцарапалась о взгляды. Это взгляды незнакомые – впервые ощущаю; они даже не раздевают, а скорее сочатся любопытством и ожиданием. Я уже заведомо член их стаи, и только вопрос времени, когда произойдет более близкое знакомство. Впрочем, кто-то смотрит с улыбкой и симпатией, а кто-то из женщин демонстративно отворачивается, видимо, не желая приветствовать молодую конкуренцию в таком особенном деле, где солидный возраст, несмотря на опыт, не вызывает уважение. Или мне все это только кажется, глядя на посетителей клуба – отталкивающих, беспомощных в своей неэстетичной наготе. Или они как раз не беспомощные, и это я – тот, кто проецирует свой страх и неуверенность на счастливых окружающих?

В финском языке есть специальное слово «мётохапия» – чувство стыда, испытываемое за других. В русском языке в обиходе словосочетание «испанский стыд». В немецком такое слово тоже есть – «фремдшэмен», но испытывать «фремдшэмен» в свингер-клубе закаленным на своей непревзойденной порнухе немцам, похоже, не приходится. Стыдно только мне? Но, если разобраться, «фремдшэмен» – деструктивное чувство, хотя финны, думаю, знали, о чем говорят. Не спроста же китайцы придумали слово «тинфен», что означает «ментальный финн» и описывает социопатов, которые, подобно финнам, превыше всего ценят свое спокойствие и личное пространство.

С каких пор я начала ощущать ментальную близость к финнам? Это все проблемы со сном и алкоголем. Скорее всего, неловкость или даже стыд за других людей, вдруг ни с того ни с сего так меня взволновавшие, – ничто иное, как боязнь оказаться на их месте и не справиться с ситуацией, показаться смешной. Я просто не могу понять этих откровенных телом людей, не могу принять, что они чувствуют себя комфортно. И, главное, ради чего? Что объединяет этих людей? Почему они приходят сюда? Что за эксперименты со своим телом, и кто они в обычной жизни? Менеджеры? Чиновники? Продавцы? Чьи-то отцы и матери? Вопросы, вопросы... Неужели у всех, как у Иосифа, грустная жизнь в плену даже не им пережитых воспоминаний чужих страстей? Может быть, повышенное либидо и есть тот показатель душевной неприкаянности? Может ли неразборчивый секс лечить там, где на самом деле болит, или, как все другие зависимости, лишь помогает уйти от пагубных мыслей?

18. Мышцы, патриции и один вор

Фуршет организован под экраном огромного телевизора с трансляцией порнороликов. Посетители обращали на видео столько же внимания, как если бы там шел повтор прогноза погоды на ближайшие дни. Профессионально стонущие актеры, стиснутые рамками экрана, не могут и не особенно стараются конкурировать с живыми людьми. Мне, как и другим, пришедшим в клуб, совершенно очевидно, что шаблонно выструганные тела на экране проигрывают в сравнении со спонтанными движениями, мимикой реальных людей – с их живыми взглядами без энергосбережения, без слоев ретуши на уставшей молодости, без повторных дублей и правильных, выгодных со всех сторон поз.

Вот и Иосифу тоже не до гарнира из «горячих» кадров. Он кружит у стола и уже наполнил две большие тарелки с горкой. Интересно, вторая тарелка для меня или он себе берет заранее, впрок? Он машет мне рукой, призывая присоединиться к пиршеству. Я совсем не хочу есть. Хочу проснуться.

Впрочем, я чувствую себя вполне уверенно в этом спокойном углу в самом дальнем конце, у стойки бара. С моего места хорошо просматривается весь зал, а я, наоборот, остаюсь в тени. Если прижаться спиной к стене, я почти невидимка. Слева от меня ряд пустых барных стульев. На нескольких лежат клубные полотенца. Кто-то еще вернется на зарезервированные места.

Первоначальный испуг прошел. Неизвестность и безнравственное воображение рисовали картины нечеткие, но порочные. Если не обращать внимание на особенности гардероба посетителей и непривычную раскованность некоторых дам, то атмосфера свингер-клуба ничем не отличается от любого немецкого паба.

Я уже поняла, что немцы остаются собой в любой ситуации. И это не только про бронь мест полотенцами. У немцев все, как всегда, подчиняется их рациональному графику. Они здесь для секса с чужими людьми. Еда и алкоголь приятно дополняют, но не заменяют первоначальную цель визита. Наверняка многие мужчины заплатили полную цену за вход, но не пытаются отбить свое, чтобы с горкой. Пьяных нет. Набирающих по несколько тарелок тоже. Со мной никто не бежит знакомиться и не набрасывается с непристойными предложениями. Не так страшен порок, как его предчувствие. К чему было так волноваться?

За барной стойкой Фабиан фальшиво подпевает динамикам, но в такт подергивает мышцами, а может быть, и не в такт – какая разница? Коктейльные шейкеры превращаются то в маракасы и издают характерный шаркающий звук, то в гантели, беззвучные, но открывающие новый взгляд на слово «совершенство». А о чем, интересно, думает, глядя на Фабиана, тот толстяк напротив, капитулировавший вислыми щеками в пивной бокал? Желает такое же тело? Обладать такой фигурой – означает вводить в искушение уже на подсознательном уровне. Такое тело означает чей-то произвольный грех. А может быть, все еще страшнее, и это все не больше, чем Тело, выращенное в неестественных условиях аскетичной среды спортзала. Для триумфального танца с коктейлями перед парой скучающих посетителей.

Фабиан заметил мой взгляд раньше, чем я успела спрятаться, подмигнул моей озадаченности и спросил, нужна ли мне экскурсия по клубу. За какие-то секунды в голове пронеслась целая маленькая, но насыщенная жизнь в вопросах и ответах. Как часто предлагает Фабиан такие экскурсии? А ведь заполучить невероятное тело и имя вполне реально и мне. Попользоваться на время, узнать, как это бывает, когда совсем не знаешь человека, но хочешь его трогать, ощущать эти анатомически идеальные бугорки и впадины, и уже совсем здорово представила, как кричу в потолок, дроблю криком побелку: «ФА-БИ-АН!!!»

Заманчиво, заманчиво, но я не смогу. Потому, что я лицемерка и трусиха, и потому, что это неправильно. Я точно знаю, что все это неправильно. Имя мне «ханжа батьковна», а еще комплексы и страхи, и место, и время, и Иосиф, черт бы его побрал, с его тарелками... И еще есть Аудроне. В Греции! Я же лечу в Грецию! Финалом истории не будет мой сексуальный эксперимент с прокаченным барменом в клубе одиноких сердец и дружелюбных тел. За свой недолгий, но полный приключений, опыт с мужчинами, я не привыкла апеллировать к мышцам, как к доминирующему органу самоидентификации. Я не знаю, с чего начать разговор о ключах от шкафчика Иосифа. Согласиться на «экскурсию»?

– Мне? Экскурсию? Зачем? Мне не надо! Большое спасибо, но у меня все хорошо. Я хочу здесь посидеть. Можно просто здесь сидеть?

Я так быстро опустошила обойму бессвязных слов, что сама поняла, как по-дурачки, по-детски, я прозвучала.

Фабиан удивленно пожал плечами и ответил, что я могу сидеть там, где мне захочется, даже у него на коленях. Вести легкомысленные диалоги с парнем в латексных трусах явно не мой конек. Теперь вместо нечленораздельно пальбы словами я яростно трясу головой, отрицаю сразу все богомерзкие мысли, неуклюже меняю тему:

– Сделай мне, пожалуйста, коктейль. Нет, не знаю какой. На твое усмотрение.

Фабиан добрый, а может быть, проницательный. Он улыбнулся, изобразил легкий полупоклон, крутанулся на ноге и захоптал бугристой спиной над бутылками разных цветов и степени убийства сознания.

– Ты здесь скучаешь или уже соблазняешь прислугу?

Рядом опять появился Иосиф. Я уже поняла, что Иосиф никогда не бывает кстати. Единственный момент, когда он приехал за мной в телефонную будку, и был самый пик наших с ним отношений. Все остальное время я жалела о его существовании. О его маленькой, но судьбоносной роли в моей будущей, может быть, греческой жизни.

– Я попросила сделать мне коктейль. Буду пробовать коктейли, пока ты ешь и развлекаешься. Не обращай на меня внимание. Я уже почти привыкла к месту, и можешь не спешить. Мы пробудем здесь, сколько ты хочешь.

Иосиф, как животное, почувствовавшее опасность, напрягся, вытянул тревожную шею, повел головой, потом, как ни в чем не бывало, уселся рядом и тоже заказал Фабиану коктейль. С самодовольной улыбкой придвинул ко мне одну из тарелок, над второй наклонился сам. Иосиф старательно пережевывает пищу, пачкает в кетчупе усы. Ему это все даже идет.

Фабиан подает коктейли. У меня одинокая оливка в Мартини, у Иосифа вишня на краю бокала. «Как-то опять странно, – лениво промелькнула мысль о распределении цветовой щедрости. – Почему Иосифу вишенка?»

Фабиан спросил, все ли хорошо, и я ответила: «Замечательно!» Врать барменам – элементарная вежливость, чтобы не обидеть человека, ответственного за напитки и ключи.

Моя бесконечно долгая жизнь без сна теперь еще и через призму алкоголя – вот и оно, то самое «Зазеркалье», в которое я добровольно скатилась. Сейчас съем оливку, положу на салфетку косточку и попрошу повторить. Вкусно, мне вкусно! А любимая вишня отныне – в гетто. Я буду вспоминать ее спелый глянец на фоне кровавых усов.

В «Зазеркалье» мысли и действия растянуты и не всегда реальны. Внезапно появившаяся рука на моем колене кажется отдельно живущим инопланетным существом – этакая тварь с ножками. Можно ли прикоснуться к этому без перчаток, вдруг оно ядовитое, опасное? Молча, стараясь не привлекать внимание, пытаюсь стряхнуть, избавиться, отодвинуть. Вздутые вены и напрягшиеся жилы отстаивают право на завоеванную территорию. Поняв тщетность усилий, произношу одними губами, шипением, разрезающим плоть, как незримый лазер:

– Я прямо сейчас уйду. Я думала, что мы с тобой обо всем договорились.

– Нууу, какая ты строгая! Я же шутя-любя, что ты так нервничаешь? – Иосиф подмигивает, и от этого становится совсем не по себе. Он же играет со мной! У старой

дохлой кошки в лапах мышь, которую она отпускает, чтобы снова поймать, чуть-чуть придушить и снова разжать лапы. Далеко не уйдешь. Вообще не уйдешь. Кошке не должно становиться скучно. Я живу, пока она играет, завишу от чужой скуки.

Наверное, Иосиф так долго общался с неживыми старыми вещами, что научился читать их мысли. Что уж говорить о мыслях живых. Он все знает про меня! В подтверждение он мягко отзывает тварь с моего колена и кивает бармену как ни в чем не бывало – отпустил меня ненадолго пожить. Фабиан тоже что-то чувствует и не улыбается, когда Иосиф благодарит его за вкусный напиток. Может быть, ему просто неприятна наша пара. Ах да, Иосифу не нужен скандал – он еще не успел насладиться праздником до конца, и если уйду я, то и его попросят уйти. Но нам нельзя уходить! Сейчас никак нельзя. Какие аргументы помогут мне, когда мы вернемся к нему домой, в его гробницу пыльных ценностей? Пять дней! Целых пять дней до вылета в Афины. Аудроне, что бы ты сделала? Уверена, ты бы сумела заплести свои слова в тысячу и одну ночь, связать этого человека, выражением глаз обещая ему надуманные им сны. А как быть мне?

– Я прошу тебя подождать. До Афин, – я попыталась улыбнуться, скопировать колдовство Аудроне.

– Чего ты боишься? Я же уже купил билеты. Мы едем вместе. Не надо от меня так шарахаться. Я же совсем не страшный и ничего тебе не сделаю. Только хорошее. Я все время страдаю от того, что делаю людям хорошее. Вот смотри, я спас тебя среди ночи, привез к себе, отдал тебе лучшую комнату... кормлю тебя и ни разу не упрекнул. Ты же только и делаешь, что дергаешься от моих прикосновений. Ты уверена, что в Афинах что-то изменится? Мне бы хотелось каких-то гарантий. Слышишь, не дури и не прикидывайся недотрогой. Здесь кругом нормальные люди, которые все сто раз видели и все понимают. Не хочешь? Ну, давай просто пройдем по клубу, покажу тебе комнаты – здесь чего только нет. Ну, чего ты, пошли? – у Иосифа блестят глаза, он пытается ухватить мой локоть. Я отодвигаюсь.

– Ну куда ты денешься? Мы же все равно вместе поедem домой. И билеты тоже у меня. Пошли... Ты видела когда-нибудь специальные качели? Здесь есть зеркальный зал и черная комната, где с потолка свисают цепи, разные плети и наручники – может быть, ты на это хочешь взглянуть? И потом, там есть кабинки, куда никто не входит без спросу. Как раз для новичков. А, может, хочешь в джакузи? Смотри, вон там, где цвета меняются. Ну ты же хочешь посмотреть, я же вижу, что хочешь и стесняешься! Пойдем, лучше меня тебе здесь никто все не объяснит, не покажет?

Я сначала онемела, а потом где-то внутри вдруг проснулся заворочался и вырвался наружу ледяной шар, вонзился в Иосифа миллионом колючих осколков:

– Нет! Я никуда не пойду. Я останусь здесь. А ты иди куда хочешь! С чего ты вообще взял, что я пойду с тобой? Я же сказала, что останусь здесь. Мы так договорились, и ты не можешь сейчас... – я хотела сказать что-то еще, как-то закончить фразу, о чем и зачем мы договорились, и как ведут себя люди, заключившие соглашение, а Иосиф уже все понял и пропал в темноте, отливающей розово-фиолетовым цветом.

Джакузи меняет цвет – вдохнула-выдохнула. Сколько у меня времени? Где этот Фабиан? Как можно быть такой идиоткой и размышлять о чем-то кроме ключей? Мне пора!

Фабиан, как назло, куда-то пропал. Где его искать? Идти следом за всеми в черный тоннель? Сидеть в раздевалке в надежде, что он придет открывать кому-то дверь и я подловлю его там? Я решила остаться на месте. В любом случае он должен вернуться в бар.

Двое – римляне в тогах – подошли к бару и сели на охраняемые полотенцами места. Значит, мне все-таки не показалось? Здесь, действительно, и сауна есть, и люди-пары. Женщина-римлянин с плоской грудью, похожая на высушенного в солярии кузнечика рядом с крепким мужчиной, украшенным замысловатыми иероглифами татуировки. Татуировки, наверное, что-нибудь из латинского репертуара «veni, vidi, vici» – «пришел, увидел, победил» – так уверенно он расселся, расставив колени, не заботясь одергивать простыню, уперся руками в загорелые ляжки.

Фабиан материализовался перед прибывшими с пивными кружками. Как-то все здесь происходит то слишком медленно, то невероятно быстро. Знатный римлянин говорит кому-то, забыв про знак вопроса в интонации: «Как дела», – и только оглянувшись по сторонам понимаю, что вопрос объявили мне.

Я только недавно, общаясь с Фабианом, выяснила, что не умею разговаривать с раздетыми людьми – мне мешает эта недосказанность в их облике. Любая фраза, кажется, имеет двойной, тройной смысл. Еще сложнее общаться с императорами, не ожидающих ответа, а просто так отмечающих, что тебя заметили в твоём укрытии. Простой на первый взгляд ответ в такой же ситуации в Незазеркальном мире: «У меня все хорошо, а как поживаете сами?» – окажется здесь приглашением к общению, которое неизвестно к чему обяжет. Я притворяюсь удивленно гордой. Одновременно и сразу выпрямила спину, выразив всей осанкой неприступность, и округлила глаза в немом вопросе: «Это вы, правда, ко мне, изволили обратиться?» Римляне плохо понимают язык жестов. У них, у императоров и сластолюбцев, свой взгляд на причуды природы. Они подняли пивные бокалы и чокнулись друг с другом и с моей гордостью. Пришлось отвернуться к пустой стене. Краем глаза, в размытом отражении стекла бокала, я увидела, что люди встали и покинули свои места. На какой-то момент напряглась – вдруг ко мне? На всякий случай еще какое-то время с огромным интересом изучала надписи на барных бутылках: «Блю Кюрасао, Джек Дэниэлс, Питу...» Когда я достаточно осмелела, чтобы снова оглядеться, рядом уже не было ни римлян, ни их полотенец. На диванчике у противоположной стены бара возникла какая-то возня и послышался женский стон. Я увидела, как мелькнул и сполз на пол белый саван. Впервые в жизни я оказалась благодарна своей близорукости за избавление от подробностей.

Фабиан, казалось, не замечал происходящего. Он протирает бокалы клетчатым, таким обычным в этой атмосфере, полотенцем, что захотелось ему верить. Что это, если не тот самый сигнал к действию?

– Извини меня, Фабиан, – он поднимает на меня взгляд и выжидающе смотрит, не переставая наводить блеск на бокал. – Мне нужен ключ от нашего ящика в гардеробной. Можешь дать ненадолго? – взгляд Фабиана и его не изменившиеся монотонные движения не придают уверенности, но я продолжаю, – я кое-что там забыла, у тебя же есть ключ, правда?

– Да, – говорит Фабиан наконец. Но то, как он говорит это «дааа», не похоже на решимость человека прямо сейчас выдать мне желаемое. – У меня хранятся все ключи. Но, насколько я помню, ты не отдавала мне свой?

– Правильно, я не отдавала, но мой спутник. Мы же вместе пришли, ты же видел, – я уже понимаю, что разговор уходит в ненужное русло и мои шансы на ключ тают с каждым моим как-то коряво, как-то не так и не с тем выражением сказанным словом. – Моя дорогая, – говорит Фабиан с внезапным кокетством, – не хочешь же ты, чтобы я отдал тебе ключ от ящика твоего партнера без его ведома?

Я понимаю, что мне предложили тон, на который следует опираться в дальнейшем диалоге.

– Ну, дорогой мой, разве ты не понимаешь, что у меня могут быть маленькие тайны. Я хочу сделать небольшой сюрприз для моего спутника.

– Неужели ты хочешь сделать ему предложение о женитьбе? – Фабиан желает хохмить и ждет одобрения в моей улыбке. – Ты хочешь подложить кольцо в карман его штанов? – не унимается он.

Я ухмыляюсь, чтобы было похоже на хорошо зашедшую шутку:

– Фабиан, почему ты так добр ко мне?

Вместо ответа Фабиан протягивает ключ и говорит, что это вообще-то против правил, но он проводит меня. Подразумевается, что будет смотреть, чтобы я ничего не украла у своего жениха? А я хочу украсть! Именно это я и собираюсь сделать!

Фабиан попросил подождать, отнес куда-то в глубь содома поднос с напитками и кивнул мне, пошел в сторону тяжелой бархатной шторы у входа. Я поспешила следом. В полутьме раздевалки Фабиан протянул мне ключ.

– На нем есть номер отсека.

– Большое спасибо! Я сейчас, быстро. Можешь проследить, чтобы он не зашел?

Фабиан понял про «он» и кивнул, и добавил, уже совсем не дурачась:

– Сделай это по-быстрому.

От Фабиана пахло маслом. Каким-то пихтовым маслом или это от ели или кедра?

Целый хвойный лес стоял у входа и охранял мой поступок. Поступок для меня настолько понятный, что его явная неприглядность в его откровенной цели, не вызывала ни капли неудобства и сомнения.

Я повернула ключ. Вещи аккуратно сложенные и развешенные на дурацкой вешалке с сеточкой внизу. В этой самой сеточке болтаются ужасные предметы. Личные, интимные – носки и белье Иосифа. Именно под ними виднеется кусок сумки, показывает мне язык, дразнится. Что толку, что меня охраняет лес и куча красивых мышц? Никто не сделает это за меня. Мне придется ворошить интимную жизнь Иосифа, чтобы достать, докопаться до билетов в жизнь свою – новую и прекрасную просто уже потому, что в ней никогда не будет Иосифа. Жаркое греческое солнце со временем иссушит и превратит в пыль все воспоминания. Я представила себе море, солнце и вечность в счастье и скитаниях, но уже не одна, уже вместе с Аудрой, как мы будем обниматься и плакать при встрече, знакомиться и убегать от очередного Димитраса, чтобы быть свободными и безрассудными – это же так просто, когда вместе с подругой.

Рука уже нащупала и потащила вверх неподатливую, хватающуюся за сетку и исподнее, выскальзывающую и колющую замком сумку. Я уже открывала заедающую, потертую посередине и оттого немного блестящую в темноте молнию, и мне навстречу выглянули два белых уголка, похожие на сложенные крылья ночной бабочки. Они уже были готовы вспорхнуть и вылететь мне навстречу, очнуться от темноты нутра душевной кожаной сумки на моей ладони.

– Дайте мне пройти. Что у вас там такое?

Да. Голос, который трудно спутать и надеяться, что ошиблась, что показалось. Тихий голос Фабиана говорит что-то про «там, с другой стороны есть еще один туалет. Вы разве собираетесь уходить?..» Иосиф перебивает, требует пройти. Он уже прошел голосом и хочет теперь появиться весь, глазами увидеть и убедиться в своих подозрениях. Застать на месте преступления и обвинить, и быть правым в своем негодовании.

Руки, быстрые и отдельные от поплывшего, заторможенного от ужаса сознания все делают сами. Сумку обратно в сетку. Кое-как, небрежно, на перевернутое белье,

главное – снова на место. Поворачивают ключ в замке. Я успеваю отпрыгнуть от ящика и сталкиваюсь лицом к лицу с врывающемуся за портьеры Иосифу. Я, а не он, успеваю задать вопрос:

– Что тут у вас происходит? Фабиан, большое спасибо, что проводил. Я бы ни за что сама нашла. Иосиф, разве мы уже уходим?

Иосиф еще не успел ни спросить, ни ответить, а Фабиан уже устал от наших переживаний – «вы сами тут разбирайтесь» – и, сделав шаг назад, пропадает за шторами, как артист со сцены в школьном спектакле. Я вылетаю следом и, пока рука Иосифа тянется открыть занавес, успеваю втиснуть в ладонь Фабиана ключ.

– Ты ничего не видел и ничего мне не давал, – успеваю прошептать я. Фабиан отмахивается от ненужных в его работе и жизни впечатлений.

Главное, что он взял ключ и успел спрятать. Теперь Фабиан и ключ уже не достигаемы в своем блиндаже по ту сторону барной стойки.

– Что вы там делали? – обрушивается на меня Иосиф. – Ты хотела, чтобы он тебя выпустил? А куда ты пойдешь? Ты не забыла про свои вещи у меня дома? Про наш отпуск в Греции? Учти, если будешь себя неправильно вести, я могу передумать. Куда ты пойдешь? Будешь в ногах у мужа валяться? Прощения просить?

Я подумала, что он прав. Иосиф прав, а я сама во всем виновата. Почему-то представилось, как я ползаю в ногах у Акселя и жалуюсь ему на Иосифа, калабалык, латексную попу Фабиана, татуировки римского патриция, неудачную кражу, и говорю ему: «Ну за что мне это все, Аксель? Ну за что?» Я начинаю хохотать. Слезы и колики как-то связаны между собой и вместе мешают дышать. Воздуха катастрофически не хватает. Сгибаюсь пополам и расплескиваю воду, протянутую Фабианом. Чьи-то взгляды, вытянутый в курином испуге нос Иосифа. Перестаю смеяться неожиданно, скомкав очередной подступающий к горлу приступ, мимика и голос еще не расстались с агонией, но я умудряюсь сказать. Получилось весело и жизнеутверждающе:

– Все нормально. Все со мной нормально. Я буду себя вести правильно и наш договор все еще в силе.

19. Домина

Я когда-то жила в мире Дон Кихотов, верила в свою абсолютную безопасность и безнаказанность. И вдруг, как-то быстро и сразу, я исчерпала опущенный мне лимит на человеческое благородство. Стало так пусто и страшно, как не было еще никогда. Я оказалась где-то на самом дне, не зная даты и времени, будет ли мне вообще когда-то позволено вынырнуть в обычный, беспроблемный, безопасный мир.

Там, раньше, были проблемы, те самые ветряные мельницы. Выдуманые, накрученные от избытка времени и возможностей, высосанные из испачканного в разносолах пальца, неуклюжие проблемы избалованного ребенка. А теперь? Что теперь? Теперь надо научиться жить по-другому. Научиться жить по тем правилам, где распоряжаются Иосифы. Как же быстро я сдалась и оставила ему роль победителя, распорядителя моей судьбы. Неужели все теперь зависит от его доброй воли? А кто теперь я? Я, отчего-то считавшая себя королевой... Легко быть королевой, когда вокруг королевство. В кого превращается королева без своих поданных, что делает с ней страх и неизвестность?

Я должна суметь, нет – я сумею! Вот если рассудить без паники, без клейкого страха, залепляющего мысли с момента «Когда мы вернемся домой...». Ну что он может мне сделать? Он так же зависит от меня, как и я от него. Он хочет в Грецию, хочет со мной, и надеется, что проведет там отличное время – море, жара, страсть, оружие чайки над головой или что он себе там представляет в своих фантазиях. Да пусть хоть пеликаны с фламинго! Главное, чтобы он в это верил!

Верит же он в свою неотразимость, верит в увлеченную им Ротару. Пускай он думает, что я сейчас просто ломаюсь для порядка. Не знаю какого, но порядка. В его молодые годы, да и я очень хорошо помню, еще застала кусочек тех времен, когда девушки следовали определенному «порядку» в поведении. Близость между мужчиной и женщиной допускалась только после замужества, а если без замужества, то в постановке про хорошо воспитанную девушку с принципами значились ухаживания, кино, рестораны, поцелуи, изо дня в день, очень постепенно переходящие в жаркие, и как итог – великое падения крепости, завоеванная, честно отстоявшая по всем пунктам программы свое право на звание порядочной девушка.

Кто знает этого Иосифа? Ну вдруг, ну вдруг он считает меня такой? Почему нет? Я ни разу не дала ему повод думать иначе. Пускай думает, что я хочу ухаживаний, букетов, Греции, как заключительному залпу по шаткой крепости целомудрия. Мне просто надо продолжать играть эту роль. В конце концов, не будет же он меня насиловать? Или будет, и мне придется орать, убегать, махать ножами, и бог его знает, что еще придется делать в такой ситуации, если Иосиф решится пойти на опережение событий.

Стоп! Я опять погружаюсь в бесполезную истерику. Так нельзя! Я должна играть роль обескураженной ссорой с мужем женщины, да, в смятении, но не ужасе и страхе. Главное, не показывать, что боюсь. Я не боюсь его. Я хитрее, моложе, сильнее. Я сумею драться, да я просто убью его...

– Мы уходим или ты еще хочешь побыть? – я почти улыбалась ему и спокойно выдержала его напряженный взгляд. Мне больше не было страшно. – Я могу еще подождать, но я начинаю уставать от всего этого, – я кивнула в сторону неугомонных тел «патрициев» на диване.

Иосифа, может быть, и удивила перемена в моем тоне, но он никак не отреагировал на мой вопрос. Мне показалось, что он сейчас тоже думает. Может быть, думает о том же, что и я. Кто я, зачем я ему, чего ожидать от меня, когда мы вместе вернемся к нему домой, правда ли мои обещания про Грецию. Он тоже что-то для себя решает.

– Я еще не был в джакузи, – говорит он наконец и уходит, не пытаясь больше меня уговорить следовать за ним. «Это очень хороший знак! Очень хороший!» – подбадриваю я себя.

Девушка выплыла из нечеткой дымки света между темным входом и тусклым освещением бара. Я устала не только мысленно бороться с Иосифом, с собой, с мыслями, с усталостью бессонных ночей, но и удивляться. Какие-то персонажи приходили и пропадали за портьерой, или уходили в тоннель на свет джакузи, кто-то заказывал коктейль и перекидывался с Фабианом фразами. Со мной больше никто не заговаривал, а Фабиан, казалось, специально избегал смотреть в мою сторону. И я перестала всех их замечать, погрузившись в полусонное, аморфное состояние.

Состояние, превращающееся в привычку, как какой-то специальный дефект души, когда не замечать, не думать, не вспоминать становятся основными, основополагающими условиями для дальнейшей вегетации организма.

Но появившаяся девушка не позволила себя игнорировать. Она вообще не привыкла быть вне внимания. Я вдруг подумала, что женщина-вамп – это вовсе не фигура речи, и я именно сейчас имею честь наблюдать «Ее-Высочество-Королеву-Ночи», по какой-то непонятной причине нагрянувшей в наш богом забытый вертеп. Черный латексный купальник, остроносые обтягивающие ботфорты с двадцатисантиметровыми кинжалами вместо каблучков, правильный вампирский макияж и уверенная походка женщины, привычно гуляющей по трупам брошенных любовников...

Она дала мне время разглядеть себя, ухмыльнулась, и было в этой ухмылке то самое превосходство человека, который знает заранее обо всех мыслях, что приходят на ум при его появлении, привычка быть уверенной в произведенном впечатлении. Девушка села рядом так, как будто уже давно и по праву владела любимым местом в этом помещении, и я почувствовала, как внутренне сжалась, почувствовала себя лишней, несуразной в своей нелепой сорочке и золотых сандалиях. Она, не отрывая от меня взгляда, черного, тугого, заполнившего всю глазницу смолянистым несопротивлением, медленно закинула ногу на ногу, коснулась меня своим сапогом и вдруг спросила отчетливо, по-русски:

– Тебя не достал этот извращенец?

Ее звали Вика. Хотя, я не уверена. Она сказала: «Можешь звать меня Вика. Мне нравится имя Вика-Виктория, а тебе?» Она затаилась и сразу же выпустила тонкую струю, зачем-то причмокнула, и с губ один за другим сорвались совершенно ровные дымовые колечки.

– Нравится. Но это же не твое имя, да? – спросила я и уже в который раз за вечер подумала, что совершенно не умею говорить с людьми. А может быть, теперь я всегда буду говорить, как дура, или это пройдет после того, как я выплыву? Я страшно испугалась, что сейчас она во мне разочаруется и уйдет, а я не смогу ее остановить и никогда не узнаю, откуда она знает Иосифа, почему на ней кожаная португеза, где выход из подземного царства... Я не могла потерять ее, поэтому сказала то, что было проще всего – правду.

– Я уже двое суток без сна. Я все время что-то пью и пытаюсь вырваться из какой-то задницы, но так и не понимаю, получается у меня или становится все только хуже.

Вика, ты кто?

Я замолчала, а она понимающе закивала головой. Как-то по-человечески закивала, без этого своего вампирского превосходства.

– Я знаю. Я про тебя все и так поняла. Если ты с этим уродом пришла, то ясно, что у тебя полная жопа в жизни, – она выпустила еще несколько колец и проследила за ними, пока они не растаяли под потолком. – Что делать будешь? Вали от этого придурка, если хочешь моего совета.

Мне стало опять казаться, что я в сказке про Алису. Все говорят со мной, не отвечая на мои вопросы, задают свои и откуда-то знают про меня больше, чем я.

– Кто ты? – повторила я вопрос. – Откуда знаешь Иосифа?

Она поперхнулась своими кольцами и закашлялась. Я хотела постучать по спине и уже протянула руку, но она остановила меня жестом и опрокинула в себя неизвестно откуда взявшийся бокал вина.

– Ты меня рассмешила.

Я опять ничего не поняла. Вика не смеялась, а я точно не говорила ничего смешного.

– Вот, здесь мой телефон, – она протянула мне черную, с золотым тиснением, визитную карточку. – Позвонишь, если захочешь. Я могу тебя взять к себе, – она наклонила голову и посмотрела на меня снова изучающе, долго, оценивающе. – Я

научу тебя обращаться с мужчинами. Они будут чистить твой унитаз своей зубной щеткой и валяться в ногах от благодарности.

Я опять впала в состояние полного оупения.

– Какой унитаз? Какой еще щеткой? Зачем? Я не хочу... Ты о чем?

Вика встала и ушла, все той же походкой, что выворачивает шею, заставляет следить за каждым изгибом ее тела, слышать стук от каблуков, как будто кто-то бьет в гонг прямо над ухом. Перед тем, как пропасть в черном коридоре, она еще раз повернулась ко мне, и все присутствующие тоже уставились на меня, должно быть, так смотрел прозревший Вий и указывал перстом на жертву для своей верноподданной нечисти.

– Ты позвонишь! Я буду ждать тебя завтра!

Я смотрела вслеп, пока не пропал звук каблуков, и только потом перевела взгляд на визитку в руке. «Domina», – стояло золотом на визитке, и номер мобильного телефона. «Красивое имя, – подумала я. – При чем здесь Вика?»

20. Сталкер

– Что ты здесь делаешь? – спросил веселый шепот.

Слева от меня, за барной стойкой, парень уютно улегся щекой на сложенные руки – уставший ученик домучивает последний урок. Бледная спина с острыми детскими лопатками, как негатив черного неба со звездами, вся усыпана родинками разной величины. Когда-то прибитые гелем, а теперь вырвавшиеся из липкого плена ухоженности пряди. Надо же! Рыжие пряди... Рыжий парень – это всего-навсего персонаж из «Ералаша», заряженная лукавством солнечная батарейка. А еще у него открытая улыбка, а взгляд – изучающий, лисий. Я не успела додумать, каким образом в одном человеке умещаются трогательный мальчишка и подозрительный лис, как уже улыбалась в ответ.

– Ты почему здесь? – парень повторил свой вопрос опять шепотом, хотя никого рядом не было. Он заговорщицки улыбнулся краем рта и придурковато обвел глазами помещение, поманил меня пальцем, и я наклонилась ближе.

Он опять посмотрел по сторонам.

– Стоп, ничего не говори, – перегнулся через барную стойку, взял несколько бирдекелей, выудил откуда-то ручку и написал по кругу, там, где оставалось немного места от рекламы пива: «Как же здесь скучно».

Я забрала ручку и написала: «Точно».

Он тут же черкнул в ответ и несколько раз обвел знак вопроса: «Убежим?»

Я ответила на другой стороне: «Я уже убежала».

Парень улыбнулся так широко, будто именно этого ответа и ждал. Он утвердительно кивнул и спросил: «И как?»

Я написала на последнем белом клочке: «Неправильное направление».

О чем мы говорили? Да ни о чем. С ним оказалось просто – говорить, молчать, произносить вслух первое, что придет в голову. Он смеялся все время. Я стала смеяться с ним.

Он махнул рукой в сторону черного тоннеля.

– Была там? – и опять прыснул со смеху, глядя, как я напряглась и поправила край юбки. Он приосанился, потупил взгляд, изобразил кокетливое благочестие.

– Вообще-то я здесь по делу. Понимаю, что глупо звучит, но я просто жду одного человека, – решила объяснить я.

– И?

– И что?

– Я пришел! Тебе больше не надо ждать.

– Ты...

– Меня зовут Штефан, – он протянул мне руку, – если хочешь, называй меня Сталкер.

– Ты кто? – я не поняла слово, прозвучавшее на немецком как «шталкер» и напомнившее мне советский фильм Тарковского. Что оно значит на немецком? Да и на русском, что? Постапокалиптическая фантастика с безмянными персонажами, неясными целями в поисках несуществующего выхода? Неужели? А ведь и правда, очень точное описание моего состояния.

– Я сталкер! – пояснил мне Штефан с уверенностью человека, только что набредшего на интересную мысль и убеждающего себя в ее неоспоримости. – Я наблюдаю за людьми в необычных условиях. Это увлекательно, но быстро надоедает, если без смены обстановки. Тебе, конечно, уже тоже надоело? – он опять рассмеялся своей шутке, которую я так до конца и не поняла. Или поняла, но не захотела верить в такое совпадение. Зато я сделала вывод, что мы каким-то образом оказались здесь неслучайно, заодно, в этих «необычных условиях».

«Неожиданности так полны жизни», – мой девиз, в очередной раз перевернувший полуфабрикатное будущее в тот момент, когда солнечный парень назвался Сталкером и на мгновение крепко сжал мою руку.

– Кстати, на каком языке ты говоришь? – спрашивает он без перехода. Он продолжает изучать меня, смотрит прищурившись, будто вот сейчас-сейчас я как раз начну врать, декламировать стихи по-китайски или мяукать, а его это совсем не удивит.

– Ну? На каком?

– В смысле? Мой родной язык или ты вдруг перестал понимать мой пьяный англо-немецкий?

– Ну, хорошо. На каком языке ты счастлива? – он пытается поймать мой взгляд по ту сторону винного бокала.

Рассказываю полуголому парню в баре о том, как я умела спать, жила в уютной квартире с малахитовой мебелью, заботливый человек дарил цветы и пытался угадать желания, за окном цвела береза и роднила меня с чужой землей...

Наверное, я была счастлива. Но меня не хватило. Или моего немецкого счастья не хватило? Выдуманные и бережно выношенные годами мечты о непреходящем счастье: лишь стоит только уехать, и все сложится само собой... Бойтесь своих желаний – они исполняются!

Я помню, как это было в детстве, когда приезжала на дачу с бабушкой и папой. Я сразу убегала к друзьям по тропинке в лесу над крутым обрывом реки, а справа, и слева, и над головой – и повсюду цвела черемуха. Тогда я точно знала, что счастлива, и то счастье не помещалось в груди совсем по-другому, оно переполняло, душило, и оставалось только бежать, кружиться и кричать: «А-а-а-а». Я тогда была понятно счастлива на всех существующих языках Земли.

– Я думаю и вижу сны на русском. Ты зачем спросил?

– Скоро свадьба у друга. Жена тоже русская. Тоже, как ты, строгая и с каким-то постоянным предчувствием беды...

Я делаю непонимающее лицо.

– Это сейчас с чего ты взял?

Он игнорирует вопрос и продолжает.

– Невеста Лена говорит, что у вас все по-другому и все сложно, и нам, потому что мы немцы, вообще ничего не понять... Она, кстати, не хотела отпускать Йенса на мальчишник или хотела с нами идти, чтобы, говорит, ничего плохого не случилось, – Штефан опять широко улыбается, приглашая меня разделить его недоумение таким поведением моей землячки. – А Йенс, ну тот, что жених, просто напился и уснул в

солярии. Вот чего я действительно пока не понимаю, так это какое количество русской водки способно скосить такого крепкого парня, как Йенс. Не знаю, что имела в виду Лена, но плохое точно произошло, – Штефан опять смеется, – Йенс ничего не вспомнит про свой мальчишник. Нечего будет вспоминать! Друзья все кто куда разбрелись. Двое спят в комнате с зеркалами, – Штефан разводит руками, но не перестает улыбаться. – Вот теперь сижу, жду, не могу решить будить Йенса или оставить спать в этом солярии. Интересно, как это – проснуться с крышкой над головой?

Я подумала, что уже несколько дней или лет живу с крышкой над головой и все никак не проснусь. Чтобы проснуться, надо заснуть. Чтобы заснуть, хорошо бы попасть в безопасный солярий, но там уже спит жених неизвестной мне строгой русской. Круг замкнулся.

– Не надо, не буди. Его Лена будет тебе и ему благодарна. Да и твой друг, наверное, тоже.

Я не хотела, чтобы Штефан уходил.

– Скажи, а ты, случайно, не видел девушку в длинных сапогах и купальнике? Она пошла в том направлении. Ее невозможно не заметить.

– Высокая брюнетка? Ты ее знаешь? Она тоже русская?

– Нет, в том то и дело, что не знаю, и да, она русская, но говорила я с ней всего несколько минут, но она что-то знает про моего мм... знакомого, и я не успела ее расспросить. И еще она предложила, как мне кажется, свою помощь, но она говорила какие-то странные вещи. Я не поняла. Она просила ей позвонить, оставила визитку.

Штефан расправил плечи и наклонил голову, сменив ракурс, посмотрел на меня в упор.

– Тебя интересует Домина?

– Так ты даже знаешь, как ее зовут? – мне стало неинтересно продолжать разговор.

– Нет, откуда я могу знать, как ее зовут? Она просто прошла мимо.

– Ты же сам сказал: «Домина».

Он опять смеется и берет меня за руку.

– Ты сейчас серьезно? Ты не знаешь, что означает «Домина»?

– Разве это не имя? – я протянула ему визитку. – Вот же стоит, я и подумала, что ее так зовут.

– Ну... Ты меня сейчас и вправду развеселила. Что она тебе еще говорила?

– Про какие-то щетки и унитазы, благодарных мужчин. Бред какой-то! Я и хотела, чтобы она объяснила, что все это значит...

Парень качает головой.

– Дааа, ты просто прелесть... Как ты здесь вообще оказалась с такими познаниями?

Я трясу его за руку.

– Так что же это все означает?

– Она Госпожа, Госпожа, по-другому – Дóмина! Она доставляет удовольствие мужчинам тем, что унижает их, мучает. Есть такие любители. Разновидность садомазо...

– Она их только мучает? То есть она не спит с ними?

– Конечно, спит! Это просто игра такая. Удовольствие от мучений в процессе прелюдии к сексу. Обычная ролевая проститутка. Странно, что ее сюда вообще пустили. Насколько я знаю, здесь нельзя брать денег за... дополнительные услуги. Не знаю, может, зарабатывает себе клиентуру...

– То есть ты хочешь сказать, ну да, теперь уже и мне ясно. Она предлагала мне с ней работать? – мне становится плохо, вместе с высказанной фразой к щекам приливает стыд и беспомощность.

Штефан добавляет с усмешкой:

– Ну да, это же очевидно.

Как объяснить этому парню, тщедушному рыжему сталкеру, который появился здесь, кажется, только для того, чтобы своим смехом отгонять от меня страхи за настоящее, будущее и прошлое, как объяснить ему, что предложение о совместной работе с Викой-Доминой не имеет шансов даже сформироваться в мысль, а потому не может быть ни рассмотрено, ни обдуманно. Я могла бы рассказать ему правду: про Аудроне и самолет в Грецию, рассказать про Иосифа и почти уже работающий план, в котором есть только один, но, как выяснилось, основополагающий изъян. Про то, что Иосиф желает получать дивиденды со своего долгосрочного вклада до поездки в Грецию, и я уже его скидка за сегодняшний вечер в этом клубе. Про то, что я не знаю, как быть и как ехать к Иосифу в калабалык.

Впрочем, я могла бы ему рассказать и про то, почему меня, скромно сидящую, забившуюся в угол, профессионалка своего дела позвала в союзницы. Как всегда – рыбака рыбака...

Аудроне, теперь я знаю твоё и моё имя – мы Домины. Домина Вика истязает мужчин, они ей за это платят. И уходят они от неё довольные, может быть, даже одухотворенные – получили свою дозу унижений, физическую и моральную разрядку. Что получили Андреас и Аксель? Один до сих пор плачет в телефон. Другой... я не знаю, что делает Аксель. Может быть, именно он впервые за долгое время сможет спокойно спать?

Как-то в один из моих уже привычных и даже будничных предрассветных приходов домой Аксель расцарапал своё лицо в кровь. Я стояла и молча смотрела на него, а он кричал от отчаяния, показывая мне скрюченные пальцы с кусочками кожи и запекшейся кровью под ногтями: «Я не знаю, как мне быть! Я не знаю, что тебе нужно?! Что делать? Что мне делать?» Его крики, как клацанье ножниц в пустоте, не больше, чем бессмысленный, повторяющийся неприятный звук. Я устало сказала: «Не знаю, что тебе делать. Я ложусь спать. Если собираешься и дальше кричать, закрой, пожалуйста, дверь».

– Ты сейчас о чем думала? – голос пришел издалека, возвращая меня в реальность, где уже нет ни Акселя, ни меня, ни искромсанных на клочки дней и ночей.

– Я подумала, что ты меня совсем не знаешь.

– Достаточно, чтобы понять, что Домина – это не твоё.

– Напрасно. Я как раз представляла, что неплохо бы приковать дня на четыре к батарее одного знакомого, – смеюсь в ответ я. – Жаль, что ты в меня не веришь...

– Нет, – говорит он и театрально выставляет передо мной руку, – сжался, моя Госпожа!

– Ну, тебе пока ничего не грозит, расслабься, у меня есть другой кандидат. А вот как раз и он.

Где-то в конце коридора булькает и изрыгает из пены нагих грешников цветная кастрюля джакузи. Я все время где-то на периферии сознания понимала, что Иосиф скоро придет, но так и не решила, что делать. Слишком заманчивым оказалось отвлечься и просто болтать с этим Штефаном.

Размокшее в воде тело Иосифа, не успев остыть и замуровать поры, начнет с новой силой выделять нетерпение, желание справедливости за уплаченные деньги. Где Греция, и чего там ждать? Какие гарантии? Он хочет получить аванс. Прямо сейчас и если не здесь, то в его квартире, в его собранном по барахолкам царстве, где он единственный повелитель над людьми и временем. Как отчетливо проступают залитые проявителем бессонных ночей и закрепленные победоносным взглядом Иосифа кадры моего низверженного королевства с одним-единственным верноподданным – Акселем. Как же легко было его не любить, когда он был рядом. Где теперь моя мантия

августейшей неприкосновенности? Видимо, там же, где и все остальные символы величия – в прошлом.

Я не знала, не была уверена, что он посмеет пойти на скандал пусть в необычном, но все-таки общественном месте. Он увидел нас со Штефаном. Мы смеялись.

И он посмел.

Мы показались ему слишком молодыми и несерьезными, по-щенячьи веселыми, неуверенными в себе и тем более друг в друге. Острый нюх ростовщика не мог не почувствовать флюиды еще только зарождающегося отношения, робкого и бесправного перед его властью над ситуацией.

Странные слова, оскорбления, давно гниющие, и свежие представления об окружающих в одном помойном ведре, уже переполненном, давно ожидающим чьей-то покорной головы. Можно выслушивать и гордо не замечать, когда по лицу потекут потоки чужого вонючего гнева, чья-та желчь внутренней неприкаянности; можно выслушивать, молчать, даже улыбаться и сплюнуть попавший на губы комок нервной горечи, умыться, идти дальше. Можно не терпеть и заполнить воздух ошметками уязвленного самолюбия, попадая в цель и промахиваясь уже своими представлениями о личности обидчика, почти всегда сводящиеся к пародии на основной лейтмотив обвинения «Сам такой». А можно не слушать. Можно не дожидаться, пока ведро опорожнится и принесет облегчение, освободит место для новых подозрений, претензий, обид – всей разлагающейся шелухе слабой, неспособной к прощению личности.

Штефан не стал слушать, реагировать, вообще замечать, превратив Иосифа в прозрачную тень с рваными контурами недоумения, он посмотрел на меня и еще раз повторил вопрос, заданный в самом начале:

– Убежим? Wollen wir weg?¹

21. Кошка

Танец с Аудроне. Сиртаки. Мы переплетаем руки, тяжело дышим, сбивчиво подпеваем: «Тата-тата-тата-тата-тата-татам, тарарарам», – и взмахиваем голыми ступнями над разгорающимися углями. Мне жарко, но я хочу сгореть. С ней. Что было раньше? Что же было до нее? Она такая сильная, гладкая и гибкая. Она не простит притворства, смотрит не мигая. Мы вздрагиваем, когда нам особенно хорошо, и ресницы вторят беззвучно в такт: «Татам, тарарарам, тарарарам». Я знаю, что она чувствует – она чувствует то же, чего хочу я. Я уже совсем поняла, что надо делать, чтобы огонь стал мной, а она закрыла глаза и закричала и... В этот момент я проснулась.

Сначала проснулась головная боль, но благодаря ей я почему-то почувствовала облегчение: «Я жива! Мне все приснилось». Мне просто снился сон! Я дома и спала целую вечность, видела сны, убегала от машин и женщин с наручниками, тонула в калабалыке, сны, переходящие в кошмар с каждым последующим кадром. Потом мне снилась Аудроне. Я собиралась к ней в Грецию? Я открываю глаза и смотрю в потолок, по спине пробегает ток, разнося кучу заряженных частиц по крови, в легкие, в мозг – я начинаю задыхаться. Я не знаю этот потолок. Где я? Что нужно сделать, чтобы пропал этот потолок? Зажмуриться и еще раз проснуться. Начинает кружиться голова от острой нехватки воздуха. Вдруг в голове звучит вопрос французского врача, как тогда,

¹ Мы хотим уйти?

в Париже: «У вас уже были панические атаки?» Тогда все прошло, и сейчас все пройдет. Мысленно приказываю себе прекратить панику. «И это пройдет. Все сейчас пройдет».

Я не одна в комнате. Я чувствую чье-то присутствие раньше, чем могу и готова его увидеть. Он сидит за столом. На нем белая рубашка, небрежно брошенный светло-серый пиджак висит на краю стула. Он не видит, что я проснулась. Он что-то быстро пишет на разложенных по всему столу листках. Я не шевелюсь и просто смотрю на него, и опять чувствую тот момент, когда он еле заметно вздрогнет, уловив открытым участком шеи мой беззвучный крик. Он медленно поворачивается:

– Доброе утро! Ты хорошо спала?

– Да. Я хорошо спала. Спасибо, Штефан.

Потом пройдет несколько лет, и она спросит меня высохшим усталым голосом в телефонной трубке: «Я знаю, почему ты не прилетела тогда, но все-таки ответь – почему?» Я скажу: «Аудроне, я знаю, и ты знаешь. По отдельности мы могли выжить, а вместе бы пропали. Ни одна из нас не захотела бы казаться слабой. В какой-то момент мы бы просто не знали, что дальше».

Она ответит: «Я думала, что ты прилетишь. Хотя, может, ты и права. Мне и негде было тебя ждать».

А я скажу, зная, как глупо прозвучат эти слова: «Может быть, хорошо, что все так сложилось?»

Прощаясь, мы договорились скоро пообщаться, понимая, что ни одна из нас больше не позвонит.

Мы сразу стали жить так, как будто жили вместе много лет. С того вечера, когда мы убежали от Иосифа, мы больше не разговаривали ни о нем, ни о моей прошлой жизни. Он решил для себя, что он меня нашел или придумал, а наша с ним история начинается именно с того момента, как я согласилась бежать вместе с ним. Ему было неинтересно и неважно, как меня зовут, сколько мне лет, как я оказалась в том клубе.

Мы сбежали от Иосифа. Со смехом и облаком влажной духоты вывалились из клуба и поймали такси. Небо уже подернулось первыми светлыми отголосками где-то просыпающегося утра. Он привез меня в свой дом и сказал, что я могу оставаться здесь, сколько захочу. У него есть еще одна квартира, совсем рядом, и он пойдет спать туда. Завтра он вернется за мной, и мы вместе позавтракаем. Наверное, мне надо где-то забрать свои вещи. У меня есть вещи или надо купить новые? Он стоял у холодильника и показывал мне какие-то продукты на тот случай, если я ночью проголодаюсь. Я подошла к нему совсем близко и попросила, стараясь не глядеть в его насмешливые глаза: «Останься, пожалуйста».

Он оказался нежным и неожиданно сильным, нес меня куда-то на руках, а я думала, что он такой худой и ему должно быть тяжело, и поэтому еще сильнее прижималась к нему и пыталась стать легче, вдохнуть и не выпускать назад свою тяжесть, как можно крепче ухватившись за его шею. Последнее, что я помню – мягкая постель и очень крепкое мужское тело. «Так ощущается безопасность», – было последнее, о чем я подумала.

Он сказал, что ему надо сходить по делам.

– Перекусить я там приготовил – стоит под колпаком на кухне. Это, так, чтобы кошка не умерла с голоду.

– Какая кошка? У тебя есть кошка? Где она? – я стала оглядываться по сторонам и заглянула под диван. – Боится меня? Где она прячется?

Штефан хохотал.

– Не знаю. Может быть, боится, но вообще-то это очень храбрая кошка.

– И где твоя храбрая кошка?

– Она не моя.

Он подошел ко мне и погладил по свалаявшимся в кудрявый кокон волосам.

– Ты – Кошка.

Я поморщилась и стряхнула руку.

– Нееет. Не называй меня так.

– Кошке не нравится быть кошкой?

Мы так и не договорились. Он ушел. Сказал, что ненадолго и чтобы Кошка не скучала.

– Когда вернусь, мы сходим куда-то на ланч. Идет? – он опять улыбался, и вместе с ним светились блестящие паркетные доски, легкая плетеная мебель с бежевыми подушками – вся квартира, легкая и светлая, вторила улыбке хозяина, повторяла ее, отражалась от мебели, подмигивала из-под приподнятых жалюзи.

Так я стала Кошкой.

– Ну, пускай Кошкой.

«Кошка, которая гуляет сама по себе», – любимая присказка папы, когда мама в очередной раз отчитывала меня за легкость бытия. Ну и пускай. Я буду Кошка в Доме Солнца! Я почувствовала себя легкой. Захотелось сбросить синий мохнатый халат Штефана. При чем здесь синий? И какой же он тяжелый? Я скинула халат на пол и стала кружиться по комнате в лучах дерзкого весеннего солнца. Просто так. Я молодая. У меня крепкое красивое тело. Я здоровая и полная сил Кошка!

Почему бы не забыть на какое-то время, ну хотя бы пока я летаю по комнате, все эти ненужные извечные вопросы: «Кто? Зачем? Куда теперь? Что делать?» Танцевать! Жить! Ждать мальчишку с золотыми волосами, а когда он придет, выбежать в солнечный день, взявшись за руки, идти по неизвестной мне улице в его любимое кафе. Пить кофе, заедать круасанами. И будет так вкусно, что я закрою глаза и скажу: «Штеееефан, останови меня, или ты разоришься на одних круасанах», – и потянусь, как тянутся довольные сытые кошки. Он ответит, что это кафе принадлежит голландцам, а у них свои рецепты, а я подумаю, что голландцы, Штефан и круасаны – мои ингредиенты сложного блюда «Счастье» с иногда очень простыми составляющими. Потом Штефан достанет из пакета сверток и небрежно скажет: «Это тебе». Он сделает серьезный вид, но я уже поняла, что надо смотреть только в глаза. В глазах, как в детской считалке, кувыркаются тысячи нетерпеливых чертей с одной и той же песней «Открывай, скорее открывай!» В коробке окажется новый мобильный телефон. Мой первый телефон. Похожий на зеркало с металлическим гладким серебряным корпусом. В этом зеркале отразится мой огромный удивленный, искривленный, как в комнате смеха, глаз. «Что за чудесная, невесомая модель! Что, это правда мне?»

Штефан наконец рассмеется и скажет, что на самом деле это не подарок, а чистейший эгоизм. «Ты только представь, что я захочу тебя срочно услышать, а из-за того, что у тебя нет телефона, мне придется ехать домой, искать тебя неизвестно где. А моя бедная кошка будет сидеть где-то и мяукать: «Мяу-мяу». Он изобразил удрученное животное, а я толкнула его в бок, но уже начинала привыкать и понимать, что быть кошкой намного лучше, чем напуганной бесцельной женщиной. Кошкам все легко достается и многое прощается. И еще я подумала, что Штефану не придется меня искать неизвестно где, но сказала, что раз он так считает, то, так и быть, согласна взять подарок. «Я тоже буду звонить тебе. Сам знаешь, Кошки не любят одиночество. Он кивнул, мы чокнулись пустыми чашками для кофе».

Я рассказала Штефану, что все мои вещи остались у Иосифа. Там две сумки, но, на самом деле, мне нужна только одна маленькая шкатулка и, конечно, документы. Я ума не приложу, как мне теперь прийти к нему и все забрать. Вдруг он уже все распродал? Сжег? Или не отдаст? Или просто не откроет дверь? Штефан сказал, что он что-нибудь придумает.

Вечером заехал Йенс. Тот самый жених из солярия, с которым в тот вечер мне так и не суждено было познакомиться. Йенс оказался хмурым двухметровым детиною с лысой головой и бычьей шеей, почему-то в костюме. Он постоянно тянул себя за ворот рубашки, елозил плечами в расстегнутом пиджаке и всем своим видом выражал недоумение от свалившейся на него напасти в виде неудобной деловой одежды. Он протянул мне руку для пожатия, глядя мимо меня, сжав губы в уродливый шрам на гладко выбритом лице. Я растерянно посмотрела на Штефана, но его, казалось, совершенно не удивляло мрачное настроение друга. Он скрестил руки на груди и наблюдал за нами, улыбаясь в своей привычной манере.

– Йенс очень хороший и добрый человек, он мой друг и все время выручает меня, – заявил Штефан то ли искренне, то ли с иронией. По его тону было вообще сложно понять, когда он говорит серьезно.

«Хороший и добрый человек» посмотрел на своего «друга» с приязнью быка к отбивной.

– Мы еще долго здесь будем любезничать? – поинтересовался он. – У меня, между прочим, как ты знаешь, свои проблемы есть, – добавил он, окончательно озверев от воротника рубашки, и так потянул ворот, что послышался слабый треск ткани.

– А в чем дело? – не поняла я. – Мы чего-то ждем? Почему твой друг не может заняться своими делами?

– Нам нужен адрес, а еще лучше, если ты поедешь с нами, – сказал Штефан. – Ты же говорила про документы и бабушкины украшения в шкатулке. Мы едем за твоими вещами. Йенс согласился сопровождать нас. Он попросит твоего знакомого не морочить голову. Обычно Йенс очень убедителен.

– Меня он уже убедил, – сказала я. – Я только надену туфли и готова ехать.

На всякий случай я решила больше не смотреть на Йенса. Любой хороший человек имеет право на плохое настроение.

Иосиф оказался дома. Он открыл мне дверь и попытался сразу же захлопнуть, когда заметил, что я не одна. Штефан быстро пронырнул передо мной и вставил ногу в щель.

– Мы не хотим ничего плохого, – сказал он вкрадчиво, как-то неестественно улыбаясь.

– У вас есть то, что принадлежит моей девушке. Просто отдайте, и мы уйдем.

Иосиф опять попытался захлопнуть дверь. С всклокоченными волосами, вытаращенными злыми глазами он стал хрипло извергать ругательства по-русски.

– Ты мне еще за все ответишь! И за билеты, и за все, что я для тебя сделал. Я сейчас вызову полицию, передай это своему сутенеру. Ты ничего не получишь!

Я не знала, как реагировать и разводила руками со словами: «Иосиф, это же не твои, а мои вещи, отдай пожалуйста...»

С нижнего пролета большими шагами поднялся Йенс. Он легко отодвинул Штефана и распахнул дверь, как будто там не было Иосифа, усиленно толкающего дверь в противоположном направлении. Не взглянув на меня и Штефана, он внимательно, без эмоций уставился на хозяина квартиры. Мне на какой-то миг стало жаль перепуганного, сразу съжившегося, вжавшегося в стену Иосифа.

Штефан подтолкнул меня внутрь и прошел следом. Я пробежала в комнату без замка, туда, где стояли мои вещи. Одна сумка оказалась выпотрошенной, и я поняла, что не

успею собрать раскиданную вокруг одежду. Слава богу, сумка с документами и шкатулкой стояла закрытой. Я схватила ее и сказала Штефану:

– Это все!

Он забрал сумку из моих рук и сказал:

– Мяс. Кошка покидает недружелюбный дом.

В коридоре Йенс и Иосиф так и стояли друг против друга в немой сцене «Сын вернулся в отчий дом выросшим и окрепшим. Отец не верит в свое счастье, потерял дар речи, вот-вот начнет рыдать». Йенс вышел вслед за нами и прорычал Иосифу не оборачиваясь:

– Зови «буллен»¹, и чтоб вы все вместе сдохли в этой помойке!

Я крикнула Иосифу, чтобы он обязательно воспользовался билетами и отдохнул в Греции.

Штефан шел к машине и помахивал моей сумкой. Стройный, в безупречном костюме, уверенная походка баловня судьбы. Я почувствовала такое сильное возбуждение, что испугалась себя, своего почти неконтролируемого желания. Я голодная дикая рысь! Я уже собиралась что-то сказать, что-то про то, что я в таком состоянии, что... но он невозмутимо открыл мне дверь, сам сел на переднее сиденье, рядом с Йенсом, и оглянулся:

– Ну, Кошка, что делаем дальше? Есть идеи? Чего тебе хочется?

– Тебя, – сказала я на выдохе. – И шампанского!

Штефан рассмеялся, дотянулся до моей руки, прижался губами и больше не отпустил, давая понять, что он уже со мной, что мы уже приступили к безумной увертюре – тягучей, разливающейся болью в животе, кружащей мысли в водовороте сбивающихся образов, пока еще сдерживаемого крика. Я ощутила пальцами его пульс, его горячую потеющую ладонь. Йенс впервые посмотрел на меня.

– Дождитесь, пока я вас высажу, – он выругался.

А я рассмеялась, в точности, как Штефан.

– Йенс, будешь шампанское?

22. Кошачья жизнь

И вот я живу с ощущением, что вдруг вытянула тот самый лотерейный билет. Теперь я домашняя Кошка.

Штефан, конечно, не совсем обычный, может быть, даже странный. Хотя с каких это пор непохожесть на стандарт – странность? На самом деле, он очаровательный, и он – мой! Он не говорит, на что живет, чем занимается, да я и не очень пытаюсь выяснить. В тонком искусстве самообмана важную роль играют вопросы. Чем конкретнее будут вопросы, тем больше вероятность столкнуться со скучной, скупой на комплименты сукой – реальностью. Кто-то здесь заказывал реальность? Кошка, точно, нет.

Судя по всему, у Штефана какой-то бизнес. К нему приходят люди, и я сразу выхожу из комнаты, чтобы не мешать. Привычная поза Штефана – в кресле, на коленях лежит черная папка. Он постоянно что-то достает из нее, разглядывает, убирает на место. Эту же папку он использует в качестве жесткой основы, чтобы делать заметки на листках в ходе разговора.

¹ От нем. жарг. *Bullen* – полицейские.

Иногда я наблюдаю за ним с балкона. Курю и смотрю на то, как легко и со своей вечной улыбкой, он в чем-то убеждает очередного посетителя. Мужчины в дешевых костюмах, потерянно вникающие в слова, неухоженные, замусоленные жизнью женщины согласно кивают в ответ и, словно боясь потерять тайный, ускользающий смысл, строчат в своих блокнотах какие-то инструкции, почти не поднимают глаза, и мне кажется, что они просто боятся смотреть на Штефана, из-за страха разглядеть его спокойное ироничное превосходство. «Мои сотрудницы», – называет этих женщин Штефан. Я улыбаюсь ему с балкона, иногда он подмигивает в ответ. «Чем занимаются твои сотрудницы», – спросила я однажды. Штефан неопределенно пожал плечами и ответил, что они выполняют поручения.

Однажды, допивая на балконе кофе с первой, самой вкусной утренней сигаретой, я случайно увидела, как женщина, которая приходила к Штефану пару дней назад, прошла по улице и завернула к нам во двор.

– Штефан, позвала я, – у тебя посетительница.

– Откуда ты знаешь? – удивился он.

– Я уже видела ее у тебя. Ты с ней о чем-то договаривался.

Штефан наклонился ко мне, у него та самая, моя любимая озорная улыбка. Конечно, мы целуемся, пока он не отстраняется:

– Тебе, наверное, скучно?

Я не успеваю ответить, что это полная ерунда, и когда он рядом, то... А он уже тащит меня куда-то за руку.

– Просто делай как я! – шепчет мне на ухо. – Ну, пошли же!

Он перелезает через балконное ограждение, держится за перила одной рукой и говорит, повернувшись вполоборота:

– Ну, иди ко мне!

Я не жду повторного приглашения. Мы стоим рядом, смотрим друг на друга, кричим не сговариваясь, в унисон: «Я люблю тебя», – и прыгаем вниз. По-немецки первый этаж называется земляным, и прыгать с балкона земляного этажа вовсе не страшно, но на какой-то момент сердце все-таки сжимается, охает и летит со мной в кусты отцветающей сирени. Мы персонажи какой-то драмы, герои, не нашедшие иного выхода.

– А как же твоя сотрудница? – вспоминаю я про женщину, услышав издали звонки в дверь и отряхивая с колен землю с прилипшими травинками.

– Какая сотрудница? – удивляется Штефан.

– Ну та, что была на днях, я же тебе говорила перед тем, как мы прыгнули!

– Она у меня больше не работает. Может быть, я ей понравился? – спрашивает он, сделав большие глаза. – Я уже в прошлый раз объяснил ей, что она нам не подходит. Не знаю, зачем она пришла снова.

Я смеюсь вместе с ним, представив неумоимо влюбленную в Штефана грузную, уже очень немолодую женщину. И только вечером, засыпая, я вдруг успеваю подумать: «А как Штефан понял, о ком я говорю? Он же не мог ее видеть. Я сказала, что к нему идет женщина, но она уже скрылась за углом дома, когда он вышел на балкон. Наверное, у него не было назначено встречи, и он понял, что это могла быть только она». Я не стала будить улыбающегося даже во сне Штефана, чтобы проверить свою догадку, а наутро совсем забыла про странную женщину.

Позже я буду удивляться, называть себя наивной и дурой, задавать себе вопрос: «Как можно было так жить? Не замечать? Не придавать значения?» А в душе, намного

глубже, чем могут проникнуть риторические вопросы, буду точно знать ответ: «Мне так хотелось. Мне нужна была передышка. Я устала от марафона по судьбам встречаемых мужчин. Не хотела замечать и не замечала, я – Кошка, которая проживает каждый день, оберегая нежащееся на перинах безмятежности сознание». А Штефана оказалось так легко любить. Персонажей-Сталкеров вообще легко любить. Они загадки без прошлого и будущего. В счастливых сказках никто не знает, что же значит «жили долго и счастливо». У всех свое представление о рае.

Аксель был предсказуем даже в своих сюрпризах. По выражению глаз я моментально угадывала каждый его следующий шаг. Невыносимо скучно. Через много лет я приду к выводу, что предсказуемость и надежность и есть тот самый вариант эдема, который бы я хотела для своей дочери.

А пока я смеюсь вместе со Штефаном. К той жизни можно подобрать любой эпитет, но только не «скучный» или «монотонный». Некоторые загадки лучше оставлять неразгаданными. Без слов, без вопросов. Просто жить. Просто любить. И как же замечательно, упоительно не думать о завтра, когда так хорошо в сегодня. Трудно быть несчастной с человеком, с которым решила побыть влюбленной, тем более приблизительно также, похоже, решил и он.

В доме закончились продукты, включая консервированную фасоль и странные морковки в маринаде, проигрыватель сошел с ума от повторения в сотый раз одних и тех же мелодий исполнителя немецких шлягеров Райнхарда Мэя. Наверное, других пластинок не было, или их было лень и некому менять. Впрочем, песня «Над облаками» имела право на существование, потому что я смогла перевести и проникнуться названием. Штефан подпевал, не попадая в ноты, и смотрел выразительно, словно ожидая, что я могу понять смысл всей песни. А я смотрела в ответ, как будто это так и есть. Нам было очень хорошо в этом нашем понимании.

Он выбрался из постели, нашарил в прихожей свои сланцы и без слов вышел из квартиры, неплотно прикрыв за собой дверь. Из подъезда потянуло жизнью вне квартиры. Кто-то крикливым голосом звал собаку, где-то наверху, по ступенькам, брэнчал велосипед, может быть, несли детскую коляску. Я прислушалась еще немного и испугалась, и не захотела вникать в тот мир, который, стоит переступить за порог квартиры, начнет давить своими ненужными проблемами. Вопрос «Ну и что дальше?» притаился прямо на пороге и пытался просунуть свою кривую ножку в тонкий проем между миром этим и миром тем. Я встала и захлопнула дверь.

Штефан вернулся через полчаса с двумя бутылками шампанского и одним ананасом. В таком неравном соотношении пропорций мы провели еще один день. Вопросы и проблемы не стучат в дверь к людям, занятым друг другом, ананасом и шампанским под песни Мэя. Вопросы, как и ответы, боятся таких людей.

В один из дней пришел Йенс. Он не посчитал нужным поздороваться, зато громко кричал, бил кулаком по столу и что-то яростно доказывал Штефану. Штефан в своей манере сидел на кресле, нога на ногу, в идеально выглаженном костюме с папкой на коленях, невозмутимо кивал, записывал в блокнот крики Йенса. Йенс ушел, хлопнув дверью, оставив после себя мечущийся в пространстве шариком от пинг-понга гнев. Я открыла дверь на балкон, а Штефан сказал, что Йенс такой нервный потому, что готовится к свадьбе.

– А знаешь, что мы с тобой сделаем? – спросил вдруг Штефан. – Пойдем в магазин?

Я не успела ответить и не была уверена, что ходить в магазин со Штефаном получится правильно. Не факт, что я ограничусь одним ананасом.

– Кошки любят магазины, я знаю, – сказал он и добавил, – Мур, мур. Кошки любят хорошие магазины! Ты расстроилась из-за Йенса? Не бери в голову, он всегда такой несдержанный, но очень добрый. Ты же помнишь, как он нас выручил?

Вспомнив бледного, вжавшегося в стену Иосифа, я перестала сомневаться в лучших душевных качествах Йенса. А у Штефана уже горели глаза от новой идеи:

– Знаешь, мы пойдем выбирать подарок ему на свадьбу. Ты же поможешь мне?

– Конечно, помогу, а ты знаешь, что его, их, обрадует? Когда свадьба?

Штефан задумчиво посмотрел на меня, мимо, сквозь меня. Он так делал всегда, когда хотел сказать что-то особенно забавное, я уже предчувствовала очередную шутку.

– Давай тоже поженимся! Еще до Йенса? Представляешь его лицо, если мы пригласим его к нам на свадьбу?

– А давай! – подхватила я. – Тогда давай выбирать подарок и себе на свадьбу? И, кстати, платья у меня тоже нет.

– Разве кошки носят платья? – он подтащил меня к себе, и мы передумали идти в магазин.

Отдышавшись, но все еще запутавшиеся друг в друге, в новом образе подвенечных Кошек и Сталкеров, мы одновременно открыли глаза, оказавшиеся так близко друг от друга, что расплывались, сливаясь во влажный пульсирующий космос.

– Кошка, будешь моей женой? – спросил Штефан, почему-то не пытаясь прикрыть слова шутливым тоном.

– Конечно, если хочешь. Я стану твоей женой. А что значит быть твоей женой?

– Наверное, быть собой, – сказал Штефан серьезно, не размышляя.

– Значит, мне непременно надо стать твоей женой!

Вечером того же дня мы отправились в KaDeWe.

23. БОМЖ

Я уже поняла, что выходить замуж не страшно. Даже за нелюбимого. Смотря как сложилась ситуация. Много в этой жизни нестрашно, если смотреть под правильным углом. Выходить замуж за Штефана – веселая авантюра, почему бы и нет?

– Штефан, а ты в курсе, что твоя невеста замужем? – спросила я, когда прошла первая эйфория от грядущей свадьбы под названием «Опережая Йенса».

Штефан безразлично пожал плечами. Он всегда жал плечами, если ему было неинтересно. Я успела достаточно узнать его, чтобы понимать, как мало его интересуют придуманные обществом условности.

– Наверное, мне надо встретиться с Акселем и попросить его о разводе. Или ты думаешь, можно попросить его о разводе не встречаясь?

– Как тебе хочется? Я могу сам с ним встретиться.

Штефан изобразил деловой вид и официальное рукопожатие:

– Приятно познакомится, жених! Приятно познакомиться, муж... – он запрокинул голову и захохотал. Я представила себе эту сцену совсем не такой жизнерадостной, но подумала, что не буду отказывать себе в удовольствии проиграть ее на самом деле. Почему бы и нет? Жестоко? Наверное, да.

Я почти не вспоминала Франка, Штефан со своей неизменной блуждающей улыбкой вытеснил даже непредсказуемого Игоря, но над всем моим нынешним счастьем все еще витал призрак Акселя. Нет, мне по-прежнему не было его жаль. Я все еще была

уверена, точнее продолжала упорно уверять себя, что именно я больше всего пострадала от всей истории. Чувство собственной вины, запертое в самых дальних закоулках подсознания, вяло стучащее холодной плоской по ржавым решеткам самолюбия, – самый страшный и самый живучий мститель из всех возможных. С ним нельзя играть в прятки, а очередной контрольный выстрел в висок не принесет облегчения, заставит его кричать еще сильнее, принуждая снова и снова жать на курок. Я пока не умею прощать себя, а значит, буду казнить других. Так намного проще.

– Мы вместе пойдем к Акселю, – сказала я и удовлетворенно отметила, что на какой-то момент Штефан действительно удивился.

– Как скажешь, – ответил он. – Можешь распоряжаться мною, как хочешь, даже если собираешься расправиться со всеми своими бывшими.

Небрежно брошенное слово впечатывается в сознание пощечиной. Я все еще улыбаюсь по инерции, пока пропускаю через себя, впускаю в себя новую информацию, как быстро растущее зерно, пустившее колючие побеги по всему телу. Значит, для Штефана нет никакой разницы?! Иосиф – старый извращенец из калабалыка, и мой муж – достойнейший член общества, кандидат наук, председатель партии молодежи, принц голубых кровей, мать его, – это все одно и то же! Для Штефана это мои «бывшие»!

Я содрогаюсь, как от приступа рвотной отрыжки, в голове проступает яркая картинка: на огромной свалке, прямо из фильмов про индийские трущобы, среди пластиковых пакетов и отбросов разноцветного шмотья и объедков, торчат руки и ноги. Если разгрести верхний слой, то там обнаружится женщина в красивом красном платье, немного замызганном, но все еще атласном, на голове деформированная корона из детского спектакля. Под картиной надпись «Нашел на помойке». Я вдруг ясно и отчетливо понимаю, что да, так оно и есть. Королева? Приблудная Кошка? Кто я для него? Девушка, спасенная из калабалыка, а ранее из свингер-клуба?

– Что ты знаешь про меня и про Акселя? – спрашиваю просто так, чтобы совсем не свалиться в только что радушно разверзшуюся пропасть.

– Я же говорил, что для меня ничего не имеет значения. Я рад, что ты есть.

– Спасибо, – отвечаю я и понимаю, что уже больше ничего не имеет значения и беспечное время кошачьего счастья только что закончилось.

Я позвонила Акселю днем, точно зная, что в это время его не будет дома. Безучастный автоответчик послушно записал мои слова: «Нам надо встретиться и поговорить.

Приеду завтра после шести». Немного подумав, решила, что сообщение звучит как-то обнадеживающе, и добавила: «Если не трудно, собери мои оставшиеся вещи в какую-нибудь сумку».

Я положила трубку и посмотрела на Штефана.

– Завтра после шести он будет нас ждать.

Штефан достал свою любимую черную папку, вытащил свой блокнот и сделал там пометку.

– Йенса позвать?

– Нет, не надо звать Йенса, – отречено сказала я, – мой муж вообще не кусается.

И добавила еле слышно, по-русски:

– И очень жаль.

Мы поехали к моему старому местожительству на такси. Я ехала на заднем сиденье, Штефан всегда предпочитал болтовню с шофером, и думала «местожительство». У меня в Германии нет и не было дома. У меня сплошные меняющиеся местожительства. Получить постоянное «местожительство» в Германии – мечта юности... Выйдя замуж

за Акселя, я получила «временный вид на жительство» и ведь как в воду глядела. А постоянное местожительство это как? Прожить много лет с таким вот Акселем? Или со Штефаном тоже может быть *постоянное* местожительство? Очень не верится. И еще меньше верится, что где-то здесь, в Берлине, когда-нибудь появится место, которое я смогу называть Мой Дом. Мой адрес – не дом и не улица... Мой адрес – временное местожительство. Да и временное пока под большим вопросом. По сути, я еще один берлинский бомж.

Штефан в своем безупречном костюме, а я в новом платье из KaDeWe. В красном. Мы не сговариваясь оделись так, как, покупая вещи и смеясь, думали одеться на свадьбу к Йенсу. Точнее я, я оделась, как на свадьбу. Штефан оделся как всегда. Мой вид должен был с порога убедить Акселя о моем нынешнем цветущем состоянии. Разве не это пытаются доказать все на свете женщины, ушедшие от мужчин? Разве должны они догадываться, что их жены, их королевы, превратились в приبلудных кошек, найденных на свалке, приглаженных и откормленных шампанским?

Мог ли знать Аксель, что поход в KaDeWe, в эту Мекку эстетствующих богатеев, обернулся очередной удручающей историей со многими неизвестными. Что из всех покупок мы смогли взять с собой только это платье, а на остальное не хватило денег. Про то, как Штефан доставал из кармана одну кредитную карту за другой, но ни одна из них не смогла сменить лицо продавщицы с выжидательного. Улыбка Штефана больше не работала, его слова про ненадежный банк, непереведенные вовремя активы, благожелательная пара за нами с полными пакетами покупок и, чтобы мы не задерживали, не омрачали своей растерянностью этих благополучных, светящихся добром в десятом поколении, все понимающих, но все-же, немного спешащих, слова кассира с вежливым: «Вы, конечно же, разберетесь, должно быть, произошла какая-то ошибка...»

Должно быть произошла какая-то ошибка...

Большой серый дом и палисадник выглядели обыденно, может быть, немного более тусклыми, чем в моей памяти. Из дома, навстречу нам вышла соседка – пожилая владелица дряхлого мопса – мило улыбнулась, поздоровавшись, слегка покосилась на Штефана и тут же, словно что-то сложив в голове, кивнула, ответив и на его приветствие. Нам не пришлось звонить с улицы, и мы сразу прошли в подъезд. Штефан остался на площадке между этажами и стал смотреть в витражное окно, через которое проникало достаточно света, но совсем не был виден двор.

– Может быть, мне подождать здесь? – спросил он наконец. – Договориться по-хорошему будет легче без меня, нет? – он прищурился и пристально посмотрел на меня. – Все хорошо? Что с тобой? Ты сама не своя со вчерашнего дня. Ты так волнуешься?

И опять в привычной расслабленной манере:

– Кошка справится! Моя маленькая хитрая Кошка.

Я нажала на звонок. Аксель открыл сразу. Он стоял, сжимая в руках очки, и мигал, как будто ему в глаза попал яркий свет, и он не может к нему никак приспособиться. Потом он вспомнил про свои очки, вытер их о футболку и сказал хрипло, почти неслышно:

– Привет.

– Привет, – сказала я и улыбнулась какой-то натянутой, официальной улыбкой.

Почему-то подумала, что так, наверное, улыбаются люди из органов опеки, когда приходят, чтобы забрать детей у нерадивых родителей.

– Можно НАМ зайти?

Аксель еще не понял вопроса и неловко посторонился, пропуская меня в коридор.
– Я не одна, – сказала я, уже заходя внутрь. – Штефан, ты идешь?

Ситуации бывают дурацкие и придуманные такими. Мне хотелось абсурда и чьей-то боли. У меня получилось. Все трое, сидя за нашим маленьким уютным столиком в гостиной, на наших, когда-то выбранных мною синих удобных диванах, при легком солнечном свете, идущем с моего любимого балкона, все трое сидели и думали одно и то же: «Какого черта я здесь делаю?»

24. Экс-папа

Мое красное платье мешало сосредоточиться, отвлекало от важных мыслей мокрыми подмышками. Я думала, что надо пойти в ванную и что-то сделать. Стоит ли там еще мой дезодорант за зеркальной дверцей? Надо ли спрашивать у Акселя разрешения? И сразу же забываю про ванную. Почему на письменном столе Акселя недоеденная печенюшка? Неужели он играл на компьютере? В наш любимый квест! Без меня? А если он уже прошел на какой-то другой уровень, взломав ту металлическую дверь с кодовым замком? Откуда во мне это недовольство и укол ревности? Почему я думаю, что без меня его жизнь должна была остановиться на том же моменте, в который я убежала в ночь. Как он мог и посмел играть дальше? А Штефан любит компьютерные игры? Интересно, он тоже будет гоняться со мной ночами по лабиринтам и, пока не наступит рассвет, биться над загадкой старого космонавта?

– Ты прошел дальше? – я кивнула на компьютер.

Аксель посмотрел на меня с ужасом.

– У меня нет сил и времени на игры. Я их давно стер.

Я перевела взгляд на Штефана. Он устал любоваться голубой шифоновой занавеской и, с облегчением вспомнив про свою папку, выудил оттуда блокнот. На белой разлинованной странице за март прошлого года одна за другой, толкаясь и опережая друг друга, побежали строчки неразборчивого текста. Я поняла, что Штефан опять умудрился сбежать, и позавидовала.

Аксель тоже упорно не замечал Штефана. Может быть, его душевных сил не хватало еще и на постороннего человека. Скорее всего, он почувствовал в Штефане то, чего не было в нем самом. Штефан обитает в небесах, над облаками песен Мэя, а Аксель совершенно земной. Они не видят друг друга. У них никогда не было общего жизненного пространства. Невидимые друг другу организмы. Чтобы изучить мир другого, понадобятся микроскопы и телескопы, большое желание и интерес к жизни вне своей среды обитания. Одна женщина может сделать то, чего не удастся ни одной современной и точнейшей из техник. На какой-то миг они встретятся глазами, и обоим станет неловко, как случайно распахнутая дверь в раздевалку чужой души в момент, когда та мечется голая, не зная, что надеть, чем прикрыть наготу и где, черт побери, на какой полке затерялись латы, забрало, кольчуги...

Аксель сказал, что поговорит со своим адвокатом. Еще он сказал, что в одном я была действительно права – стоило мне выйти на улицу, как я нашла себе нового мужа. Я ответила, что с самого начала просила мне просто не мешать, и напрасно он все это придумал с женитьбой и нашей, им придуманной, любовью. Еще немного и наш диалог превратился бы в старый и давно всем наскучивший спор: «Если бы не ты... Если бы не я...»

Он держался хорошо и даже очень хорошо. И даже сказал: «Наверное, ты права». И если бы не красные пятна на лице, я бы поверила. Показалось на долю секунды, что все происходящее – затянувшийся фарс, и, чтобы все закончилось, достаточно сказать Штефану: «Спасибо, что проводил», – пройти с ним в прихожую, закрыть дверь и спросить Акселя: «Мы идем ужинать?»

Но вместо того, чтобы закрыть дверь за Штефаном, я отворачиваюсь от Акселя, забираю сумку в прихожей и останавливаюсь на пороге со словами: «Мы оба намучились. Теперь все будет хорошо, да?»

Он незаметно вытер левый глаз: «Хорошо уже ничего не будет».

Я не знала, что ответить. Понимая, что мы говорим, наверное, в последний раз и видимся, быть может, тоже, поэтому впервые меня не раздражали его слезы. Он вымученно улыбнулся.

«Желаю тебе удачи».

Мы вернулись со Штефаном домой. Он налил шампанское в два стакана, вылив из них недопитую утром минералку. Мне показалось, что на кухне как-то слишком неубрано и нечем дышать. Почему-то стало стыдно перед кем-то, глядящим сквозь меня и подмечающим мелкие детали: скомканную тряпку на краю стола, капли кофе, растертые и засохшие коричневатой пленкой на плите, три вилки в стакане у раковины. Я не стала ничего убирать и думать дальше не стала. Почему-то именно думать дальше, додумывать любую мысль до конца, показалось непосильной пыткой. Я быстро вышла из кухни, а Штефан залпом выпил свое вино, налил себе еще и принес оба стакана в зал.

– Кошка зализывает ранки? – спросил он, опускаясь рядом на кровать.

– Да, – ответила я. – Не думала, что будет так... не знаю, как объяснить. Это не больно и не сложно, а как-то...

– Пусто?

– Да! Именно, пусто. Ты знаешь почему так?

Он покачал головой и обнял меня. В его зеленых смеющихся глазах появилось выражение, каким обиженные дети смотрят на поломанную игрушку, расстраиваясь и в то же самое время предвкушая, как же будет ездить машинка на трех колесах. Он опять, как в момент нашей первой встречи, показался мне маленьким худеньким мальчишкой, случайно угодившим в мой круговорот.

Я почувствовала себя еще более одинокой в такой компании и заодно виноватой в зависшей в воздухе неловкости, в той, которая появляется между людьми, которые провели вместе много времени, а потом, после какой-то случайно обороненной фразы, становится вдруг предельно ясно, что говорить, в общем-то, уже и не о чем и все, что будет сказано потом, будет нелепыми попытками приостановить, оттянуть на какое-то время неизбежное.

– Тебе-то отчего пусто? Ты вроде бы очень веселился еще недавно, представляя вашу встречу с моим мужем.

Штефан потряс головой, и наваждение исчезло.

– Я грущу с тобой за компанию. Мне показалось, что Кошке хочется пострадать. Кошка плохо себя вела. Очень плохо.

Он изобразил трагичное выражение лица:

– Аксель, теперь все будет хорошо! Ах нет, хорошо уже не будет!!! – Штефан криво улыбнулся и резко наклонился к моему уху. Мне показалось, что он меня сейчас укусит, и я невольно отпрянула назад.

Штефан поймал меня за плечо и притянул к себе.

– Кошка, иди сюда.

На следующий день зазвонил мой сотовый. Я удивилась. Это мог быть только Аксель, только он, помимо Штефана, знал мой номер на случай, если у адвоката появятся какие-то вопросы. Штефан протянул мне трубку.

– Здравствуй. Это я, папа Акселя.

– Здравствуй, – сказала я и тут же поперхнулась, смутилась и исправилась, – как у вас дела?

В Германии принято говорить «ты» всем близким людям и хорошим знакомым. Во время нашего первого знакомства, когда Аксель представил меня своим родителям и я пыталась сказать несколько немецких фраз вежливости «рада с вами познакомиться», мне сразу сказали: «Можешь говорить нам “ты”. Ты в нашем доме, и ты подруга Акселя». Каждый раз, когда я случайно, с непривычки, переходила на «вы», меня поправляли и улыбались: «Не надо. Мы же все еще друзья, не так ли?» Они настояли, чтобы я обращалась к ним «мама» и «папа».

Трубка ненадолго замолчала.

– Я завтра буду в Берлине. Мы не могли бы встретиться? Ты помнишь наш китайский ресторан? В одиннадцать устроит?

Итак, мне предстоит разговор с папой Акселя. Удар ниже пояса, то, к чему я не была готова, да и не смогла бы подготовиться.

«Ты наш член семьи, наша дочь. Разве может быть по-другому?» Они радовались, когда у меня стало получаться естественно и на «ты». Их друзья, профессора университетов, адвокаты и заведующие клиник, обижались на мое выпестованное с детства российским правильным воспитанием «вы» в адрес тех, кто старше. «Почему ты говоришь им “ты”, а мне нет?», – спрашивала соседка, владелица небольшого заводика.

Я приближалась к своему бывшему свекру и абсолютно не знала, как к нему обращаться теперь. А пока не выяснен такой важный вопрос, казалось, что говорить о чем-то неправильно и заранее фальшиво. Что будет, если я перейду с «папы» на «господина, герра так и так...» Каким обращением я обижу его теперь? Или после всего, что произошло, уже нет разницы – одной обидой больше, одной меньше? Он уже сидел за столиком в конце зала, читал свежую MorgenPost. В это время народу в ресторанах еще не бывает. Ресторан только просыпался, и на некоторых столах еще не перевернули стулья. Они щетинились своими деревянными ножками в потолок, и я проходила к своему свекру через этот строй вооруженной мебели, так и не зная, так и не придумав пути к отступлению, в этой наверняка самой сложной, самой изнуряющей беседе двух очень близких, некогда по-настоящему симпатичных друг другу людей.

Он увидел меня и привычно поправил очки на переносице, как будто желая удостовериться, что все именно так и ошибки быть не может. Следующим жестом он поправил воротник рубашки, точно так же, как у Акселя, всегда выглядывающей двумя аккуратными треугольниками из-под джемпера. А потом встал и пошел ко мне на встречу. Мы оказались оба одновременно между столами и недовольными происходящим стульями. Я подошла еще ближе, и он протянул ко мне руки. Я прижалась к его мягкому плечу и поняла, что сейчас уже ничего не сможет меня остановить. Сейчас я буду рыдать, стоять вечность в этом теплом, надежном и бесконечно добром объятии и просить тоненьким писком, единственным и заглушающим все другие мысли в сознании: «Не отпускай меня, не отпускай».

Это тот самый китайский ресторан, тот, в котором всегда собирались семьей. Обязательная традиция в каждый приезд родителей Акселя в Берлин. Большой круглый стол с деревянным диском посередине, чтобы крутить и пробовать все заказанные блюда – смех и возгласы: «А ты вот это попробуй!!!» Диск вращают слишком быстро, и каждый хочет, чтобы я попробовала все блюда и сказала, показала большой палец: «Во!» – и попросила добавки, и попыталась запомнить название, коверкая слова и смеша официантов.

Теперь мы сидим вдвоем, у окна, в пустой тишине настороженного зала. Китайский болванчик на подоконнике с фарфоровыми коленками и заранее согласный с любой жизненной коллизией демонически улыбается, предвкушая одну из главных сцен древнейшего из театров: женская роль, обвешанная символикой, подчеркивающей кротость, верность семейным традициям, интерес к наукам и искусству, вдруг не справляется со своей участью достопочтенной госпожи и с песней, в тяжелом танце, размахивая длинными в пол рукавами, уходит в куртизанки, где и ожидает прихода неминуемого возмездия.

Прямо за нами тот самый семейный стол. За ним все еще сидят наши тени, только они не разговаривают, не обсуждают со смехом дела на работе и учебе, новости друзей, планы на отпуск. Похоже, что сегодняшнее собрание тоже ожидает оправдательной песни героини. На деревянном круге перед ними в белых фарфоровых блюдах вопросы, разные по цвету и вкусу, но все слишком острые, и их нельзя пробовать без основных блюд – воспоминаний в металлических чеканных плоскостях; блюда разнообразные – есть вегетарианские, но их мало, остальные с сочной свининой и хорошо пропитавшейся в кисло-сладком соусе курицей. Осуждение подают вместе с рисом – сколько угодно, не дожидаясь, пока закончится предыдущая порция. У него глаза Акселя, и это неправильно. В глазах Акселя не было ничего, что могло бы вызвать во мне что-то большее, чем зудящее раздражение. Почему же смотреть в глаза моему немецкому папе так просто и успокоительно? Его усталый взгляд не обвиняет, не пытается просверлить в тебе отверстие, чтобы заглянуть глубже, чем ты хотела и могла бы позволить. Почему некоторые люди настолько полны добром, что становятся страшно за них, так, что хочется защищать и оберегать? Что сделать, как сказать, чтобы не увидеть разочарование, не подвести это добро и доверие, которое было и будет в этих глазах до и после тебя?

Он снимает очки, не спеша трет их, как Аксель, когда заранее устал от предстоящего разговора. «Расскажи, что случилось», – попросил он, и я начала врать. Это и не ложь даже, это самозащита и страх сделать больно. В мире очень мало слов, которыми можно объяснить отцу, что не любишь его сына. Я говорю то, что говорят все люди в плохих и хороших книгах про любовь, в фильмах и вот, оказывается, в жизни тоже. «Аксель прекрасный человек. Я виновата. Так всем будет лучше. Простите».

В моей короткой, чуть больше года, немецкой жизни произошло уже так много всего, и это сложно, все невозможно объяснить даже себе, и уже совсем не получится сказать очень хорошему человеку, что я готова жить на помойке, лететь в неизвестность к непутевой подруге, спать с первым встречным, но только не со своим мужем. Я ушла от него, потому что не могла больше его видеть. И не надо меня дальше мучить. И не надо напоминать мне одним своим существованием, что все могло быть иначе. Что вся жизнь моя была бы предопределенна достатком и достоинством, что мои румяные белобрысы дети никогда не знали бы слов: «У нас нет таких возможностей», – что я звонила бы за билетами на премьеру в театр, как моя свекровь, представляясь фрау фон, жена профессора. Все это могло бы быть и не будет, потому что это не моя жизнь.

Не для меня приготовленная. Слава Богу, что не для меня! «Я не хочу так. Я не хочу вашего сына!»

– Что ты теперь будешь делать? – он сделал вид, что его устроил мой ответ про несовместимость и лучший для всех выход. – Аксель сказал, что ты пока живешь у, – он остановился, чтобы подобрать слово и не быть бестактным, – у одного своего знакомого. У тебя правда все хорошо? Ты в чем-то нуждаешься?

Мне показалось, что он сейчас полезет в карман за портмоне, и я никогда не смогу прийти в себя от унижения, поэтому я быстро прервала его:

– У меня все хорошо, – я сделала решающий жест рукой, – я не нуждаюсь и пока не решила, что собираюсь делать. Скорее всего, пойду работать или учиться, – сказав это совершенно неожиданно и с каким-то вызовом, я поняла, что невольно, случайно, в отчаянной попытке спасти самолюбие нашла только что еле заметную в общем хаосе, но прямую и очень правильную тропинку. Мне пора становиться независимой!

– И еще. У меня для вас есть кое-что.

Он наклонил голову и улыбнулся. Может быть, знал, что я сделаю. Может быть, даже встретился со мной, чтобы дать мне этот шанс.

– Вот, – я достала из сумки синюю шкатулку, – это ваше.

Он взял и не раскрывая положил шкатулку в портфель на соседнем стуле.

– Спасибо, – сказал он.

– Это вам спасибо. Я никогда не забуду вашу семью и доброе отношение. Мне, правда, очень жаль, что все так получилось. И мне будет очень не хватать наших полуночных разговоров у камина. Это были, пожалуй, самые лучшие воспоминания моей замужней жизни.

– Мне тоже будет не хватать, – сказал он. – Это было короткое, но очень счастливое время, правда?

Я молча кивнула, боясь, что голос выдаст ненужные теперь никому эмоции.

– Обращайся ко мне на «ты». И ты знаешь, что у тебя всегда есть друг, к которому ты сможешь обратиться, если что, да?

– Спасибо, – сказала я, зная точно, что никогда не стану просить о помощи у того, кого подвела много раз.

«А тебе никогда не приходила в голову мысль, что Аксель в будущем станет точно таким же, как его отец?» – спросят меня однажды.

«Конечно, приходила, – отвечу я, – я даже абсолютно уверена, что он будет таким же замечательным, но я не могла столько ждать, и это была бы уже совершенно другая история».

Я возвращалась домой, к Штефану. На сердце впервые не было страха перед моим извечным спутником – неопределенностью. Все этапы моей жизни – это не больше, чем ступени, вверх или вниз будет видно потом.

Почему-то мысль, что Штефан и Иосиф ничего не знали про шкатулку из старого синего бархата, одновременно веселила и будоражила воображение. Шкатулку я и сама обнаружила случайно: вперемешку с другими моими «сокровищами» она лежала на дне большой косметички. Горе любому мужчине, который надумает рыться в женских мозгах и сумочках. Видимо, никому просто не пришло в голову. Мне удалось сохранить браслет, подаренный на свадьбу.

Семейная реликвия, которую передавали из поколения в поколение по женской линии первому из вступивших в брак детей. На эти камни можно было построить дом, улететь в другую страну и начать все с начала... Можно было стать другой и забыть про фальстарт с нелюбимым мужем, посчитать браслет необходимой компенсацией за свои и чужие необдуманные поступки. Можно было сделать все, но правильно было просто

положить не принадлежащую мне вещь на место. Пускай браслету достанется хорошая владелица, и пускай ее будущий, мой любимый экс-папа, не поминает лихом свою непостоянную татарскую невестку.

25 Отрывок

Я хочу пойти работать! Я сказала об этом Штефану, а Штефан посмотрел на свой мобильный и потом куда-то за мою спину, обреченно вздохнул и спросил:

– Может послушаешь отрывок из моей книги? Там о тебе. Хочешь?

Я переместилась на край дивана и выпрямила спину. Надо же... Эти постоянные строчки в ежедневнике, оказываются книгой? Я подумала, что когда пишут книгу и ты уже живешь в этой книге, то это волнует. А еще это как-то ответственно, и надо постараться выглядеть... Как бы я хотела выглядеть в его книге? Никто не хочет быть скомканным, лохматым персонажем в безразмерном банном халате. Я оголила плечо, достала сигарету, выпрямилась. Сказала так, что даже сама удивилась этому горланному и чувственному: «Слушаю».

Но Штефан не заметил и не оценил вдруг появившуюся грациозную женщину, и начал читать, открыв свою черную папку, как мне показалось, совершенно наугад где-то посередине:

«В небе посыпались звезды, одна за другой. Я смотрел в это небо и ждал грозы, но вместо дождя на меня падали и падали звезды. Их становилось все больше. Она должна была прийти. Не могла не прийти. Теперь ее очередь. В конце концов, если дождь предвещал ее шаги, то звездный дождь мог означать только одно – она останется. Нет. Она заберет меня отсюда. Мне давно стало понятно, что эти колючие прутья, серые стены, охрана – все они не смогут помешать тому, что должно произойти. Их глухие, отупевшие от сытости собаки захлебываются от лая при ее приближении и обиженно скулят, извиваясь от беспомощности. Бледные лица моих предшественников, вырастая из стен, протягивают ко мне руки и снова сливаются с серым, стоит мне задуматься о дожде. Я просто стоял и ждал, глядя на небо. Кошка, осторожно ступая мягкими лапами по мокрой от звезд дороге, приближалась. Наконец пришло время встретиться...»

Однажды Кошка задумается, почему только следы Сталкера отчетливо отпечатались на берегу, умытом волнами прошлого. “А где была я? – спросит она меня своими зелеными глазами, потому что кошки не говорят придуманными людьми для людей словами. – Где я была? А если бы со мною что-то случилось, и мы не встретились? Почему ты, Сталкер, не нашел меня раньше?”

Я засмеюсь в ответ. Она любит, когда я смеюсь. Кошкам кажется, что так мы останавливаем время. А потом, я скажу ей правду. Правду, о которой она не может не знать. “Я не искал тебя раньше, потому что всегда был рядом. Ты видишь только мои следы, если оглядываешься назад, потому что все это время я нес тебя на руках”»

Штефан оторвался от записи и замер, сник, как будто внезапно устал от бремени своих мыслей, доверенных бумаге, а теперь еще и мне. Ему все равно, как я сейчас выгляжу, ровная ли у меня спина, и есть ли на мне халат. На нем-то сейчас точно нет ничего, даже защитного слоя кожи. Он прочитал мне свои строки, которые он, должно быть, сначала носил в себе, потом записал, наверное, зачеркивал и исправлял, пока не получилось то, что получилось. А потом вдруг решил прочитать. Мне. Я почти

почувствовала, как большой палец на руке превращается в мощное оружие, отправляющее поверженных гладиаторов к праотцам либо оставляя жить, но в рабстве, в зависимости от чьего-то мнения.

– Это... красиво, – я старалась говорить шепотом. – А что было раньше? И кто кого в итоге спас?

Штефан сидел, так и не глядя на меня. Смотрел на свой блокнот, словно там еще проступали какие-то буквы, а он их не мог разглядеть, но и оторваться от своего занятия тоже не мог.

– Ты расскажешь, что было раньше? Почему ты оказался в этой тюрьме?

Штефан удивленно пожал плечами, улыбнулся и вернулся ко мне глазами.

– А какое это имеет значение? Тем более я и сам уже не помню. Какое-то недоразумение со счетами.

– В смысле? – пришел мой черед удивляться. – Какими счетами?

– Ну какими? Банковскими! Если бы была жалоба от частного лица, то не посадили бы, наверное.

Я все еще сидела очень прямо на краю дивана.

– Штефан, объясни, ради Бога, о чем мы сейчас говорим? Ты меня совсем запутал... – я сделала попытку встать и обнять его.

Штефан отошел на шаг назад.

– Только не говори, что ты опять забыла про тюрьму... И не делай, пожалуйста, такое лицо. Я же уже объяснял – это было всего несколько недель.

26. Синяя Борода

Мы все умеем себя обманывать – кто-то лучше, кто-то виртуозно. В тот период жизни я достигла высот в искусстве ходить в розовых очках и с ватой в ушах, чтобы внутренняя прекрасная мелодия не нарушалась пронзительной, комариной, партией сомнений. Не сейчас! Только не сейчас! Я еще не готова к новым переживаниям. Ну можно немножко передохнуть? Побывать немного, чуть-чуть, обычной влюбленной-счастливой-беззаботной? Ну можно же?

Рассказ о тюрьме я предпочла посчитать художественным вымыслом, недействительные кредитки в KaDeWe – оплошностью банка, странные люди, приходящие устраиваться к Штефану на работу, – просто, действительно, странные люди, мало ли таких вокруг? Как просто оказалось отключить инстинкты. Или не просто?

На днях он прислал мне фотографии. Я, закутавшись в белый плед, смеюсь в объектив. Смотрю в глаза той девушке на фото и не могу понять, как может она так спокойно улыбаться? И снова вспоминаю.

Мы живем почти так же, как раньше, но, может быть, немного меньше говорим друг с другом. Мне комфортно, что мы почти не общаемся, а если и перебрасываемся парой слов, то о чем-то неважном, шутя, нараспев и так убедительно, что сразу понятно – мы боимся говорить о том, о чем нельзя разрешать себе даже думать – о неумолимо надвигающемся «Потом». Мы все еще влюбленные. Нет, теперь мы особенно влюбленные. Мы те, что занимаются любовью на самом краю пропасти, те, что знают, что у их истории нет счастливого финала – впереди бездна. Есть последняя минута, урванный у судьбы кусок страсти, и лучше так, чем затянута в чехол, подпоясанная двумя обоснованиями и тридцатью тремя упреками долгая жизнь совместного одиночества.

Мы бежим до квартиры и специально не держимся за руки. Стоит прикоснуться друг к другу, и случится короткое замыкание – выбьет пробки, погаснет свет, и мы потеряем дорогу домой, начнем искать первый попавшийся подъезд, дешевый отель, нарочно распустившийся розовыми птицами куст магнолии.

А если мы добегаем до квартиры, то начинаем тянуть время. В этом есть свое, особенно мучительное, наслаждение. Медленно снять обувь, не спеша дойти до холодильника с ледяным вином, спросить, не оборачиваясь: «Будешь?» – налить полбокала и безразлично ухватиться за ручку. Притвориться задумчивой и где-то далеко отсюда. Я знаю, что дальше, по правилам игры, он включит музыку, откинется в кресло, широко расставив ноги, и тоже замрет в ожидании. Нельзя поворачиваться и нельзя смотреть в глаза. Там самый край бездны. Я знаю, что он улыбается. Начинаю медленно танцевать. Это даже не танец – так, еле заметные движения бедрами. Такими же медленными, ленивыми движениями я начинаю поднимать вверх футболку. Стриптиз, который ни разу не будет исполнен до конца.

Я так и не научусь понимать, что происходит и как можно захлебнуться в своей же волне, поднимающейся снизу, из живота, парализующей и одновременно рождающей следующую волну и без возможности перевести дух до следующей – и так до тех пор, пока не начинаешь тонуть, хватать жадно воздух, и, наконец, сдаться, просто стать волной самой. Деревянный пол в прихожей, холодный на кухне, колючий в зале, скользкий, карябающий пронзительным скрежетом, в ванной. Бесконечная, люминесцентная в кромешной тьме океана, кошачья нирвана.

Я все еще хватаюсь за последние, ускользающие из рук нити того, что секунды назад было самым естественным и единственно ощутимым: есть только мы – наше прошлое и будущее, вся наша жизнь, все сосредоточилось в одном движении и взорвалось, став солеными искрами. Мы могли бы сиять дальше, как мелкий морской планктон, бесчисленные водяные светлячки, освещающие пространство вокруг себя, удваивая, разбрасывая в геометрической прогрессии свет у самой кромки моря, подчеркивая неизбежность. Потому что и море тоже когда-то заканчивается. «Безбрежное и бескрайнее», – думало море про себя, а оказалось малым и беспомощным, когда вынесенное на берег расходилось бурлящей пеной и спешило обратно слезами нерассказанных рыбами историй.

Наша история одна из них. Что могут знать рыбы о суше? Зачем нужны земле истории о море, в котором нет ничего, кроме глубины? Везунчиков, побывавших там, уже не заинтересуют недалекие фантазии поверхностных рыб.

Я открыла дверь и улыбнулась. Знакомое лицо. Где-то мы уже встречались. Потом вспомнила: «Это же владелец ресторана, где мы были около недели назад». Штефан разговаривал с ним перед уходом. Сказал мне, что они давно дружат. Кажется, мужчина тогда был чем-то расстроен, а Штефан его подбадривал, хлопал по плечу и участливо улыбался.

Для пришедшего без приглашения мужчина держался слишком агрессивно. Мне пришлось отступить на два шага назад.

– Проходите, – сказала я человеку, который уже зашел в прихожую. Протянул мне лист с черной, размазанной плохим принтером, краской на половину альбомного листа. Я плохо понимала, что он пытается мне рассказать на беглом немецко-итальянском диалекте, но он продолжал так настойчиво махать бумагой, что я протянула руку и в тот же момент в серой офсетной краске отчетливо разглядела лицо Штефана.

Промелькнула мысль, что даже на паспорт Штефан умудрился сфотографироваться так, что ирония в глазах превратила серьезный документ в визитную карточку. А

почему копия паспорта Штефана в руках несдержанного ресторатора? Я обернулась, чтобы позвать Штефана, когда услышала, как еле слышно хлопнула балконная дверь.

– Его нет дома. – сказала я. – А я могу вам помочь?

Мы постояли какое-то время в молчании, оба ожидая, что, может быть, Штефан, все-таки появится. На прощание человек что-то прокричал. Я поняла только слово «полиция», и как подъездная дверь поставила восклицательный знак громкому эху удаляющихся шагов.

Штефан не вернулся ни в тот день, ни на следующий. Когда он как ни в чем не бывало открыл дверь своим ключом и, встретившись со мной взглядом, улыбнулся, история с невежливым посетителем потеряла смысл и актуальность, показалась очередным незначительным фрагментом.

– Ты сегодня вернешься? – начала спрашивать я каждый раз, когда он выходил покурить. Часто на этот вопрос не находилось ответа. Иногда день, иногда два. Наверное, он хороший сталкер, и так надо. Может быть, у них такие меры безопасности? Он сам для себя эта мера безопасности, а я вне игры. Меня он старается не впутывать. Но иногда я забываюсь и открываю дверь чужим людям. Я, как все жены Синей Бороды, пренебрегаю предостережениями про дверь: «Если ты никого не ждешь, зачем открывать?» Он понял, что я про него уже многое знаю, а я поняла, что он понял, но мы оба не говорим об этом. Ему неинтересно. Мне хочется еще недолго побыть счастливой.

Море не знает, что и оно не безбрежно. Мы – выброшенные на сушу амфибии. Мы не умираем и не шатаемся от смены среды обитания, не плюемся песком, не харкаем морской водой – и лишь немного посомневавшись в устойчивости ног, стабильности почвы, мы идем дальше. Не оглядываемся и перескакиваем через ребристые ступеньки скрепленных в переплет белых страниц – неисписанных и несбывшихся приключений Сталкера и Кошки.

«Когда ты не видишь мои следы – значит я несу тебя на руках». Слова молитвы из его книги. Это миниатюра придуманной им жизни, когда и он думал, что «потом» может быть равным «сейчас», а книжные Сталкер и Кошка не оставляют следы на песке.

Когда в очередной раз я ночевала дома одна, в дверь раздалась сплошная, нетерпящая промедления, несочувствующая чужому покою звонки. Я поняла, что не получится «не открывать», даже «когда никого не ждешь». Я подождала еще немного, нисколько не веря, что могли перепутать квартиру, банально ошибиться дверью, потом нащупала, выхватила из темноты на кресле белый плед и подошла к двери.

– Полиция, немедленно откройте!

Глава 27. Лунные практики.

Почему-то первое, что пришло в голову: «Это за мной! Сопротивление бесполезно». Я, конечно, осознавала, что претензии местного законодательства могут касаться меня только в одном случае – жена-иностранка ушла от мужа, на основании брака с которым ей было выдано разрешение на пребывание в стране. А может ли это быть достаточным поводом для ареста, обыска? Я задавалась этим вопросом все время, пока люди в черном ходили по комнатам, заглядывали под ванную, поднимали одеяла на кровати.

Кажется, они что-то сказали, когда я открыла дверь. Может быть, они спросили разрешения войти, а я, напуганная до икоты, к тому же так и не научившись понимать быстрый разговорный язык, просто отошла в сторону. Могла ли я их не впустить? Я понятия не имела, как нужно себя вести, что говорить, надо ли требовать адвоката, да и где его взять, если я отмахнулась, когда Аксель предлагал записать телефон семейного юриста. А был бы толк от такого защитника, который к тому же будет вести наш бракоразводный процесс?

Больше всего хотелось выйти курить на балкон. Но до балкона надо пройти. А вдруг они подумают, что я пытаюсь сбежать? Будут ли в меня стрелять «при попытке к бегству»? Я села в кресло, поджала ноги и притворилась, что меня не существует. Вот бы еще нарисовать вокруг белый круг и продержаться до рассвета.

Мне казалось, что останови они на мне взгляд, как им сразу станет понятно, что или кого они ищут, и последует вопрос: «Кто вы? Ваши документы». Но меня не спрашивали, со мной вообще не разговаривали. Похоже, и их тоже устраивало, что меня «не существует». Когда я поняла, что они собираются уходить и спрашивают меня о чем-то уже на пороге, я словно проснулась. «А что случилось?» – спросила я. Мне ответили коротко и резко. Я ничего не поняла. Потом, видимо, уже во второй раз мне повторили вопрос, и я опять не поняла, но ответила: «Я не знаю, где он может быть». Подумала, что сейчас, по сценарию, надо расплакаться, и даже попыталась шмыгнуть носом. Но никого по-прежнему не интересовали ни я, ни мои драматические способности. Мне всунули в руку какую-то бумажку и ушли, не закрыв дверь. Я еще подождала, уверенная, что они опомнятся, вернуться и заберут меня с собой, но услышала шорох колес по гравию и осторожно, очень бережно закрыла дверь.

«Мне пора. Мне пора уходить», – думала я, свернувшись в комок на кровати. Я должна продумать план. Аксель, как хорошо, что ты постоянно разрабатывал и проговаривал свои бесконечные планы: план приезда друзей, план на выходные, план на неделю, на месяц, на год и жизнь – расписанные по часам дела, удовольствия, события, люди... А как тебе, Аксель, план побега от любимого человека? Я знаю, ты бы не смог. Это будет мой план. А я справлюсь! «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, и от зайца ушел, и от волка ушел...» Каждому Колобку встретится своя Лисица, но мое время еще не пришло. Надеюсь, что не пришло.

Когда появился Штефан, я не сказала ему про полицию. Он догадается про План, если поймет, что я ему больше не доверяю. В той жизни, где существуют тюрьмы и полицейские по ночам, где выходят через балкон, оставляя беззащитного неосведомленного человека, по совместительству свою девушку, один на один с враждебной реальностью, существуют, должно быть, совсем другие кодексы чести. Что ж, не я их придумала, не мне их менять. Карты крапленые, господа, начинаем играть!

Со стороны, у нас ничего не изменилось. Наши слова и тела по-прежнему находили волнующие темы. Я стала более наблюдательной и стала больше анализировать казавшиеся раньше незначительными эпизоды. К примеру, почти всегда в конце ужина Штефан уходил и общался с хозяином ресторана. Раньше мне было все равно, а теперь я спросила, придав голосу достаточно безразличия:

– О чем ты с ними говоришь?

Штефан так очаровательно заулыбался, что я поняла, что правды не дождешься.

– Я их всех неплохо знаю. Можно сказать, что мы дружим. А зачем тебе? – ответил он вопросом на вопрос.

– Почему тогда тот итальянец, хозяин ресторана, куда мы, кстати, больше не ходим, держал в руках ксерокопию твоего паспорта?

– Не обращай внимания, – ответил Штефан и потянулся, давая понять, что такие вопросы вгоняют его в сон.

– Да я и не обращаю, просто так, стало любопытно, – сказала я и сменила тему:

– Посмотри, тот огромный мужчина у бара так похож на твоего Йенса. Как у него, кстати, дела? Что-то его давно не видно.

Штефан подмигнул мне и произнес в своей дурашливой манере:

– Я видел его вчера. Знаешь, его русская подруга от него сбежала. Он не может ее найти, – и добавил уже про себя, еле слышно, – и куда уходят все русские женщины? Все кошки. Все любят играть в свои кошачьи игры. Йенс собирается обзванивать женские дома и хотел, кстати, попросить именно тебя, сделать для него пару звонков, – он уставился на меня, слегка наклонив голову, и продолжал улыбаться.

Я почувствовала, как мой правый уголок рта постарался изобразить ответную улыбку и как отморожено это получилось.

– Какие еще женские дома? Разве у них были проблемы? Ты ничего не рассказывал, кроме того, что они готовятся к свадьбе.

Штефан пожал плечами вместо ответа и достал из папки свой блокнот. Я опять не поняла, пришли ему в голову мысли, которые он боялся упустить за пустыми разговорами, или он снова сбежал от меня.

Он часто сбегает от меня и реальности в свои бесконечные записи. Иногда вот так, в середине разговора, но еще чаще тогда, когда думает, что его никто не видит.

Судя по всему, у персонажей его романа богатая событиями жизнь.

Я по-прежнему засыпаю у него на плече, устав и опустев от очередного бессмысленного дня, предсказуемой страсти перед сном, непродуманной траты энергии и децибел у садящейся батарейки любви. Теперь, засыпая, я думаю о том, что скоро и эта жизнь останется в прошлом, но торопиться, может быть, и не надо. Я же еще не знаю, куда идти, и надо для начала найти хотя бы работу. Будет ли моей зарплаты хватать на съем квартиры? Я никогда не интересовалась этими вопросами и только слышала, что в Берлине намечаются конкретные проблемы с жильем, тем более для малоимущих и студентов.

Наверное, мысли не дают заснуть по-настоящему крепко, и сквозь сон я продолжаю слышать, чувствовать, даже видеть. А может быть, мне только кажется, что каждый раз, когда я засыпаю и начинаю дышать ровно, он аккуратно высвобождает свою руку, приподнимается на локте, наклоняется к моему лицу. Важно не напрягать ресницы и не поддаваться искушению потереть вдруг зачесавшиеся, заколовшие сотнями мелких

иглоек островки на скулах. Почему-то я точно знаю, что сейчас не надо просыпаться и тем более не надо задавать вопросы.

Он тихо встает с постели, уходит в другую комнату. Теплый желтый свет льется через щель в двери. В абсолютной тишине квартиры начинают проступать подавляемые шумным днем сигналы ночного одиночества – слышно, как на кухне, с мхатовскими паузами, капает вода из крана, с улицы доносится дрожащий в стеклах грохот от проходящей недалеко от дома линии городской электрички. Значит, еще ходят поезда, а может быть, они уже ходят? Сейчас утро или еще только поздний вечер? Интересно, я заснула и проснулась, или вообще не смыкала глаз и лежала, слушая тишину, стараясь не спугнуть своим дыханием прелюдию ночного таинства? Я каждый раз не могу точно ответить себе на этот вопрос, и каждый раз мои размышления прерывают шаги в соседней комнате.

Из комнаты тихо, но уверенно, как человек решительно и давно знающий всю последовательность и смысл движений, выходит Штефан. На нем его любимый серый костюм. Он подходит к письменному столу, включает настольную лампу, раскладывает аккуратными стопками листы. Он садится в кресло, сняв пиджак и повесив его на соседний стул, закатывает рукава белой рубашки и начинает писать. Свет от лампы проходит через тонкую ткань просторной рубашки, и прямая, напряженная спина начинает светиться сначала по бокам, а потом лучи становятся ярче, а смотреть на них все труднее. В какой-то момент картинка расплывается. Я не замечаю, когда он ложится. Просыпаемся мы вместе. Иногда он уже ходит по кухне, будит меня запахом свежесваренного кофе, насвистывает под нос одну из заезженных мелодий утреннего радио.

В очередной раз я гляжу на его ясную беззаботную улыбку, автоматически подставляя тарелку под расплавленную на сковороде моцареллу – наш любимый завтрак, который Штефан готовит великолепно, объясняя это тем, что у них с сыром давняя взаимная привязанность и они не могут друг без друга. Приблизительно так же он говорит, когда ставит в микроволновку замороженную пиццу, а я радостно соглашаюсь не принимать участие в устоявшихся отношениях и радостно ем то, что Штефан называет «Мальцайт» – любой прием пищи в любое время суток. «Мальцайт», – говорим мы друг другу каждый раз, приступая к еде; Штефан изображает головой небольшой поклон, я отвечаю.

Длинные белые нити сыра тянутся за вилкой и обрываются, как и мои недодуманные мысли. Я что-то упускаю из вида, что-то очень важное. Это настолько важно, что нельзя думать ни о чем другом. Я разрезаю остывший на тарелке сыр ножом.

– Ты прочитаешь мне, что было дальше с Кошкой и Сталкером?

– О чем ты? – спросил Штефан, смешно сморщив лицо.

– Что стало с нами в твоей книге?

– В моей книге? – Штефан наклоняет голову к плечу и становится похож на удивленного воробья. – В моей книге... – повторяет он с уже другой интонацией, словно пробуя слова на вкус, и отправляет их в рот вместе с помидоркой черри. – Ты хочешь узнать, чем занимаются Кошка и Сталкер? – он встает со стула, легко и

неожиданно, как всегда слишком быстро для того, чтобы я успела отреагировать, подходит ко мне, наклоняется и пытается то ли поцеловать, то ли укусить мое ухо.

Я смеюсь и пытаюсь увернуться, поджимаю плечи. От его дыхания пахнет кофе и Амаретто, и я сквозь смех, и все еще пытаюсь вырваться, пискляво выкрикиваю:

– Я тоже хочу кофе с Амаретто. Сделаешь мне?

– Обязательно сделаю, – шепчет и щекочет шею голос. – А ты все еще хочешь узнать, что было дальше с Кошкой?

Я говорю:

– Хочу, – вырываюсь, ударяюсь о холодильник и бегу на балкон.

Он бежит за мной и ловит меня, притягивает к себе.

– Тогда я расскажу тебе, что было дальше...

Сколько бы раз я ни затевала разговор о книге, Штефан каждый раз придумывал причину, чтобы не обсуждать этот вопрос. Мне надоело его расспрашивать, и я успокоилась – решила, что он готовит сюрприз: может быть, хочет дописать свою книгу ночью, а потом уже целиком прочитать или даже издать и подарить мне. Я не буду больше его трогать и приставать с вопросами. Зачем? Я перестала обращать внимание на странное поведение, к тому же я не была до конца уверена, что пишущий по ночам Штефан – не плод моей сонной фантазии.

И опять я притворяюсь, что сплю. В комнате темно и тихо, в полуоткрытое окно проникает затихающий гул уставшего города. Я, верно, заснула на какой-то миг и не заметила, когда он встал и оделся. На мне, напротив, нет ничего из одежды, и рядом с подушкой валяется мятая шелковая майка. Мне вдруг подумалось, что неправильно лежать раздетой, когда в комнате работает человек в костюме. Я осторожно протягиваю руку, хватаю прохладный ласковый материал, прижимаю майку к телу, пытаюсь как-то вся, целиком, прикрыться маленьким куском ткани и так увлекаюсь сложным процессом, что не замечаю, в какой момент Штефан перестал писать.

Не слышно больше шелеста листов и характерного поскрипывания кресла. В комнате абсолютная идеальная тишина. Руки замирают, не закончив движения, я поднимаю глаза в сторону стола. Он сидит там – без движений, застыв в прямой неестественной позе. Он не поворачивается в мою сторону, и мне остается только гадать – он заметил, что я проснулась, или нет? Нет, он не должен был заметить, а я не должна была смотреть на него. Это не по правилам. «По каким еще правилам? – спрашиваю я сама себя и, не найдя ответа в словах, так же мысленно укоризненно качаю головой, – ты знаешь по каким, просто не хочешь про это думать». Мой внутренний диалог приблизился опять к какому-то важному открытию, которое я должна была совершить, раскладывая пасьянс из отдельных клочков информации, снов и шутивных разговоров. Но я так же четко понимаю, что теперь я уже не успею. Что-то уже случилось или случится очень скоро. Мне просто не хватит времени.

Штефан не оборачиваясь встает и начинает медленно собирать листки в одну большую аккуратную стопку. Он подходит к шкафу – светлая порода какого-то дерева с

невероятным количеством полок, с готовностью распахивающихся наружу дверок, узких пыльных отсеков. Я удивляюсь, что раньше не видела большой выдвижной ящик слева, рядом с балконной дверью. Наверное, из-за постоянно раздвинутой занавески с широкими тяжелыми складками ящик не так бросался в глаза. Штефан складывает свою рукопись и непонятно откуда взявшимся ключом закрывает дверцу на два поворота.

Я удивлена, но как-то вяло – понимаю, что и здесь я отстала. Быстро отмечаю про себя, что надо во что бы то ни стало открыть и посмотреть на содержимое, когда Штефана не будет дома. Почему я была уверена, что Штефан всегда носит свою рукопись в портфеле? Конечно же, это не логично! Он не смог бы носить такую тяжесть каждый день. Я не успеваю додумать про ящик и ключ, а Штефан уже стаскивает пиджак со спинки стула, надевает – его движения плавные и почему-то немного торжественные. Он все так же, не спеша и совершенно беззвучно, идет на кухню. Я вдруг отчетливо и с какой-то невероятной тоской понимаю, что надо бежать. Пора! К черту План! К черту одежду! Надо бежать прямо сейчас! Когда он выйдет из кухни, будет слишком поздно!

Глава 27.2 Продолжение. Лунные практики.

Из кухни доносится еле слышное: «Кис-кис, кис-кис». Шепот становится требовательным и начинает приближаться. Ожидание материализуется в ужас и кружит белыми хлопьями над моей головой. Ужас оседает на коже мелкими цепкими мурашками, а из мурашек растут волосы – мягкий пушистый кошачий мех. Штефан выходит из кухни, пряча что-то за спиной. «Он красивый», – думаю я и рассматриваю его, как художник, выбирающий модель на кастинге. Он сливается с черно-белым отражением раннего утра на фоне серой стены, а на его голове – пожар. «Он же не был таким рыжим?» – успеваю удивиться я. Он приближается, в его глазах любовь спорит с предвкушением – главным заказчиком музыки в любые времена. Зрачки совсем узкие. «Он оборотень! – доходит до меня. – Он умеет перевоплощаться! Он – сова! У него, а не у меня, девять жизней. Он забирает жизни кошек, чтобы летать по ночам!!!»

Снова этот свистящий шепот: «Кис-кис, кис-кис». Звуки бьются в голове, как в древнем шаманском колоколе – их не отпустить и не сделать тише. Эти звуки были до нас и будут после – они сообщают богам о приближении часа быка. «Кис-кис-кис...» Я хватаюсь за голову и пытаюсь отодвинуться подальше к стене. Я тяну за край одеяла на себя, я знаю, как спрятаться, чтобы сова не нашла дорогу, но мои руки – беспомощные мягкие лапы с розовыми подушечками и короткими коготками, они лишь бессмысленно царапают, впиваются в одеяло и болят от беспомощности. Все кончено!

Тело становится мягким, податливым, неспособным к сопротивлению. Штефан подходит ближе и продолжает улыбаться. Теперь уже нет сомнений, что убежать не выйдет, и я даже не пытаюсь додумать, почему так все странно вышло, где и когда я успела влюбиться в Смерть. Я замираю и пытаюсь запомнить этот момент – я жива последний момент, я делаю последний вдох, поправляю сползшую лямку майки – это последнее, что я буду помнить о себе потом...

Он заносит над головой столовый нож и с размаху вонзает его в тело, снова заносит руку, а потом еще и еще. Теперь его движения точные и быстрые. Я вижу со стороны кровать и невнятные очертания тела в ошметках алой ткани, месиве из волос, серой

шерсти и крови. Человек со зрачками совы продолжает наносить удары, и с каждым ударом из тела вырывается тонкий всхлип – разорванный, неравномерно прерывистый штрих на белой стене. Красный узор становится все сложнее. В наброске на стене, как в наскальных рисунках древних людей, в сложном переплетении линий начинает появляться смысл... И я начинаю понимать – картинки оживают, вместо рыжего парня на черном экране рыжая, коротко стриженная девушка отводит глаза, мужчина поет:

«I know it's not a game to play
Your eyes they show no fear
I burn inside and cannot wait to be»

В этот момент красный туман застилает глаза, и я проваливаюсь в пустоту, чтобы вернуться.

С экрана телевизора Sasha¹ поет:

«If you believe in love tonight...»

Штефан сидит рядом и улыбается немного смущенно, как нашкодивший малолетка, не заслуживший похвалу.

Наверное, я кричала. Он делает попытку прижать меня к себе, поделиться своим равнодушием, шепчет:

– Ну что тебе приснилось? Ты чего-то испугалась?

Я пытаюсь вырваться из его объятий. Меня трясет. Его обычно уверенно приятные прикосновения кажутся липкими и излишне крепкими.

Наконец, у меня получается слажено говорить и действовать.

– Я в порядке. Ты прав, это всего лишь плохой сон... – я оттолкнула вновь протянутые ко мне руки и быстро прошла в ванную.

– У тебя правда все хорошо? Ты не хочешь рассказать мне, что тебе приснилось? – донесся голос через дверь.

Я закрылась на ключ и постояла, прижавшись к двери, прислушиваясь, чтобы убедиться, что он не пытается зайти следом.

Мое отражение в зеркале оказалось трехмерным портретом психопатки с подергивающимся подбородком, взъерошенными волосами, с застрявшим в капкане не выкрикнутого страха взглядом. Кран получилось открыть не сразу и слишком сильно. Вода полетела в разные стороны, с мощью вырвавшейся на волю стихии. Я пробовала

¹ Sasha – популярный в Германии певец. В 1998 году прославился хитом «If you believe». В официальном клипе рыжая девушка с короткой стрижкой на черном фоне.

Слушать здесь: [audio mp3="http://elyastories.com/wp-content/uploads/2019/10/Sasha_-_If_You_Believe_iPleer.fm_.mp3"][/audio]

подставить ладони под струю воды, но в ладонях тоже бушевала стихия и не хотела оставаться, разлетаясь мелкими лезвиями по предплечьям. Я наклонила и подставила лицо еще ниже, под самый поток.

Через несколько минут я полностью промокла, забрызгала зеркало, полку с косметикой и весь пол. Вокруг раковины образовалась лужа, которая, заразившись разрушительной силой, вышла из берегов и уже достигла пушистый коврик у душевой кабины, изменив его цвет с бордового на вязкий торфяной. Я подумала: «Надо же, как быстро опрятная ванная превратилась в жертву стихии».

Я перекрыла бушующую воду и смотрела, как она жалкой змейкой убегает в недра канализации.

Как только шум воды стих, послышался какой-то равномерный звук внизу, у двери. Я перешагнула лужу и открыла замок. Штефан сидел на полу в прихожей и постукивал пальцами по косяку двери. Он посмотрел на меня, с моих волос все еще капала вода, а наспех накинутый халат уже принял мою форму и температуру тела.

– Водные процедуры? Почему без меня? – он, не отрываясь, смотрел на меня снизу вверх. – Ты не хочешь рассказать, что произошло? – и тут же засмеялся, – ну и потоп! А ты та еще проказница, Кошка!

От слова «кошка» меня передергивает.

– Я не помню, мне что-то приснилось. Что-то ужасное. Ты подожди, я сейчас переоденусь, уберусь и выйду. Со мной уже все хорошо! – заявила я как можно бодрее. У Штефана появилась знакомая ироничная улыбка, и, пока он не задал следующий вопрос, я опять успела закрыть дверь.

Мне было стыдно. Ну зачем я так реагирую? Я вышла к Штефану, совершенно владея собой, и извинилась за устроенный потоп. Даже пообещала, что в следующий раз будем вместе плескаться и еще больше все разнесем. Ему, конечно, понравилась идея. «Почему он снова в костюме?» – отметила я про себя.

– Хочешь, я принесу тебе чай? – не дожидаясь ответа, он встал и медленно пошел на кухню.

Я вдруг отчетливо поняла, что жду, когда появится Штефан с ножом. Точно как и во сне, я не смогла подняться с дивана. Но ничего не произошло, и Штефан молча вернулся, держа в руках чашку чая с хвостиком заварочного пакета, обернутого вокруг толстой ручки. «Ну что я за дура», – пронеслось в голове, выдохнула и благодарно кивнула Штефану.

Как все кошмарные сновидения, и этот ужасный сон постепенно превращался в подобие детской страшилки про красные штормы и литры крови в ведрах на подоконнике. Мозг быстро справляется со всем, что мешает организму выживать и нормально функционировать. Мозг умеет и знает как, он не хочет рисковать и быстро засыпает песком безвременья, заваливает камнями нереальности все тропы в ту часть сознания, что отвечает за воспоминания о пережитом во сне. Ты только что был в другом кино, в совершенно осязаемом, с именами, формами, запахами и смыслом, – и вот от всего этого многообразия остается только едва уловимый след, неслышимый, как

ть от беззвучного полета совы, как шлейф духов, когда-то знакомых и вдруг услышанных в толпе. Каждая секунда в попытке вспомнить работает против тебя, и чем больше пытаешься уловить, попасть туда, где истина была так близко, тем быстрее мозг закрывает все оставшиеся лазейки.

К вечеру сон все еще казался жутким, и я хорошо помнила детали, но ощущение страха и отчаяния прошли полностью. Осталось любопытство. Ну откуда такие фантазии? Допустим, я уже понимаю, что Штефан далеко не идеальный мальчик, и время с ним может оказаться короче, чем хотелось и казалось вначале. У меня уже есть план на потом, и есть время, чтобы подготовиться и реализовать его. Но пока что мы нужны друг другу. Мне негде жить, а он не выносит одиночества. У нас разные причины, но одна постель, одни шутки, одно нежелание обсуждать будущее, а это совсем не так мало и явно недостаточно для того, чтобы стать ипохондриком с застарелыми болячками придуманных страхов.

Я до сих пор убеждена, что нельзя уходить от того, с кем по-настоящему. Пускай недолго, но действительно – ты! А в нем, в нем самом сосредоточены такие уверенность, спокойствие и радость от всего происходящего, что невольно начинаешь пропитываться им, улыбаться с ним, смеяться тогда, когда совершенно, казалось бы, не над чем, просто так, потому что хорошо. Все как в первый день, когда познакомились – интригующе, заразительно, чувственно. Мы будем недолго, но будем – решила я опять для себя, оттягивая неприятные мысли о поиске работы и нового жилья.

Мы сидели на диване и пили вино. Я рассматривала вино на свет и вспоминала краски крови во сне.

– Хочешь, я теперь расскажу тебе, что мне снилось? В детстве мне говорили, что надо рассказывать о кошмарах, чтобы «куда ночь, туда и сон».

Приглушенный свет абажура разбрасывал мягкие доверительные тени на стены. Штефан рассмеялся, как очередной шутке.

– И что ты пытаешься забыть? Какой сон уйдет с этой ночью?

Мы опять растягивали время до прихода страсти, до того момента, когда говорить и смеяться станет невозможным. Это ожидание заводит больше, чем сама близость. В этом нетерпении мы смеемся чуть менее естественно, уже не задумываемся о содержании разговора. Это то ощущение, когда знаешь, что на тебя смотрят темными глазами, и глаза становятся все темнее, и голос уже звучит где-то на заднем плане, и прежде, чем полностью позволить телу распоряжаться душой, позволить увлечь и потеряться.

Я зачем-то опять говорю Штефану: «Так ты хочешь услышать про мой сон?» Он смотрит на меня так, как будто не понимает, а может быть, и не понимает, так как я и его оторвала от процесса медленного погружения в состояние полета, и он сейчас специально возвращается откуда-то оттуда, где уже не говорят на человеческом языке и все слова ничего не значат. Он пытается сосредоточиться, и на переносице появляется небольшая складка.

Я вижу, что ему уже неинтересно слушать про мои сны, плохие или хорошие, мы уже можем быть в том месте, где реальность становится слишком тяжелой для этой

легкости. Но он вежливо ждет и, склонив голову с еще аккуратно уложенными волосами, торопит меня только взглядом: «Ну давай, ну скорее рассказывай свою ненужную историю про вчерашний снег...»

– Мне снилось, что ты убил меня. Писал свой роман за столом, а потом прошел на кухню и убил меня кухонным ножом. И еще у тебя были глаза совы и совершенно рыжие волосы, как огонь, – я повела обнаженным плечом, подчеркивая слово «огонь».

Он дернулся, как от внезапного удара током.

– Повтори, – попросил он шепотом, – повтори, что ты сказала?

Я еще не успела перестроиться и потому повторила все в той же игривой манере:

– Ты убил меня кухонным ножом, представляешь?

Когда я увидела его глаза, было уже невозможно пытаться перевести все в шутку, а еще лучше – стереть, отмотать назад последние две минуты нашей беседы. Он взял мою руку и попросил-приказал, все сильнее сжимая запястье:

– Расскажи, пожалуйста, поподробнее. Как это было? Каким именно ножом?

28. Прабджот

На следующий день Штефан покрасил волосы в ярко-рыжий цвет спелой тыквы.

Он сказал, что давно хотел, его рыжий был слишком блеклый, а я его вдохновила.

– Мне идет? – спросил он, разглядывая себя в зеркало и поправляя ворот рубашки поло, – я хотел сходить за свежими булками, но у нас кончились деньги.

Он безразлично объявил, что денег больше нет, когда действительно не осталось ни одной марки. Вчера мы ели первую, самую дорогую, клубнику, по дороге домой Штефан купил орхидеи: несколько цветков – каждый в специальном пластиковом контейнере, потому что не знал, какой ему нравится больше. Видимо, так и не решил – они валялись на подоконнике.

Я не люблю орхидеи – у нас с ними взаимная неприязнь. Теперь мне было жаль несчастные цветы, обреченные на медленную смерть в прозрачном пластике, вынуждено подключенные к прибору искусственной поддержки жизнеобеспечения через срезанный у корня стебель в маленькой колбе с водой.

У нас нет денег ни на хлеб, ни на сигареты. Сигареты в такие «философские» моменты жизни намного важнее, чем хлеб. Мы по очереди ходили на остановку «пострелять». Курили пополам, до самого фильтра. Штефан по-прежнему улыбался. Я тоже. Стреляя сигареты, я думала: «Надо же было так докатиться?» Но не чувствовала при этом ни отвращения, ни жалости к себе.

Я опять «понарошку» играла в какую-то странную жизнь, понимая и лениво соглашаясь в душе, что значит так для чего-то надо. Вспоминая дом, Аксея и его взгляды путника в пустыне равнодушия, страждущего глотка любви, его бесконечные вопросы: «Когда ты меня полюбишь?» – я думала, что сейчас все еще ничего, все пока

нормально... Я не замечала и не задумывалась о том, что идеология бомжей «свобода ради свободы» оказалась мне ближе, чем сытый размеренный быт.

На мой вопрос: «И что теперь?» – Штефан безразлично пожал плечами.

– Что теперь? Что ты имеешь в виду?

– Ну, как же твой бизнес? Твои сотрудники?

Он развел руками и откинулся на спинку ротангового кресла:

– Я закрыл фирму.

Мне показалось, что он прямо сейчас придумывает новую главу в своей книге.

– Я открываю новую. Знаешь, это настоящий Клондайк – уход за престарелыми. К тому же я дал объявление о кастинге для фотомоделей.

– Штефан, ты сейчас о чем? Какой кастинг? Какие модели? В дом престарелых? – я решила, что опять произошел сбой в программе и я чего-то не так понимаю, путаю слова в неродных языках.

– Я же говорил тебе, что у меня здесь рядом есть еще одна квартира. Я сделаю там студию! Это будет хобби, приносящее деньги, у меня уже есть кое-какой опыт в этом.

А престарелые, ну, там вообще ничего делать не надо – найду людей, которые согласны ухаживать, и отправлю к старикам. Все так просто, – Штефан покачал головой, глядя на меня, – зачем тебе это вообще? Я же сказал, что скоро все будет хорошо?

Со временем любая запутанная ситуация начинает проясняться, теряя один покров загадочности за другим. В истории со Штефаном я не становилась ближе к пониманию происходящего, а наоборот, меня все больше и больше закручивало в мохнатый ком с торчащими во все стороны оголенными шпильками вопросов. Стоило неосторожно задать один вопрос, как, словно у гидры, вместо него появлялось несколько новых. Вместо бессмысленных попыток докопаться до смысла, я твердила теперь про себя свою мантру: «У меня свой План. Пускай Штефан занимается своими делами, а я займусь реализацией своего Плана». Поэтому, я просто сказала, что у него – хорошая идея. Даже две хорошие идеи.

Итак, первый шаг сделан – я подала объявление о поиске работы. Опять в «Русский Берлин» – по бесплатному вырезному купону на одной из страниц. Буду ждать звонков от работодателей, боясь наткнуться на очередного Иосифа. Мне казалось, что теперь я стала опытной и уже по голосу смогу определить серьезность намерений.

«Английский, русский, опыт в ведении переговоров, переводы устные и письменные, владею ПК, быстро печатаю вслепую. Честность, аккуратность, ответственность гарантирую...» Надо дождаться следующего номера. Вдруг мне повезет, и мое объявление разместят уже на этой неделе?

Я шла по оживленной, слегка подернутой розовой дымкой начинающегося вечера улице, когда за спиной послышались шаги и меня окликнули. Я повернулась и не сразу нашла в своей новой реальности место для улыбки человека из прошлого. Она стала проступать сквозь глубинное эхо ситара, отражаться в медной, натертой до золотого блеска посуде, я проглотила слюну с привкусом сливочного нежного карри...

– Прабджот! Привет! Ты? Ты откуда? Ты почему здесь? – от неожиданности, радости я почти кричала. – Нет, ну скажи, как ты узнал меня? Что ты здесь делаешь?

Прабджот – официант из индийского ресторана. Ресторан, в котором мы с Акселем были уже не гости и даже не «штаммгесте» – постоянные посетители; мы вроде бы уже друзья. Мы ходили в ресторанчик несколько раз в неделю, приходили с друзьями, родителями, просто поболтать. У них на кухне я училась делать «чикен масала», но так и не запомнила, запуталась в специях, вдоволь насмеялась и на всю жизнь напилась

мангового ликера. То место, где я чувствовала себя почти как дома. Дома, которого у меня в Берлине так и не появилось.

– Как дела? – ответил Прабджот вопросом на вопрос и схватил меня двумя руками за предплечья так, как будто боялся, что я сейчас оттолкнусь ногами и улечу.

Я подумала: «Ну вот он, Болливуд». Может быть, он начнет петь, а я попытаюсь взмахнуть руками. Почти у всех индусов в глазах вопрос, ожидаемое страдание и песня. Единственный индийский фильм я смотрела в детстве – «Танцор диско». Именно с тех пор все индусы так или иначе напоминали мне главного героя, а если их собиралось больше двух, то где-то глубоко в душе появлялась надежда на флешмоб со сложным танцем – главный герой в белых джинсах, у всех красные точки на лбу, женщины в узорах, яркие сари...

– Что произошло у вас с Акселем? – Прабджот так и не дал мне улететь. – Почему вы больше не заходите? – Прабджот нахмурился каким-то неприятным мыслям. – Мы вас чем-то обидели?

Очередь хмуриться и смотреть непонимающе перешла ко мне.

– В смысле обидели? Чем вы нас могли обидеть?

– Вы давно не были у нас, а когда недавно Аксель проходил мимо и Амар, хозяин ресторана, выбежал к нему навстречу, Аксель быстро перешел дорогу. Но Амар уверен, что Аксель его видел и не мог не расслышать приветствие.

– Прабджот, так вы не знаете? Ну, конечно, вы не знаете... Значит, Аксель не заходит больше? Странно. Я не думала... Знаешь, Прабджот, мы с Акселем больше не вместе, – я сделала паузу, и получилось как-то неоправданно театрально.

На самом деле, я просто не знала, что говорить дальше. Для них мы были счастливой молодой парой, молодоженами с безоблачным будущим.

Прабджот еще крепче взял меня за руки:

– Я иду на встречу, – он посмотрел на наручные часы, – у меня есть немного времени. Я могу пригласить тебя на кофе?

Я радостно согласилась. В моем нынешнем положении любая забегаловка, где можно попить кофе, была роскошью. Вот уже несколько дней мы со Штефаном допивали жуткий растворимый кофе из завалившейся где-то на антресолях банки.

– А у тебя найдется сигарета? – уловив его взгляд, я быстро затараторила, – бросаю курить, стараюсь не покупать...

Он любит ее, а она его бросает, убегает в ночь и терпит страшные страдания и мучения от злостных старцев-старьевщиков и неадекватных рыжих парней – целый сериал со сложной драматургией, музыкой и танцами... Наверное, Аксель в белых джинсах и кожаной куртке придет всех спасать.

Не знаю зачем я вылила это все на голову совершенно случайного человека. Хотелось кому-то выговориться. Может быть, теперь я как те подозрительные люди, жалкие бродяжки, что просят о помощи и рассказывают свои жуткие истории? «Дом сгорел, пропали все сбережения, обокрали бандиты, сын лежит в больнице, нет денег на лечение...» Все именно так и выглядело.

Прабджот, несмотря на мою абсолютную уверенность, что последуют причитания: «Такая пара! Как же так??? Бедный Аксель, несчастная ты...» – выразил всю гамму чувств шоколадными глазами, но вслух сказал совершенно по-деловому:

– Что будешь делать? Хочешь, я поговорю со знакомыми, у которых ресторан, и, – он огляделся, пытаясь разобраться на местности, – этот ресторан не так далеко отсюда. Им совсем недавно была нужна помощница. Хочешь? Давай свой номер телефона, я позвоню тебе еще сегодня.

На прощание Прабджот вручил мне начатую пачку дешевых сигарет в мягкой желтой пачке.

– Вдруг еще пригодится, – улыбнулся он.

Мы вместе вышли из кафе. Прабджот махнул рукой и сразу же прибавил шаг, сказал, что сейчас подойдет его автобус. Мы скомкано попрощались. Когда он отвернулся и побежал в сторону остановки, я поняла, что забыла спросить его номер телефона. Черт! Но, с другой стороны, если он не позвонит, значит, у него ничего не получилось. Буду просто ждать его звонка.

Я машинально полезла в пачку за очередной сигаретой – слово «ждать» очень плотно ассоциируется в сознании со словом «курить». В пачке, среди сигарет, аккуратно сложенная трубочкой лежала купюра в двадцать марок. «Это мне?» – не поняла я и тут же решила не рефлексировать по этому поводу. Уже давно смешались роли – официанты, королевы, бродячие кошки... У меня, так или иначе, появились деньги! Я отдам ему эту двадцатку с первой же зарплаты. Спасибо!

Я возвращалась домой с полной сумкой продуктов. Мне хотелось сделать сюрприз. Мы сейчас наконец-то нормально поедим. Я постаралась экономно рассчитать деньги и купила самые дешевые продукты с долгоиграющим сроком годности. Жаль, что у терпения нет срока годности, заранее написанного на упаковке. Было бы проще переходить к действиям. Терпение с «просроченной датой» начинает дурно пахнуть, распространять плесень на еще свежие воспоминания; в итоге в мусорном ведре оказываются даже, казалось бы, нетленные надежда и вера в себя.

– Штефан, – крикнула я с порога, не успев отворить дверь до конца и протискиваясь с сумкой в неосвещенную прихожую. – Штефан, я, может быть, пойду работать и еще, посмотри, я купила нам еды! Слышишь, иди сюда, помоги мне с сумкой! Я так хочу бутерброд с сыром! Штефан!

Он не вышел мне навстречу, хотя я слышала, как он возится на кухне – зачем-то открывает и закрывает ящики.

– Штефан, ты что?.. – я забежала на кухню, оставив сумку валяться в прихожей. – Штефа... – я осеклась на полуслове и застыла в дверном проеме.

Женщина стояла вполоборота и смотрела в окно. Черные лаковые туфли на небольшом каблучке, элегантное серое платье. Никому не нужный передник, бесцельно висевший на крючке в углу, теперь был повязан поверх платья, и последняя, окончательно сбивающаяся с толку деталь – зеленые резиновые перчатки, доходившие до локтя.

– Вы кто? – спросила я, но даже сама не расслышала свой охрипший голос.

29. Проблемы с самоидентификацией

Есть женщины, которые сохраняют контроль над ситуацией, даже когда борются с резиновыми перчатками. Наверное, королева Англии, приди ей в голову навести лоску в Букингемском дворце, не справилась бы лучше. Женщина сняла фартук, выбросила перчатки, показала рукой на стул, сама села за стол. Мы посидели в тишине, разглядывая друг друга: она – прямо, в упор, я – стараясь выдержать взгляд. Она спросила с очень красивым, оксфордским произношением: «I hope you don't mind if I ask you the same? Who are you?»¹

¹ Надеюсь, ты не против, если я задам тебе тот же вопрос? Кто ты?

Посмотрев на мои сомнения с самоидентификацией, она не стала ждать ответа, удовлетворенно кивнула каким-то своим мыслям и продолжила.

– Я вижу, что у тебя есть ключ, и, видимо, именно твои вещи лежат в квартире. И опять, не дождавшись моей реакции, она скорее вынесла вердикт, чем спросила: – Значит, ты здесь живешь?

Я с видимым облегчением кивнула. И всего-то? Если вопросы будут поставлены, как в детской игре, где можно отвечать только «да» или «нет», то я готова к дальнейшей беседе.

– А как давно ты живешь с моим сыном? – спросила дама, нарушив игру, уверенная, что интервью и дальше будет проходить по ее сценарию.

– Значит, Штефан ваш сын? – уточнила я, как будто в квартире помимо Штефана проживали еще какие-то мужчины.

Женщина не ответила, но и не перестала пристально изучать меня серыми спокойными глазами.

– Откуда ты? Россия? Польша? – она снова окинула меня взглядом с головы до ног, – ты одна из его... – женщина попыталась подобрать слово, даже искала его глазами на потолке, взмахнула ухоженной кистью, – ты одна из его... моделей?

Слово «модель» мне даже польстило, но колючки в интонации и непонятное «одна из» исключали комплименты в мой адрес.

Почему модель? Я вспомнила свою недолгую карьеру фотомодели из студенческого прошлого. Перед глазами всплыли фотографии в провинциальном журнале мод и коровьи, невнятные, бездонные глаза молодого человека, напарника на съемках. Для романтического фото на обложку он и она в вязаных пуловерах на полуголое тело (производитель пуловеров именно так видел свои изделия) гуляют меж берез в весеннем лесу. Парню ставили складную лесенку, чтобы он казался выше. В той моей жизни царствовала повсеместная нехватка рослых особей мужского пола. Первое время в Германии я никак не могла прийти в себя от того, что вдруг перестала быть «высокой девушкой» и стало так легко затеряться в толпе. По-моему, на всех фото отчетливо видно, что я смотрю на свою «пассию» в пуловере с некоторым превосходством, что, впрочем, совсем не мешало последнему влажно смотреть мне в глаза со своей стрелянки и пытаться приобнять намного крепче, чем того требовало искусство.

– Почему модель? Что вы имеете в виду? – переспросила я, понимая, что меня с кем-то путают. – Ваш сын пригласил меня пожить здесь, потому что, – я запнулась, – потому что я оказалась в сложной жизненной ситуации. Штефан мне помог. А где он? – я опять посмотрела по сторонам, хотя было очевидно, что Штефана в квартире нет, и откуда-то прилетела уверенность, что скоро его ждать не придется.

– И почему вы не спросите его самого? – перешла я в наступление, хотя совершенно не чувствовала в себе уверенности, что с этой женщиной можно говорить в таком тоне.

– Ты работаешь? – перебила меня мама Штефана.

Я покачала головой.

– Я ищу работу, – почему-то снова начала оправдываться я. – Мне сегодня одну предложили, обещали позвонить, если я им подхожу.

Женщина не дала договорить.

– В массажном салоне? – она снова озадачила меня и скорее даже не странным предположением о моем трудоустройстве, а каким-то вызовом в голосе. – Ну, конечно, где же еще? Чего еще от вас ждать, – сказала она тихо по-немецки, но я, как ни странно, впервые все поняла и не стала переспрашивать.

Мне стал надоедать метод общения, где за меня и про меня делают какие-то нелюбезные выводы, не утруждаясь объяснять свои умозаключения и, судя по

всему, совсем не бояться обидеть.

– Нет, ни в каком не в салоне. Я ищу работу переводчика, у меня высшее образование, но пока еще слабый немецкий... Я дала объявление в газету и жду ответа. И, вообще, – я встала из-за стола и стала пятиться к выходу, – если хотите знать, я не очень-то и рассчитываю на вашего сына, и даже больше – я хочу уйти от него. Я не знаю, чем он занимается, и мне страшно от того, что здесь происходит. Почему вы приходите сюда и задаете мне вопросы, как будто я в чем-то перед вами виновата?

Женщина подняла руку, выставив барьер перед моими переходящими на крик словами.

– Прости, я не хотела тебя обидеть.

Мне хотелось крикнуть в ответ, что я знаю, что именно этого ей хотелось, когда она говорила мне такие вещи подобным тоном, но она, вдруг устав держать броню своей осанки, оперлась локтями на край стола, скрестив пальцы обеих рук в беззвучном отчаянии голубых напрягшихся вен, выдохнула:

– Что он опять натворил?

Беседа приняла новый поворот, а я уже в который раз почувствовала себя совершенно не на своем месте. Меня словно вырезали из какого-то контекста и вставили в другой, где я, по задумке веселых авторов, сразу должна была освоиться и вести ранее, без меня начатые диалоги, ухитряясь не потерять нить разговора.

Она уже торопила меня:

– Кто-то приходил с жалобами? Просили деньги? Или, – она попыталась схватить меня за руку, – полиция, да?

Я помотала головой, стряхивая надвигающееся откровение, желая, но не чувствуя в себе силы принять правду. Понимая, что назад пути нет, я задала вопрос:

– Вы не расскажете мне в чем дело? Вам не кажется, что если вы задаете мне такие вопросы, то я тоже могу спросить. Что происходит с вашим сыном?

Она смотрела на меня и мимо. Все декорации маленькой кухни остались на своих местах, но за столом, с танцующими пятнами от многочисленных солнечных лучей, проходивших сквозь несерьезную занавеску с вечно вздрагивающими от слов и бессмысленно кружащимися пылинками, сидела совершенно другая женщина.

Несчастливая. Уставшая. С плохо покрашенной сединой на отросших у корней висков. Ее подбородок, обмякший дряблыми складками, покоился в выемке ладони правой руки, левая рука оттирала тени солнечных зайчиков на поверхности стола.

– Мой сын болен, – она перевела взгляд на меня.

Теперь, повторяя недавнюю позу женщины, скрестив руки на столе в безмолвной мольбе, сидела я.

– Чем? – спросила еле слышно, заранее складываясь, вжимая шею, сжимаясь в размерах до боли в суставах.

– Он отказывается от лечения. У него прогрессирующий маниакально-депрессивный синдром, – сказала женщина по-немецки слова, понятные на всех языках, одинаково на всех языках лишены смысла и надежды.